

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт востоковедения РАН**

Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ

ПЕРЕХОДНЫЕ ЭКОНОМИКИ

Россия, Казахстан, Китай

Москва 2015 г.

Александров Ю.Г. Переходные экономики: Россия, Казахстан, Китай. – М.: Институт востоковедения РАН. 2016. - 140 С.

В монографии рассматриваются проблемы перехода бывших социалистических стран от централизованных экономических систем к рыночным принципам их организации. Объекты исследования - Россия, Казахстан и Китай в свое время далеко зашли по пути индустриального социализма и погружения в социалистический образ жизни. Их экономики можно отнести именно к «переходным» (transitional), а не к «развивающимся» (emerging) и не, тем более, «слаборазвитым» (underdeveloped). При этом, для строительства новой экономики они могут использовать важные сравнительные преимущества. В России и Казахстане – это запасы нефти и газа, В Китае – огромные трудовые ресурсы. Вместе с тем, они демонстрируют существенные различия между собой в структуре хозяйства и экономической политике. Это позволяет выявлять как общие закономерности, так и национальные особенности модернизации их экономик.

В исследовании показаны трудности на пути решения данной задачи. Во-первых, фундаментальное для постсоциалистических стран противоречие между рациональностью формирующихся рыночных экономических систем и унаследованными от прошлого уравнилельными принципами организации социальной жизни общества. Во-вторых, необходимость преодоления структурных перекосов в экономике как наследия форсированной социалистической индустриализации. В-третьих, сложности перехода от моделей экстенсивного роста к моделям научно-технологического развития. В-четвертых, опасность чрезмерного вмешательства государства в выбор экономического курса.

© Александров Ю. Г.
© Институт востоковедения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: переходная экономика как феномен	4
Модернизация: роль денег	8
Советский «деревянный» рубль	8
Деньги: Казахстан и Китай	14
Российские монетаристы	15
Идеология мобилизационной экономики	19
Экономисты-академики 1990-х годов	19
Экономисты-академики в 2010-е годы	21
Патриотическая экономика	35
Экономическая политика 2000-х годов	40
Китай: диверсификация экономической политики	40
Казахстан: первый опыт модернизации	47
Россия: концепции экономической стратегии	53
Россия: энергетическая экспансия	55
Россия: государство в промышленности	59
Проблемы от прошлого: ОПК и сырьевой экспорт	74
ОПК в СССР	75
ОПК – Россия	76
ОПК – Казахстан	80
ОПК – Китай	81
Сырьевой экспорт: «голландская болезнь»	85
Кризис 2014 года	90
Кризис: Китай, Казахстан	90
Кризис: Россия	93
Практическая стратегия	107
Иностранные инвестиции	107
Импортзамещение	113
Экономическая интеграция	112
Заключение	129
Резюме	140

Введение: переходная экономика как феномен

Цель настоящего исследования обозначена в его названии. Возвращение народов, проживавших длительное время в замкнутой среде бюрократического социализма советского типа («в одной, отдельно взятой стране», - В.И. Ленин), обратно в мировое сообщество – новый феномен истории. Закономерности перехода «от капитализма к социализму и обратно» изучены еще не очень хорошо¹.

Ученые современных переходных обществ, которые долго находились в идеологической и политической изоляции от основного течения мировой научной мысли, не без труда ориентируются в новой обстановке. Тем более что перемены начались не так давно и продолжаются разными темпами, демонстрируя и нечто общее, и существенные национальные особенности. Поэтому автор сделал для начала объектами исследования три государства: Россию, Казахстан и Китай. В них в свое время далеко зашел процесс построения социализма с коммунистической перспективой и погружения в социалистический образ жизни. Так что их экономики можно более определенно отнести именно к «переходным» (transitional), а не к «развивающимся» (emerging). И, тем более, не к «слаборазвитым» (underdeveloped): как, например, в

¹ Приведем хотя бы такой пример: Из истории экономики известно о первоначальном накоплении капитала в позднефеодальных обществах. Но что такое *постсоциалистическое* первоначальное накопление капитала?

республиках бывшей советской Средней Азии или в азиатских социалистических странах вроде Лаоса. А сейчас эти три конкретные страны объединяет еще один важный признак. В отличие от остальных постсоциалистических государств (за исключением Туркменистана) они располагают некоторыми крупными хозяйственными ресурсами, которые дают возможность облегчать тяготы переустройства на ходу всего уклада их экономической и социальной жизни и быть использованными для перехода к рыночной модели экономики.

В Китае, который первым из стран социализма двинулся по пути рыночных экономических реформ, к таким резервам следует отнести, во-первых, не растраченный за годы коммунистических экспериментов председателя Мао трудовой и нравственный потенциал многосотмиллионного крестьянства. Во-вторых, как одно из следствий этого, - огромные ресурсы потенциально мобильной рабочей силы. В-третьих, эффективность государственного управления, которая позволила активно привлечь прямые иностранные инвестиции как исходную базу для формирования агрессивного экспортного сектора промышленности. Все это, в свою очередь, дало возможность приступить к планомерному реформированию тяжеловесного и низкоэффективного государственного индустриального сектора.

В России и Казахстане таким резервом оказалась нефтегазодобывающая промышленность, основанная на колоссальных запасах нефти и газа. При этом, в *России* была сделана ставка на превращение экспортного сектора ТЭК в локомотив экстенсивной («евроазиатский спрут»²) интеграции в мировое хозяйство. Плюс к тому, страна, растратив свой собственный трудовой потенциал за драматические десятилетия строительства коммунизма и войн, после развала СССР получила (по принципу: «не было счастья, да несчастье помогло») парадоксальную возможность использовать дешевый труд раскрепощенной массы мигрантов из бывших союзных республик. *Казахстан*, сделав для начала базой стабилизации и роста экономики экспортный ТЭК, активно использовал для его развития (схоже с Китаем, но в отличие от России)

²Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «евроазиатским тигром». М. ИВ РАН, 2007, 480 с.

прямые инвестиции крупнейших зарубежных нефтяных компаний, организованных в международные консорциумы.

Вместе с тем, все три страны демонстрируют существенные различия в экономических стратегиях и политике. Это создает благоприятные возможности для выявления общих закономерностей и национальных особенностей трансформации их «социалистического народного хозяйства» в современные экономические системы.

Завершающая работа над исследованием пришлась на время обострения в 2014 году негативных явлений в экономике всех трех стран. В России, будучи по своей природе системным, кризис назревал уже не первый год. Однако его наступление было ускорено падением мировых цен на нефть, оттоком капиталов за рубеж и экономическими санкциями Запада. Все это произошло при крутом развороте государственной политики в сторону внешних геополитических задач.

В то же время в *Казахстане* после кризиса (пик которого в нем пришелся на 2009-2011 гг.) поддерживался средний темп экономического роста в 4-6 процентов. Но, в основном, за счет таких отраслей, как строительство, торговля, транспорт и связь. В промышленности и сельском хозяйстве он оказался близким к нулю³. Затем в обстановке резкого снижения цен на нефть официальный курс тенге к доллару, находившийся после девальвации 2008 г. (до нее 120 тенге) в пределах (округляя) 147-152 тенге, в 2014 г. был вновь снижен - до 179 тенге. Вместе с тем, многозначительной неожиданностью оказался объявленный в конце года президентом Назарбаевым поворот от программы форсированного промышленного развития к масштабным проектам транспортной инфраструктуры национального и международного масштаба на 2015-2019 годы.

³ М-во нац. экономики РК. Комитет по статистике. Офиц. Стат. информация. Динамика основных показателей. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage.jspx?_afrcLoop=1148693449850 (дата обращения: 12.91.2015)

Китайская Народная Республика, использовав для стартового рывка бурное развитие экспортного сектора промышленности, встала затем на путь развития своего внутреннего экономгеографического пространства с ожидаемой для такого времени опасностью снижением темпов общего роста.

В заключение остается сказать несколько слов в объяснение авторской логики раскрытия темы. Проблема в том, что в случае переходных экономик исследователь имеет дело с еще не вполне сформировавшимися, изменяющимися организмами. Скажем, в государствах Европы и Северной Америки давно сложились основы современных экономических систем, и базовые принципы их организации практически никем не ставятся под сомнение. Власть и собственность, экономика и политика разделены между собой. Поэтому цели их экономической политики сводятся, в основном, к регулированию экономических процессов. Корректировки происходят, как бы, сами собой в результате неантагонистического противостояния рационально осмысленных интересов политически организованных экономических и социальных групп общества. В отличие от этого, в государствах переходного типа сомнению, оспариванию и переоценке может подвергаться все: от результатов либеральных реформ и текущей экономической политики до основополагающих принципов организации экономики и даже ее места в жизни государства. Их практика подтверждает однобокость вывода о политике как, исключительно, о «концентрированном выражении экономики». Политика в государствах переходного типа может играть ведущую и даже агрессивную роль при выработке, коррекции либо, вообще, смене экономического курса. Соответственно, в обществе наблюдается сильный разброс мнений и позиций по всем вопросам - от ключевых до частных. И хотя в таких государствах основные решения принимаются властным путем, вокруг них постоянно ведутся острые дискуссии. Конечно, их значение принижается ограничениями политической жизни. Но, все же, и при том, так или иначе, выявляются как противоречия самой экономики, так и разногласия в обществе по поводу их преодоления и путей движения к желаемому будущему.

Модернизация: роль денег

В России после начала постсоветских реформ произошли существенные изменения в дискуссии о путях модернизации экономики. С первых шагов решение этой задачи связывалось с трансформацией советской «командно-административной» централизованной системы в рыночную. То есть рассматривалось, как обратный путь от социализма к капитализму. Идеи марксистского ортодоксального социализма советского образца и тоже марксистского, но «с человеческим лицом» сразу утратили практическую актуальность. Во главу угла были поставлены две задачи. *Первая* – реформа денежной системы и ценообразования. *Вторая* – переход от государственного распоряжения всеми ресурсами, активами и другими элементами системы воспроизводства экономики к частной собственности на них. Из них в центре самой острой идеологической и политической борьбы оказалась первая, а не вторая. Казалось бы, странно, но на самом деле не удивительно. Во многом, потому, что «народные массы» при советской власти уже испытали на себе и вполне осознали свою фактическую непричастность к распоряжению виртуальной «общенародной» собственностью во всех ее проявлениях. Оставался неясным только вопрос, кому и как ее передавать в собственность. Но в том, что это надо как-то делать, мало кто сомневался⁴. Иное дело – деньги и цены.

Советский «деревянный» рубль.

В советской системе общественный воспроизводственный процесс во всех звеньях и в целом осуществлялся государством. Его основной функцией было плановое распределение ресурсов в соответствии с приоритетами, устанавливаемыми политическим руководством. Идеальной основой такой практи-

⁴ См. подробно: Александров Ю. Г. Переходная экономика. Российская версия. М., ИВ РАН, 1999. Глава 4 (Реформы: первые шаги и первые решения).

ки были догмы теории трудовой стоимости К. Маркса. По ней стоимость товаров имеет объективный характер и потому может быть вычислена еще до начала процесса производства, если заменить частную собственность и рынок общественной собственностью и научным управлением хозяйством. Полагали, что в таком случае трудовые затраты и прочие показатели не только отдельного предприятия, но и всего общества можно планировать далеко наперед. Этому соответствовала и роль денег в социалистическом «народном хозяйстве», которое по своей сути было экономикой «денежной, но не рыночной»⁵.

Казалось бы, даже в устарелой экономической теории К. Маркса - идеологической основе советской «политэкономии социализма» деньги должны выполнять несколько функций: меры стоимости, средства обращения, средства платежа, образования сокровищ, мировых денег⁶. Но в советской нерыночной системе продукты труда не имели стоимости в том смысле, который предлагался К. Марксом для капитализма: их объективного сопоставления «за спиной» производителей. Тем более, отвергался механизм сравнительной оценки, общепринятый в мировой экономической науке. В теории трудовой стоимости такая оценка просто отсекалась и отдавалась на откуп товароведению. Равным образом, директивное государственное планирование исключало для денег возможность активно стимулировать производство товаров через спрос. «Твердость» рубля должна была гарантироваться точным выполнением государственных планов. Соответственно, проявлением инфляции в советской экономике был не рост цен, а продуктовый дефицит⁷. Это же сделало рубль неполноценным сберегательным инструментом. Деньги потребителей в виде наличности либо вкладов (даже не в банки, а «сбере-

⁵ См. подробнее: Александров Ю. Г. Когда экономика денежная, но не рыночная // Мировая экономика и международные отношения. 2000, № 11. С. 79-91.

⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый, книга I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры. 1960, т.23. С. 104-156.

⁷ Во второй половине 1980-х годов «денежный навес» в виде сберегательных вкладов населения прирастал год от года по нарастающей: с 10% в 1985 г. до 13-13,5% в 1989-1990 гг. В 1991 г., несмотря на двукратное повышение оптовых и розничных цен, он увеличился скачкообразно – более чем на 70%. (Страны – члены СНГ. Статистический сборник. Статистический комитет СНГ. М., Финансовый инжиниринг., 1992. С. 362).

гательные кассы») не стимулировали предложение продуктов и услуг. То, что называлось «платежеспособным спросом» могло быть учтено (либо игнорировано) при составлении новых государственных планов, а постоянный «дефицит» списывался на «нераспорядительность торговых организаций»⁸. Роль денег оказалась, таким образом, фактически сведенной, в основном, к одной функции – средства расчетов и платежей в связке: директивные планы – твердые цены – распределение продуктов как квазитоваров. Все это в совокупности исключало возможность для советских денег быть конвертируемой валютой, даже «мягкой».

Но в официальной советской политэкономии был постулирован совершенно другой взгляд на деньги при социализме. Как утверждалось, в развитие теоретических положений К. Маркса. При этом упор был сделан на главное заблуждение (скорее, предрассудок) «классика»: отождествление рынка и конкуренции с разрушительным хаосом. Это касалось всего: товарно-денежных отношений, стоимости продуктов труда, цен, сущности и функций денег. Такие изыскания советских идеологов социализма стали обоснованием практики централизованного государственного управления общественным хозяйством. При капитализме, - говорится в советском учебнике политэкономии социализма⁹, - общественная стоимость товара «складывается стихийно, за спиной товаропроизводителей. В условиях же социализма государство оказывает плановое воздействие на формирование и постепенное снижение общественной стоимости – централизованным установлением единых цен, политикой их снижения, разработкой научно обоснованных отраслевых нормативов удельного расхода сырья, материалов, топлива и живого труда» (с. 174). В конечном счете, - поясняется далее, - «на базе общественно необходимых затрат с учетом спроса и предложения устанавливаются и твердые

⁸ Экономический закон социализма: «Не все то продается, что покупается». Один из символов социалистического равенства – очередь: «живая» для равных граждан и «очередь внеочередников» - для «более равных» из них.

⁹ Политическая экономия социализма. Учебное пособие. Изд-во «Экономика». М., 1969.

розничные цены» (с. 179)¹⁰. Таким образом, здесь эксплуатируется главное у К. Маркса по поводу стоимости: что ее, якобы, можно точно рассчитывать и затем на такой основе планировать все пропорции и показатели в общественном хозяйстве – от его отраслевой структуры до цены последнего гвоздя.

Деньги в такой системе, разъясняется далее, «один из важнейших инструментов планового руководства, надежное средство учета и контроля». Как «мера стоимости» они отражают «общественно необходимые затраты труда» на производство товаров. То есть, в отличие от рыночной экономики, такие затраты (для авторов труда - «стоимость») вычисляются чиновниками-плановиками на базе искусственных критериев и оценок. Сфера действия денег еще в одной функции – «средства обращения товаров» распространяется «главным образом на куплю-продажу предметов потребления» (с. 184). Разумеется, добавим, если таковые поступают в распределительную систему¹¹, а также на «колхозные» рынки. Но фактически роль денег (за исключением рынков) не выходила за функции «средства платежа». Ведь в абсолютно доминировавшем государственном («социалистическом») секторе хозяйства предметы потребления производились не в системе «спрос – предложение», а по утверждаемым заранее государственным планам. Желание держателей советских «дензнаков» покупать продукты труда («платежеспособный спрос»¹²) не становилось непосредственным стимулом для их предложения государством.

Такая освященная политэкономией социализма практика стала большим шагом вниз по лестнице экономической практики и экономической мысли. Теория денег уже тогда ушла далеко вперед даже от господствовавшего во времена К. Маркса «реального» подхода к деньгам в рыночной экономике, при котором те рассматриваются лишь как «средство учета и облег-

¹⁰ Плановую экономику можно сравнить с сороконожкой, которая каждый раз определяла наперед, с какой ноги ходить.

¹¹ Из последних 18 лет существования СССР планы не выполнялись 13 раз // Назарбаев Н. На пороге XXI века. Алматы, ӨНЕР, 1996. С. 41.

¹² В советской экономической теории всегда говорилось именно о «платежеспособном» спросе, поскольку считалось, что масса денег в плановой экономике должна идеально соответствовать «научно обоснованным потребностям».

чения сделок». В отличие от этого, - объясняет, например, американский экономист Бен Селигмен, - при другом, «монетаристском», подходе «деньги не только средство измерения экономической деятельности, но также и движущая сила тех явлений, которые они призваны измерить».<...> «В монетарной трактовке деньги - это компас, которым должен руководствоваться индивидум»¹³.

Но и это еще не все. В социалистическом хозяйстве цены на продукты труда должны сознательно фиксироваться «с таким расчетом, чтобы свести число убыточных предприятий к минимуму или даже к нулю» (Политическая экономия социализма, с. 175)¹⁴. В этом усматривалось главное преимущество социализма перед капитализмом: замена конкуренции как «антагонистического противоречия» в рыночной экономике точным научным расчетом наперед - сколько чего и когда будет предоставлено обществу. Ровно столько, чтобы обеспечить это, должно быть и предприятий: «Государство заинтересовано в успешной работе всех своих предприятий, а также и колхозов, поскольку их продукция нужна обществу» (с. 175). Таким образом, и теория, и практика исходили именно из того, что в социалистической системе, подобно отдельным предприятиям или компаниям, принятие решений должно опираться на конкретные точные расчеты. И потому (на что обратил внимание тот же Б. Селигмен) считалось, что «система цен независимо от способа их образования может действовать в качестве критерия, позволяющего осуществлять рациональное распределение ресурсов в централизованной экономике»¹⁵. Иначе говоря, всеми пропорциями в экономике можно управлять при помощи произвольного ценообразования, подчиненного практическим целям государства.

Но, что бы ни говорилось, «стихийные политэкономы» - простые граждане с присущим им здравым смыслом рассудили по-своему: они отлично

¹³ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1968. С .496-497.

¹⁴ То есть ориентироваться на худших.

¹⁵ Там же. С. 528.

поняли неполноценность советского рубля в функции денег и дали ему прозвище «деревянный». На роль инструмента преобразования социалистической экономики в рыночную он, конечно, не годился¹⁶. Поэтому для первых постсоветских реформаторов экономики жизнь сформулировала задачу следующим образом: как превратить «дерево» в «золото»? За такое не брались даже средневековые алхимики, чье воображение не шло дальше свинца. Альтернативой отпусканию цен могла быть в то время только карточная система. Однако это было абсолютно неприемлемо политически: масса населения верила в возможность быстро, путем незначительных («косметических») изменений наполнить магазины и начать снижать цены. С магазинами в конце концов так и получилось, но с ценами вышло иначе. «Великим магистратом» (он же «философский камень») для Е. Гайдара и его команды стала либерализация ценообразования. Отпустив «на волю» с 2 января 1992 г. большую часть цен, они вернули деньгам отнятые у них административным ценообразованием функции. Прежде всего, - соизмерение спроса и предложения товаров. Одновременно с этим альтернативой ушедшему из мировой практики золотому паритету денег (например, «золотому червонцу» советской России времен НЭПа) стал обменный курс рубля к твердым валютам. Тем самым был дан толчок смене распределительной системы товарным обращением с прямыми и обратными связями между производством, распределением и потреблением, между спросом и предложением товаров и услуг. Благодаря этому в российской экономике раскрылась ее монетарная составляющая. А потому вопрос об оправданности или неоправданности изменения системы ценообразования быстро перешел в сослагательное наклонение. Тем более что за Россией последовал (из взятых для примера государств) Казахстан, а в Китае либерализация ценообразования началась еще раньше, правда, со своей спецификой, о чем будет сказано ниже.

¹⁶ С «деревянным» рублем ни коммунизм построить, ни капитализм.

Деньги: Казахстан и Китай

Казахстан перешел на национальную валюту (тенге) 11 октября 1993 г. после введения (26 июля того же года) в России собственного рубля и окончательного распада единой союзной рублевой зоны. Одновременно с ним то же сделал Узбекистан¹⁷. В Казахстане во главе государственных денежных и финансовых институтов был поставлен Национальный банк РК, независимый от распорядительных и исполнительных органов власти, подотчетный только Верховному Совету и президенту РК¹⁸. Он представляет собой верхний (первый) уровень банковской системы. Банк поддерживает обменный курс тенге валютными интервенциями, осуществляет мониторинг обменных пунктов, устанавливает пределы отклонения курсов покупки от курса продажи долларов США и евро за тенге по операциям через обменные пункты. Ниже уровня Национального банка как инструмента макроэкономической политики государства находится система институтов стабилизации и развития экономики через финансовую поддержку отечественных предприятий и инвестиционных проектов всех уровней. Государственные финансовые ресурсы должны направляться как через государственных, так и частных операторов. К частным операторам отнесены «банки второго уровня», международные институты развития, негосударственные лизинговые и инвестиционные компании, другие подобные финансирующие организации¹⁹.

В *Китае* до 1994 г. действовали два валютных курса: официальный и курс валютного регулирования, служивший ориентиром для валютного рынка. Это стало возможным благодаря «двухколейной» стратегии реформирования экономики. Создание относительно самостоятельного экспортного сектора в «специальных экономических зонах» (СЭЗ) с активным участием

¹⁷ Назарбаев Н. На пороге XXI века. С. 45, 48.

¹⁸ Основа суверенной финансовой системы РК была заложена 20 июня 1991 г. принятием постановления Верховного Совета Казахской ССР «Об Уставе Национального Государственного банка Казахской ССР», в соответствии с которым он перешёл в собственность республики и стал Центральным банком. 13 апреля 1993 г. он был переименован в Национальный банк Республики Казахстан. В настоящее время функционирует в соответствии с законом от 30 марта 1995 г. «О Национальном Банке Республики Казахстан». Подробнее см.: www.nationalbank.kz

¹⁹ <http://www.nationalbank.kz/?&switch=russian>

иностранный (прежде всего, зарубежных «китайских соотечественников») капитала позволило (в отличие от России, где это не получилось) не форсировать переориентацию социалистического государственного сектора в тяжелой промышленности на рыночные критерии. Но с 1 января 1994 г. был введен единый валютный курс, который (как в России и Казахстане) стал ежедневно объявляться Центральным банком в соответствии с результатами сделок на межбанковском валютном рынке в предыдущий день. Одновременно было прекращено хождение внутри страны валютных сертификатов и обращение иностранной валюты, введена практика купли-продажи валюты в уполномоченных банках для внешней торговли, прекращено директивное планирование валютных доходов и расходов²⁰. При этом юань остался не полностью конвертируемой валютой. По валютным операциям, связанным с движением капиталов, сохранились жесткие ограничения в интересах экспортной торговли. Сроки перехода к свободному обмену юаня на твердые валюты до сих пор регулярно переносятся на будущее. Проблема в том, что укрепление юаня может снизить конкурентоспособность китайских товаров на американском и других внешних рынках – в том числе в Казахстане и России. В то же время искусственное занижение курса юаня затрудняет иностранные инвестиции в СЭЗ и конвертацию прибыли в национальной валюте в твердые валюты. Относительная слабость юаня чревата также инфляцией и образованием «мыльных пузырей» внутри страны. Кроме того, если регулирующие возможности китайских властей будут ограничены, им придется усиливать конкурентоспособность экономики, не прибегая к монетарным инструментам и интервенциям на валютном рынке²¹.

Российские монетаристы

В России ожидаемого населением после отпущения розничных цен их быстрого снижения при полных прилавках магазинов не получилось и, ко-

²⁰ Портяков. Китай. Экономическая политика эпохи Дэн Сяопина. М., Восточная лит-ра, 1998. С.131.

²¹ Китай намерен сделать юань конвертируемой валютой к 2015 г. //Нефть России. М., 10.09.2014. URL: <http://www.oilru.com/news/277375/> (дата обращения: 24.01. 2015).

нечно, не могло получиться. Это требовало глубокой перестройки всей структуры экономики, ее демонополизации, упорядочения ценообразования на товары и услуги естественных монополий любого назначения – производственного и потребительского. А предприятия и целые отрасли экономики столкнулась с трудностями финансирования хозяйственной деятельности при высоком уровне инфляции и (как со способом борьбы с ней) с понижением скорости печатного станка. Поэтому на первый план общественной и политической дискуссии сразу вышла макроэкономическая стабильность во всей ее сложности для переходной экономики. На нее переключилось общее внимание, от политиков и ученых до простых граждан, и развернулась острейшая дискуссия. Ее центральным пунктом стал вопрос: как осуществлять перестройку экономики? С точки зрения приверженцев монетаристской политики («монетаристов»), это надо делать с упором на макроэкономическую стабильность и снижение инфляции, активизируя тем самым рыночные оценки эффективности хозяйственной деятельности. В таком случае на первый план выводится подавление инфляции монетарными средствами: через ограничение денежной массы и сочетание антиинфляционных мер со стимулированием технологической модернизацией производства и развитием конкуренции. А по альтернативному мнению «реалистов» надо, наоборот, нарушать равновесие, вливая в экономику денежные ресурсы с целью придать ей динамизм. То есть осуществлять так называемое «дефицитное» финансирование. Деньги в данном случае – это как бы форма, которую принимают материальные хозяйственные ресурсы в ходе обмена.

На фоне такого принципиального спора практически сразу была оттеснена далеко на обочину та разновидность взглядов сторонников либеральных реформ, суть которых определяется как «рыночный экстремизм». То есть вера в то, что, получив свободу действий, рынок сам и очень быстро проделает всю работу по капиталистической трансформации разрушенной социалистической экономики. Как полагали «либеральные экстремисты», главное – последовательно вести рыночные реформы и запустить машину свободного на-

копления капитала. А тогда процесс пойдет сам собой. При этом их мало беспокоила неоднородность экономического и социального пространства слаборазвитых и переходных обществ, чреватая искажениями сигналов из центров формирующейся рыночной экономики на ее периферии. Однако, вопреки тому, в чем принято обвинять правительство Б. Ельцина - Е. Гайдара, «либеральный экстремизм» ни на один день не становился их практической политикой даже в самом начале экономических реформ²².

Решения того короткого периода опирались на новую Конституцию РФ 1993 г. Это рыночный механизм ценообразования, легализация частнохозяйственной деятельности, либерализация внутренней и внешней торговли, а также приватизация государственной собственности и другие действия по строительству рыночных институтов. Реформаторы стремились быстро создать основы нового механизма стабилизации и оживления экономической жизни страны. Во-первых, установить простые и понятные «правила игры» и процедуры; во-вторых, внести в хозяйственную жизнь ферменты рационализации и активизации. Ставка была на либерализацию и приватизацию экономики. В возможность решить возникшие проблемы административными действиями государства в том состоянии, в каком оно реально находилось, реформаторы вполне справедливо не верили. Все же, для начала ими был принят поиск, как писал Е. Гайдар, «социально приемлемых» действий - с тем, чтобы создать условия для последующих «экономически оптимальных решений»²³. Поэтому, как он подчеркивал, «настоящей шоковой терапии» в стране не было: «сбивание инфляции шло неровно, толчками, непоследовательно и потому особо мучительно» (с.165). Либерализация цен далеко не стала тотальной. Сохранилось государственное регулирование тарифов энергоносителей, железнодорожного и трубопроводного транспорта, коммунальных услуг, импортных и экспортных пошлин, цен на хлеб и лекарства. Но значительная часть цен была «отпущена на волю» и рванула вверх. Началась

²² См. подробнее: Александров Ю.Г. Переходная экономика: российская версия. М. ИВ РАН, 1999. Главы 3,4.

²³ Гайдар Е. Государство и эволюция. М., Изд-во «Евразия», 1995. С.159

«дикая» инфляция, главным средством борьбы против которой и была избрана монетаристская политика при помощи контроля над денежной массой.

Поэтому довольно быстро утратили практическую актуальность те идеи, которые увязывали антиинфляционную политику со значительно более либеральным использованием печатного станка. Это относится, в первую очередь к политически активному в 1990-е годы Григорию Явлинскому с его вариантом институциональной политики для российской переходной экономики²⁴. То есть к тому времени, когда нынешняя модель экономической политики еще формировалась, и потому вопрос о соотношении по времени либеральных мер и институционального строительства оставался открытым. Г. Явлинский выступил против либерализации цен по Гайдару, приватизации государственной собственности по Чубайсу и монетаристской политики финансовой стабилизации как от необоснованного отказа сохранить целостную систему стратегического управления переходным процессом. И если Е. Гайдар представлял себе реформу в виде «скачки верхом на тигре», то Г. Явлинский - как процесс, который поддавался управлению из центра. Но при этом он не учел последствий незавершенности становления частной собственности при особой активности стихийных процессов в «отпускаемом на свободу» хозяйственном организме страны.

²⁴ Александров Ю.Г. Переходная экономика: российская версия. Глава 10, п.2.

Идеология мобилизационной экономики

Экономисты-академики 1990-х годов

Спор «реалистов» с правительственными «монетаристами» сразу возглавил ряд влиятельных представителей академической науки. Он продолжается и поныне. Более того, в последнее время это противостояние опять оказалось в центре не только научных, но и политических споров. В общем виде оно выглядит следующим образом. Россия, считают «реалисты», представляет собой потенциально огромный внутренний рынок. Чтобы сделать его действительно таким, требуется, во-первых, радикально расширить рыночный сектор, вовлекая в оборот все еще остающиеся за его пределами фонды, активы и сферы экономики: например, земли хозяйственного назначения и жилье, дорожное строительство, ЖКХ, образование, здравоохранение. В перспективе – рынки ближнего зарубежья. Что, вообще-то, верно. Но только в данном случае предлагается делать это в сочетании с масштабным предложением государством финансовых ресурсов за счет нарушения стабильности - в ожидании последующего быстрого роста производства, а не цен.

Правда, авторы не рассмотрели при этом проблематику превращения «потенциально огромного» внутреннего рынка в реально огромный. Например, трудность заключается в том, что земля и коммунальное жилье, на которые в данном «реалисты» возложили надежды, на практике по большей части вовсе не свободны. Они заняты населением – городским и сельским, государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями. Причем, в основной массе населения, малоимущим большинством: пролетариями, пенсионерами и маргиналами. Бедность населения, со своей стороны, ограничивает также монетизацию общественных услуг: расширение платного образования, здравоохранения, переход к рыночному ценообразованию в общественном транспорте, ЖКХ. Более того, слабый спрос оказался препятствием на пути расширения рынка товаров производственного назначения.

Разумеется, позиция «реалистов-академиков» и их сторонников за двадцать лет претерпела модификации. На первых порах тон задавали те из них, кто еще в советские времена пытался обновить стратегию развития социалистической экономики без изменения базовых принципов ее организации. В начале 90-х годов ими была противопоставлена либеральным реформаторам модель «социально ориентированной рыночной экономики». Она была опубликована в 1994г. в виде «Февральских тезисов» - конспекта экономической программы десяти научных институтов РАН и фонда «Реформа»²⁵. Ее лозунгом стало требование возратить ценообразование «в управляемое государством русло». Государственное регулирование цен в переходный период должно было распространяться, в первую очередь, на продукцию ТЭК, ВПК, транспорт, предприятия-монополисты, и дополнено ценовыми соглашениями между производителями, профсоюзами и правительством. Таким образом, речь шла о воссоздании подобия прежней системы ценообразования с установленными наперед «правилами игры», и неявным перенесением издержек на общество в целом, по принципу «жизни в кредит у будущего нации». В подобной среде, при жестко ограниченной амплитуде колебаний цен вокруг базовых показателей, конкуренция может напоминать нечто вроде популярного народного развлечения «бег в мешках», где, как известно, побеждает не тот, кто бежит быстрее всех, а тот, кто именно в мешке. Все это, естественно, предполагает также очередное замыкание экономики на себя через жесткий протекционизм в глобализованном мире.

Так что дискуссия вернулась к вопросу, в самом начале заданному реформаторами: как проводить перестройку экономики, не имея объективных индикаторов и движущих сил в виде рыночных цен, спроса и настоящих денег? Может быть, отобрать валютную выручку у экспортеров, тем самым подорвав импорт товаров производственного назначения и потребительский рынок? За таким вариантом стояла все та же советская убежденность, будто

²⁵ Февральские тезисы // Российская газета. 05.02.1994.

экономическую эффективность можно вычислять математически и навязывать предприятиям, наделяемым свободой выбора в ограниченных пределах. Иначе говоря, усилия ученых этого направления опирались на веру, будто оптимальный вариант выбора может быть найден при урезанной свободе и ответственности субъектов хозяйствования. При этом за все должны заплатить экспортные отрасли экономики. Хотя «Ускорение» и «Перестройка» уже показали: сил и средств на крупные маневры хозяйственными ресурсами в натуральной форме больше не осталось, требуются новые критерии рациональности выбора, новые стимулы и новые ресурсы роста. Из таковых были задействованы лишь три: экономическая инициатива, деньги, интеграция в мировое хозяйство. В то же время стратегия, предложенная академиками, возвращала страну к «экономике дефицитов» и «равнению на отстающих», которая однажды уже завела страну в тупик.

Экономисты-академики в 2010-е годы

Тем не менее, в последующие годы такая точка зрения продолжила свою жизнь в научной и общественной дискуссии. Но с особой активностью она вновь стала утверждаться в начале второго десятилетия нового века – после того, как мировой финансово-экономический кризис 2008 года в очередной раз продемонстрировал опасную зависимость России от «нефтяной иглы». Одним из плодов разгоревшейся дискуссии стал научный доклад «*О стратегии развития экономики России*», подготовленный группой ведущих ученых и руководителей научных институтов из секции экономики Отделения общественных наук РАН²⁶.

Авторы следующим образом охарактеризовали свои задачи и цели (Доклад ВОРД, с.2): Это «комплекс мер по достижению целей модернизации и развития российской экономики, ее перевода на инновационный путь развития, подъема инвестиционной активности». Такой перевод, по их мнению,

²⁶ Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., Макаров В.Л. и др. О стратегии экономического развития России. Научный доклад под редакцией С.Ю. Глазьева. Национальный институт развития РАН. М., 2011. URL: http://russian-greens.ru/docs/dokl_new_economic_strategy. Microsoft Word. 66 С. (дата обращения: 31.01. 2015).

может быть осуществлен за 5–10 лет. А задача модернизации экономики с выходом на мировой уровень - за 15–20 лет, с получением первых существенных результатов уже через 3–5 лет. При этом приоритетом должно быть достижение результатов, «а не создание благоприятных условий для модернизации экономики в расчете на автоматическое действие рыночных механизмов». Институциональные реформы надо считать промежуточными, «инструментальными» целями социально-экономической политики, а не критериями ее успешности. Они вместе с социальной модернизацией не должны подменять цели структурно-технологической модернизации. Ключевым условием успешного развития экономики должно считаться создание технологически передовой перерабатывающей промышленности с мощным экспортным потенциалом, состоящей из высокотехнологичных и инновационно активных компаний.

В этой заявке обращают на себя особое внимание два момента. Во-первых, поразительная амбициозность. Во-вторых (и это главное), - то, как авторы ранжируют приоритеты социально-экономической политики, отдавая первенство «структурно-технологической модернизации». Для начала отодвигается куда-то на последнее место социальная модернизация («не должна подменять...»). Институциональное строительство, в свою очередь, призвано обслуживать потребности технологической модернизации, фактически, вне прямой зависимости от состояния рыночной среды. Здесь главный пункт, «яблоко раздора» между «реалистами», с одной стороны, и приверженцами стратегии развития рыночной экономики, с другой. Спор идет о том, что «лошадь», а что «телега»: инвестиции либо институты?²⁷. Это явное продолжение дискуссии, начатой еще до реформ, во время «перестройки».

Академики для начала декларировали неприятие «догм рыночного фундаментализма». Таких, например, как бездефицитность бюджета, отмена протекционистских институтов, приватизация государственных предприятий, стерилизация избыточной (у них в кавычках) денежной массы (с.2). А в

²⁷ В советской экономике институты были просто механизмами распределения ресурсов и инвестиций.

своей публицистической деятельности они сами, а также разделяющие их взгляды представители общественности свели критику к броским «отбойным» формулам – скорее, ярлыкам. В их числе, например, «Вашингтонский консенсус», «неолиберализм» и т. п., в которые они изначально вложили осудительный смысл. Прорыв к «новой волне экономического подъема» они предложили обеспечить «за счет опережающего развития ключевых производств и факторов нового технологического уклада», обновления основного капитала на принципиально новой технологической основе (с. 6-7). Для достижения обозначенных в докладе рубежей, по их мнению, требуется вывести экономику на траекторию устойчивого экономического роста со следующими ежегодными темпами в течение ближайших пяти лет:

- ВВП не менее 8% (производств нового технологического уклада – 30%);
- производственных инвестиций – 15% (в освоение ключевых технологий нового технологического уклада – 50%);
- объемов долгосрочного кредитования из внутренних источников – 40% (проектов модернизации и развития производства на передовой технологической основе – 70%) (с.41).

Задачи, действительно, амбициозные. Проблема, однако, в том, что (как они считают сами) «необходимый для этого уровень инвестиционной и инновационной активности, как минимум, вдвое превышает имеющиеся возможности сложившейся в России финансово-инвестиционной системы». Но дело, по их мнению, можно поправить, поскольку «главным ограничителем развития российской экономики в течение всего постсоветского периода была волюнтаристическая политика количественного ограничения денежного предложения (денежной базы) со стороны Центрального банка (ЦБ)». Монетизация российской экономики (соотношение денежной массы и ВВП), «хотя и возросла за последнее десятилетие с 16 до 45%, остается значительно ниже, чем в развитых странах (70–100%) (с.8).

Авторы еще раньше указали на недостаточную вовлеченность в рыночный оборот экономических активов и фондов страны как на причину такого положения дел. Однако способы решения этой задачи находятся в сфере институциональных реформ - то есть того, что у них же самих находится на

заднем плане. Поэтому их собственное пожелание «найти рациональный компромисс в распределении ресурсов между установками политики поддержания текущей социально-экономической стабильности, политики реформ и политики структурно-технологической модернизации» повисло в воздухе (34). Вместо этого ключевым требованием стало повышение инвестиционной активности государства. Решение усматривается, прежде всего, в отказе от политики стерилизации части экспортных доходов, поскольку это, по их мнению, означает «обмен дешевых “длинных денег” государства на дорогие краткосрочные кредиты иностранных банков» (с.8, 21).

Но где авторы увидели «дешевые государственные кредиты»? Это, надо понимать, опять-таки, «потенциально» дешевые деньги, которые, как они считают, можно обеспечить, просто отменив «бюджетное правило» - стерилизацию части доходов от экспорта нефти и газа при внешнеторговых ценах выше определенного уровня. Пока же, действительно, для российских заемщиков выгоднее привлекать более дешевые зарубежные кредиты из-за высокой ставки рефинансирования Банка России. А та высока из-за высокого уровня инфляции. Круг замкнулся. Но отмена «бюджетного правила» лишает экономику страны «подушки безопасности» на случай кризисов, когда проблема возврата кредитов резко обостряется. Между тем, стерилизация уже сыграла свою роль в смягчении удара по национальным банкам экономического кризиса 2008 года в России и Казахстане, а теперь смягчает удар, нанесенный резким падением мировых цен на нефть. Но, несмотря на это, академики считают необходимым для создания источников кредитования перейти к «принципиально иной» политике денежного предложения – с ориентацией на потребности реального сектора экономики и государства (9-10). При этом приоритет должен быть отдан «ключевым направлениям формирования нового технологического уклада», а также направлениям, предъявляющим спрос на его продукцию (10). Чтобы получить требуемые финансовые ресурсы, авторы доклада предлагают, для начала, «ряд мер, ограничивающих свободный вывод капитала» (18). А также повышение бюджетных доходов за

счет экспортных пошлин, налогов на добычу полезных ископаемых, «энерго-емкие и углеводородоемкие» товары. Но главным источником они считают эмиссионный механизм финансирования Банком России коммерческих банков под требования реального сектора. (20-21). Правда, это предлагается делать только под залог векселей «платежеспособных производственных предприятий». Однако здесь таится опасность перехода при неблагоприятных обстоятельствах активов предприятий должников к государственному Центральному банку²⁸. Особенно, при западных экономических санкциях, которыми российским государственным компаниям сильно ограничен доступ на зарубежные финансовые рынки.

Еще один источник финансовых ресурсов у академиков – «долгосрочная стабилизация реального обменного курса рубля». Без этого они не видят возможность снизить процентные ставки и расширить до нужных масштабов кредитование реального сектора из-за угрозы перевода банками кредитных ресурсов на валютный рынок в стремлении получать сверхприбыли на девальвации рубля (24). Речь при этом ведется не о подавлении инфляции, а фактически о том, чтобы следовать примеру Китая, в котором (как было показано выше) в интересах экспортной торговли сохраняются ограничения по валютным операциям, связанным с движением капиталов. Но в этой стране (тоже напомним) экспортный сектор обрабатывающей промышленности, а не сырья, в отличие от России, стал двигателем экономического роста. Не соответствует предлагаемому курсу и валютная политика в Казахстане, поскольку в нем (также в отличие от нашей страны) импорт на основе экспортных доходов играет решающую роль не только в программах модернизации технологий, но и в обеспечении регулярного воспроизводства всей экономики. А потому проводится политика максимального стимулирования экспорта.

Однако и это не все. Заслуживает особого внимания не только экономистов, но и обычных граждан следующее предложение академиков: ограни-

²⁸ Насколько это рискованно, свидетельствует опыт банков, которые выдали кредиты на строительство олимпийских объектов Сочи под залог этих объектов, а потом не знали, что с ними делать.

чить доступ к твердым валютам предприятий, прямо не участвующих в создании «нового технологического уклада», а также среднего и малого бизнеса, и, наконец, физических лиц. Понизить защищенность банковских вкладов физических лиц. Тем самым открыто демонстрируется пренебрежение к частному предпринимательству и насущным интересам населения, а также к роли и тех, и других в экономике. Для этого, во-первых, дается совет понизить надежность сберегательных вкладов населения (24). Во-вторых, взимать экспортные пошлины в долларах и евро, уменьшая тем самым объем предложения иностранной валюты на внутреннем рынке. Эти средства тоже должны аккумулироваться в государственных институтах развития. «Использование предлагаемого метода защиты экономики от последствий наплыва “нефтедолларов” вместо стерилизации “избыточной” денежной эмиссии, - поясняют авторы, - <...>позволит избежать потерь и упущенной выгоды при размещении этих средств в низкодоходные гособлигации западных стран и тому подобные весьма рискованные в условиях глобального кризиса инструменты» (24-25)²⁹. В дополнение к этому, в случае снижения мировых цен на сырье «увеличение предложения иностранной валюты может быть обеспечено восстановлением обязательной продажи экспортерами части валютной выручки»³⁰. В-третьих, «при возникновении угрозы «бегства от рубля» следует ограничивать приобретение иностранной валюты небанковскими организациями и физическими лицами на цели, не связанные с оплатой импортных контрактов и погашением внешних займов». Можно также использовать для ограничения доступа частных организаций и физических лиц к иностранным валютам повышение курсовой разницы («спреда») на выходе из рублей в другие валюты. «Целесообразно также восстановить небольшой налог на валютнообменные операции» и, плюс к тому, «ограничить предоставление гарантий по вкладам граждан во всех банках, входящих в систему страхования вкладов, только рублевыми вкладами» (26).

²⁹ Особенно любопытно читать это во время резкого падения курса рубля к твердым валютам в 2014 году.

³⁰ Это тоже интересно звучит на фоне резко ограниченного доступа российских компаний к зарубежным кредитам.

Итак, предлагаемая модель включает два важных положения. Первое: государство должно отказаться от воздействия на инфляцию монетарными способами и радикально увеличить денежное предложение для предприятий, формирующих «новый технологический уклад». Второе: волевыми способами аккумулировать в руках государства твердую валюту для импорта передовых технологий. В том числе использовать отсечение от доступа к ним всего частного бизнеса вне этого уклада, а также массы граждан, для которых два с лишним десятилетия это был сравнительно легкодоступный способ сохранения сбережений³¹. Притом, академики вовсе не опасаются роста инфляции из-за повышения скорости печатного станка. Ведь, по их схеме, увеличение денежного предложения нейтрализуется ростом предложения товаров, а инвестиции в обновление основного капитала и освоение новых технологий ведут к снижению издержек и появлению новых потребительских качеств и соответственно падению цен.

Все это, похоже, создало у авторов «Стратегии» настроение, близкое к эйфории. В их выводах прозвучали уже слегка подзабытые, было, пропагандистские лозунги времен советской экономической самоизоляции, «враждебного окружения» и «холодной войны»³². Но при том, успокаивают они общественность, «Россия пока располагает достаточными валютными резервами и запасами природных ресурсов для финансирования новой индустриализации российской экономики, ее модернизации на основе высоких технологий современного технологического уклада». Тем более, что (*так и слышится: «слава богу»*- Ю. А.) «российская финансовая система еще не встроена окончательно в глобальные финансовые пирамиды»³³. Это, они считают, «позволяет перекрыть каналы “отравления” собственной финансовой системы спеку-

³¹ Что и подтвердило начавшееся в 2014 г. быстрое и сильное обесценение рубля.

³² Напомним, доклад был подготовлен еще в 2011 г. Позже, как известно, все это легко вспомнилось и пошло в ход.

³³ Двадцать лет назад академик Д. Львов писал в статье «Пробелы в науке - пробелы в экономике (Независимая газета 22.03.1995: «Большая удача, что в России исторически не сложилась система частной собственности на землю»). (Цит. по: Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «Евразийским тигром». М. ИВ РАН, 2007. С. 177). Действительно, тоже удача в духе «чучхе», если авторы забыли о своих сетованиях (см. выше) на недостаточную вовлеченность в рыночный оборот экономических активов и фондов страны

лятивными “токсичными” инструментами, переориентировав ее на внутренние источники кредита. <...>Даже при негативных сценариях возобновления глобальной рецессии Россия имеет необходимые ресурсы не только для выживания, но и для опережающего развития» (с.34). А раз так, надо отказаться от услуг «продемонстрировавших свою тенденциозность, ангажированность и необъективность крупнейших иностранных рейтинговых агентств». «России следует использовать только рейтинги российских агентств, а также результаты собственных мониторингов» (с.30). И в самом деле, если уж переходить (по примеру Северной Кореи) к «опоре на свои силы» («чучхе»), без «отравления» финансовой системы «токсичными» инструментами Запада, тогда и отметки себе надо выставлять тоже самим. Сами оцениваем, сами назначаем цену и сами у себя покупаем – как в советские времена³⁴.

Однако и при такой явной политической заостренности своих предложений академики считают необходимым подвести под них теоретическую базу. Так, фактический лидер этой группы С. Глазьев обосновывает свое мнение следующим образом: «Ключевой причиной хронической невосприимчивости российской экономики к модернизационным призывам руководства страны является неадекватность <...> проводимой экономической политики. Передовая экономическая мысль давно указывает на неадекватность неоклассической парадигмы реальным процессам экономического развития и иллюзорность лежащих в ее основе аксиом - начиная от обладающего абсолютным знанием homo economicus и заканчивая совершенной конкуренцией. <...> На пути построения мифологической экономики рыночного равновесия российское государство лишило себя большей части собственности, капитала и компетенций управления развитием»³⁵. Ему вторит тогда директор теперь научный руководитель Института экономики РАН Р. Гринберг. Казалось бы, его резкая критика экономической политики отчасти не лишена справедливо-

³⁴ Цену российскому варианту «чучхе» показало резкое обострение проблемы финансирования экономики в условиях не «глобальной», а собственной рецессии и ограниченных экономических санкций Запада с 2014 года на фоне экономического подъема в Америке и Европе.

³⁵ Глазьев С. Как построить новую экономику? (статья в ж. Эксперт 21.02.2012). URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/294/ (дата обращения: 29.05. 2015).

сти. Трудно возразить против такой, например, оценки: «Несмотря на вдохновляющую модернизационную риторику³⁶, власти пока не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Страна явно отдаляется от желаемых социально-экономических стандартов евроатлантических наций и приближается к характеристикам типичной страны третьего мира с громадной поляризацией личных доходов»³⁷. Удивляет другое - упорное желание приписать все эти результаты «рыночным преобразованиям на основе либеральных идей». Непонятно, почему потерпело крах именно «правое дело», хотя уже полтора десятилетия экономика страны вновь все сильнее подпадает под контроль государства. Что «праволиберального» автор усмотрел в экономической политике последних лет? Разве что нежелание отказаться от линии на макроэкономическую стабильность и перейти к централизованному контролю над распределением экономических ресурсов? Но от этого еще очень далеко до «правого либерализма».

На деле обвинения академиков в адрес реформаторов в чрезмерном «правом либерализме», или «неолиберализме», равно, как и самой либеральной экономической теории, не соответствуют действительности. «Неоклассическая парадигма» здесь – не более чем обвинительное заключение, ярлык. То же – «совершенная конкуренция» и «абсолютное знание *homo economicus*». Во-первых, как показано выше, реальное содержание постсоветских экономических реформ далеко не дотягивало до «чистого» либерализма, и не только из практических социально-политических соображений. Задачи, которые решали реформаторы 1990-х годов, можно соотнести скорее с НЭПом 1920-х годов, чем с проблематикой американского неолиберализма.

Во-вторых, не так обстоит и с самой либеральной экономической теорией. В ее самые глубинные основы, действительно, изначально был заложен постулат о «совершенной конкуренции», о спонтанном действии «невидимой

³⁶ Отброшенную в 2014 г., - Ю. А.

³⁷ Гринберг Р. России пора бы отказаться от ошибочного понимания «правильного капитализма» // Известия. М., 12.10.2011. URL: <http://izvestia.ru/news/503707> (дата обращения 30.05.2015).

руки» рыночного механизма, гармонизирующего все пропорции в экономической системе. Однако это лишь первичная модель — теоретическая абстракция, инструмент изучения жизни. «Чистая экономика» - так назвал ее английский теоретик Альфред Маршалл. Но даже при описании идеальной модели никто из экономистов-рыночников, творивших на протяжении последних ста лет, не рассматривал и не рассматривает «совершенную конкуренцию» как реальный феномен. «Совершенная конкуренция» в понимании экономистов, — объясняет американец Пол Самуэльсон, — это технический термин, который предполагает невозможность индивидуального воздействия какого-либо из участников рыночной экономики на цену. Но, — развивает он свою мысль дальше, — в экономической практике это «недостижимый идеал». Такого в действительности не бывает. Хотя бы потому, что уже на уровне абстрактной модели рыночную экономику невозможно рассматривать как полностью обезличенную. В ней, пусть в зародыше, существуют предпосылки возникновения монополий — отчасти из-за укрупнения производства - чем ограничился К. Маркс, но больше в результате сговора производителей - с чем, в конце концов, согласились западные социал-демократы. Это создает феномен «несовершенной конкуренции» — ситуации, при которой либо продавцы, либо покупатели способны произвольно воздействовать на рыночную цену³⁸. Например, монопольный производитель может повышать цену, ограничивая объем выпуска продукции, а монопольный скупщик может ее, наоборот, снижать. Против чего и направлено антитрестовское законодательство. Все это вынуждает теоретиков считать достижимой целью не «совершенную» конкуренцию, а «осуществимую»³⁹.

Но это еще далеко не все. Добро бы, дело было только в монополиях. Люди, кроме склонности к сговору против себе подобных, как правило, принимают решения исходя не только из оценки конъюнктуры, но и из своих ожиданий — собственного предвидения будущего. В зависимости от этого и

³⁸ Хрестоматия по экономической теории. М., ЮристЪ, 2000. С. 261,266.

³⁹ Хрестоматия по экономической теории, с, С. 116; Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М., Прогресс, 1968. С. 301.

предприниматели, и потребители все время стараются предугадать: тратить, например, деньги на текущее потребление, сберегать их либо инвестировать. Оказывается, что рост сбережений вовсе не обязательно ведет к росту инвестиций, и при господстве в обществе пессимистических настроений экономика может впасть, как писал создатель «функционально-психологического закона» для рыночной экономики английский экономист первой половины XX века Джон Мейнард Кейнс, в вялое состояние «равновесия на низком уровне». Из этого он сделал вывод: регулирование текущих инвестиций «небезопасно оставлять в частных руках»⁴⁰. Поэтому государство помимо анти-монопольной деятельности должно выступать как регулятор, который воздействует на предпринимателей и население экономическими методами. Стимулировать либо потребительский спрос, либо склонность предпринимателей к производственным инвестициям. Деньги в данном случае выступают, по словам Дж. Кейнса, как связующее звено между настоящим и будущим. Так что это рыночная ситуация, но при участии государства. Однако и на том дело не кончается. По мнению (имеющего у нас репутацию рыночника-экстремиста и виновника всех наших бед, но признанного авторитета в монетарном направлении экономической науки) американца Милтона Фридмана, «эффективность производства — не единственная цель, которую преследуют люди». С целым рядом задач рынок не может справиться. Это делает принципиально оправданным вмешательство государства⁴¹. Речь идет о так называемых «коллективных благах» и, соответственно, об «общественных услугах». «Государство, — вновь процитируем Пола Самуэльсона, — появилось по мере осознания людьми, что “дело каждого — ничье дело”»⁴². Эта формула — парадоксальная противоположность неформальному лозунгу наших недавних советских времен: «Общественное — значит, ничье». Так различаются капиталистические и коммунистические реалии и менталитет. Следовательно, у либералов вторжение государства в экономику не выходит за пре-

⁴⁰ Там же. С. 164-165, 177-178.

⁴¹ Там же. С. 204.

⁴² Там же. С. 268.

дела регулирования рыночной системы для поддержания ее равновесия. А у социал-демократов оно также и посредник в отношениях между предпринимателями и наемными работниками, гарант социальных нужд населения, защитник его от социальных рисков.

Так что, с теорией у академиков дело не выходит. И то же самое можно сказать об их оценке возможностей «нового технологического уклада» «потянуть» за собой всю экономику. Прежде всего, возникает вопрос: почему они так уверены, будто между наращиванием денежного предложения и ответным ростом производства товаров не будет никакого зазора, лага? Ведь они же сами осудительно писали о «догмах рыночного фундаментализма», основанных на убежденности их «адептов» в стремлении экономики «к идеальному состоянию рыночного равновесия, в котором достигается максимум эффективности благодаря оптимальному использованию ресурсов» (2). О «крайне низкой эластичности производства от спроса» при монополизме крупных производителей (4). О еще только предстоящем «формировании государством институциональной среды, способствующей созданию полицентричной пространственной структуры экономики» и поиску «новых территориальных источников конкурентоспособности. О «глубокой технологической неоднородности, которая создает барьер на пути структурно-технологической модернизации экономики». О чрезвычайной трудности переналаживания структуры связей внутри отраслей, между предприятиями, а также производителями и потребителями коллективных услуг. И действительно, многие противоречия современной российской экономики - это наследие советской форсированной («военной») индустриализации с опорой на крупные и очень крупные предприятия, с огромным перевесом тяжелой промышленности во главе с ВПК над остальными отраслями хозяйства. А также с подгонкой ценообразования под практические задачи плановых органов» (16).

Как все это преодолеть, сосредоточив усилия исключительно на «новом технологическом укладе» и оставляя в стороне все остальное?

Вот, два характерных примера состояния российского экономического пространства: Первый пример - конфликт в 2009 г в г. Пикалево (ЛЮ) из-за разрыва во время кризиса «пикалевской цепочки»: цен на продукцию трех предприятий, входящих в разные холдинги, но последовательно соединенных между собой технологическими связями. Конфликт, который привел к массовым волнениям трудящихся, улаживался дважды: сначала В. Путиным (тогда председателем правительства), позже, повторно, тогдашним вице-премьером И. Сечиным. Основой компромисса стал поиск приемлемого соотношения цен и рентабельности для всех трех предприятий. Но понятно, что при столкновении их жесткой технологической взаимозависимости с реалиями рынка такие компромиссы могут быть только временными. Как пишет в «Лента. ру». А. Ключкин: «Если других сколько-нибудь либеральных рычагов, кроме "ручного управления", в арсенале у Москвы нет, и при этом она оказывается неспособной урегулировать конфликт даже в масштабах Пикалево, то как же быть с Россией в целом?»⁴³. Вопрос не лишний, если учесть, что в стране насчитывается более четырехсот моногородов и еще больше монопоселков⁴⁴. Второй пример - теперь из области отношений между региональными властями и всякого рода монополиями по поводу коллективных услуг. Это на шумевшая в начале 2015 года история отмены пригородного железнодорожного сообщения в ряде регионов страны. Здесь тоже, как и в предыдущем примере, волевое вмешательство В. Путина (на этот раз снова президента) активизировало административные усилия поиска компромисса между РЖД и властями регионов. Президент распорядился: сначала восстановить движение, потом искать решения⁴⁵.

Но какими они могут быть, кроме как силовыми? Ведь, деньги не растут на деревьях. Вообще, подобные ситуации нередки во всех странах - в том

⁴³ Ключкин А. Возвращение в Пикалево//lenta.ru/. <http://lenta.ru/articles/2009/10/28/pikalevo/> (дата обращения 30.05.2015).

⁴⁴ Равнение на прогрессивных //Ведомости. 29.09.2009<http://lenta.ru/articles/2009/09/29/mono/> (дата обращения 30.05.2015).

⁴⁵ Сергеев М. Областные электрички доехали до Кремля //Независимая газета. 05.02.2015. . URL: НГ 5.2.15 http://www.ng.ru/economics/2015-02-05/4_trains.html / (дата обращения 30.05.2015).

числе, и с рыночной экономикой. В экономической теории проблемы такого рода обозначены как феномен «последней электрички». То есть ситуации, когда отдельные коллективные услуги становятся невыгодным тем, кто их оказывает. При этом возникает ситуация, аналогичная «естественной монополии», когда проблема не только выходит на более высокий уровень экономической рациональности, чем результаты простой конкуренции. Для ее разрешения используются инструменты бюджетного субсидирования, тарифной и налоговой политики. Так шаг за шагом улучшается экономическое пространство рыночной экономики. Однако понятно, что это возможно только при макроэкономическом равновесии. Но принципиальное, определяющее значение имеет уровень принятия решений. В странах с децентрализованным управлением это уровень администрации регионов и местных транспортных компаний. В нашей стране в данном случае уровень принятия решений был таким: президент РФ – глава правительства – глава всероссийской вертикальной государственной компании «Российские железные дороги (РЖД) – главы регионов.

Со схожими проблемами сталкивается и *Казахстан*. Оборванность многих прежних вертикальных и горизонтальных линий разделения труда, структурные диспропорции, несостыковки и разрывы в системе общественного воспроизводства затрудняют формирование однородного экономического пространства. От советской системы Казахстану достались в наследие многочисленные монопольные хозяйственные структуры. Это железнодорожный транспорт, ТЭК, ЖКХ, ряд крупных предприятий тяжелой промышленности. Поэтому там, так же, как и в России, возникла типичная для постсоциалистических экономик проблема моногородов и монопоселков. В настоящее время к «естественным» (как все они называются в Казахстане) монополиям, для которых тарифы устанавливаются государством, официально причисляется примерно тысяча субъектов хозяйственной деятельности на транспорте, в транспортировке нефти и газа, водоснабжении и канализации, в электро- и теплоэнергетике. Но монополии – только часть общей картины.

Рыночный механизм в целом оказался еще не вполне готовым давать четкие ориентиры структурной гармонизации экономики. Государственные инвестиции были недостаточны и расплывались между различными направлениями, а национальный бизнес не окреп настолько, чтобы выступить активным игроком диверсификации экономики на инновационной основе⁴⁶.

Каждый из этих и подобных им случаев проливает свет на противоречия переходной экономики России. Но, что касается оценки предложений академиков, напрашивается общий вывод: реальное состояние российского экономического пространства все еще не таково, чтобы рассчитывать на свободное, неискаженное распространение в нем импульсов из центров технологической модернизации. А потому нельзя заранее полагаться на слаженную работу всех звеньев общественного воспроизводства: увеличение денежного предложения – формирование нового технологического уклада – рост предложения товаров – ответное повышение спроса – снижение цен. Напротив, надо ожидать разбалансирования ценообразования и денежного обращения и, как следствие, всего общественного воспроизводства, с перспективой формирования «дуальной» экономики, в которой замкнутый на себя «новый технологический уклад» возвышается над «болотом» отсталых технологий, форм производства и маргинальной экономической деятельности населения.

Патриотическая экономика

Дело, однако, в том, что академики со своими предложениями далеко выходят за границы научной дискуссии. Насколько далеко, показывает их идейная перекличка с определенным (патриотическим, по самоидентификации) течением российской общественной мысли.

Вот, для начала один пример: разделяющий взгляды академиков экономист Михаил Хазин говорит (радио «Эхо Москвы») в связи с глубоким падением цен на нефть с 2014 г.: «Если имеется в виду та модель, которая дей-

⁴⁶ Государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития на 2010-2014 гг. Астана, 2010. С. 8. URL: http://acorda.ru/category/site_guide (дата обращения – 07.02.2015)

ствовала последние 15 лет, <...> - то это очень критично. <...> Если же модель изменить и заняться импортозамещением, то в этом случае это совершенно не критично. Потому что в этом случае нефтяные доходы нужны только на закупку технологий и оборудования, а на это есть деньги. А вот если по 400 миллиардов каждый год выкидывать на импорт ширпотреба, вот тогда да – тогда конечно проблема»⁴⁷. Итак, тратить деньги на импорт ширпотреба значит их «выкидывать». Действительно, кому нужен потребительский спрос населения как двигатель экономики в 140-миллионной стране? Но, вот, «изменять модель» это серьезно. Вопрос: как и зачем? Ведь, не только же, чтобы перейти к импортозамещению? Ответ на эти вопросы М. Хазину, конечно, хорошо известен как постоянному члену «Изборского клуба», на который намекалось выше и о котором пойдет речь сейчас.

«Изборский клуб»: председатель - публицист Александр Проханов; постоянный член - упоминавшийся выше как ведущий автор «Стратегии...» академик РАН и советник президента РФ С. Глазьев. Участники клуба позиционируют себя как российские интеллектуалы, которые, «объединенные народно-патриотическими убеждениями, формулируют свои представления о смыслах русской истории, миссии Российского государства, глубинных основах народного самосознания»⁴⁸. Вот их идеи:

«Российское государство в очередной раз подвергается смертельной угрозе, исходящей из либеральных центров: как внутри российского общества, так и за его пределами». «Нынешнее государство Российское, несмотря на потерю великих окраин, носит имперский характер. Геополитика евразийского континента вновь собирает насильственно отторгнутые пространства. Об этом свидетельствует обнародованный Путиным “евразийский проект”. Грядущая евразийская империя будет империей особого типа, без колоний и метрополий, где все народы станут имперскообразующими. <...> Структурой

⁴⁷ Хазин М. Интервью // Эхо Москвы. 13.01.2015. . URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1472936-echo/>

⁴⁸ Изборский клуб. Российские стратегии. Ежемесячный журнал. М., 2013, №1. С. 7. URL: http://www.dynacon.ru/arh/Izborsk_Club_01.pdf. (Дата обращения - 10.02.2015)

этой полифонической империи может стать структура, подобная Союзному государству России и Беларуси». Череда непрерывных нашествий на Русь объясняется «не только геополитическими противоречиями, не только охотой за русскими пространствами и русскими ресурсами. Русское мессианское сознание, основанное на учении о “рае земном”, на идеальном бытии, на православной мечте о божественной справедливости,— все это вызывает мировоззренческое отрицание России, атаки на её веру, культуру, исторические коды. <...>. Поэтому тема русского оружия — священная для России тема. Русское оружие защищает не только города, территории, несметные богатства недр. Оно защищает весь религиозный и культурный уклад России, все русские земные и небесные святыни. Восстановление оборонно-промышленного комплекса России, разрушенного либералами, является не только технологической задачей, но и религиозной миссией. **России едва ли нужна скоропалительная политическая реформа, но ей нужны оборонные заводы и алтари** (Выделено мной – Ю. А.) (с.7-8).

Далее, спуская общую идейную установку на политический уровень, члены клуба представляют «Мобилизационный проект» - «основную предпосылку стратегии «Большого рывка» (38-45), преамбулу к докладу «Стратегия Большого рывка (46-73). Но зачем нужен такой мобилизационный проект? Члены клуба называют в обоснование «по крайней мере, семь основных причин» (39-40):

«Прежде всего, неуклонно надвигающаяся опасность глобальной войны, уже в ближайшие 5–7 лет».

«Во-вторых, (...) с учетом нынешних масштабов общенациональной коррупционной системы Россия обречена на поражение в такой войне. Развертывание мобилизационного проекта дает возможность достаточно быстро, гибко и мягко демонтировать нынешнюю коррупционную систему»

«В-третьих, обычно именно в рамках успешных мобилизационных проектов эффективно реализовывались долгосрочные национальные стратегии системной модернизации».

В-четвёртых, в рамках политики подготовки к потенциальной мировой войне на перевооружение российской армии выделяются свыше 20 триллионов рублей. Без развертывания предельно жесткого мобилизационного проекта именно как общенациональной системы эти действительно огромные деньги в значительной степени будут наверняка безжалостно расхищены. Кроме того, без соответствующей постоянной кадровой работы, без повышения эффективности мобилизационного сознания в общенациональном мас-

штабе, без целенаправленной социальной и институциональной модернизации даже самое лучшее оружие может быстро превратиться в металлолом»

«В-пятых, именно в рамках особого, учитывающего нынешнюю ситуацию, мобилизационного проекта при эффективном освоении этих 20 триллионов все российское общество может совершить **«Большой рывок»** (выделено в тексте – Ю. А.). Речь идет о структурной модернизации российского социума, формировании долгосрочной, стратегической модели внутреннего рынка России, осуществлении действительного инновационного технологического прорыва в целом ряде ключевых отраслей».

«В-шестых, только в рамках специального мобилизационного проекта может быть сформирована новая эффективная система государственного управления, способная отвечать на критические вызовы и угрозы предстоящего длительного, жестко конфликтного периода в мире»

«В-седьмых, на нынешнем этапе глобального системного кризиса началась и объективно ужесточается предельно острая конкуренция соответствующих национальных мобилизационных проектов. И российское государство не сможет избежать участия в такой конкуренции».

Вот, собственно, к чему клонят академики и их единомышленники в своих предложениях об изменении стратегии развития российской экономики. Вполне очевидно, что все это есть не что иное, как умозрительные выводы из тоже умозрительных рассуждений на основе идеологических предпочтений. На уровне экономики вся эта идеологема сводится к банальному предложению: воссоздать нечто вроде квазисоветской модели с ведущей ролью тяжелой промышленности («А»>»Б») и с ОПК как ядром машиностроения. В связи с этим уместно напомнить давнюю оценку российского экономиста Бориса Бруцкуса: «В русском коммунизме нужно видеть попытку развить военную экономику и дать ей новое направление и цель»⁴⁹.

И еще. При чтении текстов Изборского клуба напрашивается сравнение с известной работой И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.), в котором он, помимо прочего, тоже выразил уверенность в неизбежности новой мировой войны⁵⁰. Но с двумя важными отличиями. Во-первых, у него идет речь о мировой войне, прежде всего, между самими «империалистическими державами» за переделы мирового капиталистического рынка. При этом в его рассуждениях фигурирует еще не Россия, а СССР во главе «народно-демократических» (позже названных социалистическими) стран. И. Сталин априори исходил из уверенности, что социализм своими ус-

⁴⁹ Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. С.-Петербург, Звезда, 1995. С.113-114,

⁵⁰ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. URL: <http://www.politpros.com/library/19/249/#6> (дата обращения: 30.05.2015).

пехами будет все сильнее теснить капитализм на мировом рынке, обрекая того на деградацию в суживающемся экономическом пространстве. И это придавало его конструкции неоправданно оптимистический, наступательный характер. У «изборцев» представления несколько иные. Они, наоборот, видят Россию крепостью, окруженной врагами, которые не столько даже мечтают о ее неисчислимых хозяйственных ресурсах, сколько «ведут атаки на её веру, культуру, исторические коды». Нашу страну они считают слабой, и отсюда их призыв вместо «ширпотреба» и «политических реформ» строить военные заводы, ковать оружие и молиться. Получилось, что в системе «лошадь» (экономика) и «телега» (политика) впереди у них уверенно встала «телега». А на нее, в свою очередь, все сильнее стала грузиться «патриотическая» идеология, проникнутая псевдомистицизмом политического происхождения.

Экономическая политика 2000-х годов

Россия, Казахстан и Китай сильно различаются по проблемам и содержанию экономической политики. Но есть и много общего. В том числе, одна из важнейших черт: все эти три страны вышли из эпохи социализма, обремененные грузом структурно несбалансированной, технологически отсталой и неконкурентоспособной промышленности. С перекосом в сторону государственного сектора, базовых отраслей промышленности, с непомерной долей ВПК в экономике. Вместе с тем, в XXI век они вступили в неодинаковом состоянии и с разным кругом проблем.

Китай к тому моменту уже два десятка лет шел по пути экономических реформ, используя потенциал раскрепощаемого крестьянства и вновь созданного при участии иностранного капитала экспортного сектора обрабатывающей промышленности, с наличием экономических и политических ресурсов для плавной трансформации централизованной экономики в рыночную.

В **Казахстане**, в основном, закончился спад экономики, и государство встало перед выбором: либо, опираясь на растущий экспорт нефти и газа, превращаться в некое подобие ближневосточных «нефтяных монархий», либо использовать экспортные доходы для построения целостной современной экономики.

В **России** государственное руководство взглянуло на проблему выбора иначе: использовать поступления от нефтегазового экспорта для быстрой модернизации экономики страны либо обратить потенциал этого сектора для решения геоэкономических и геополитических задач – так, как оно их видело. Фактически был выбран второй путь, и на нем государственная политика претерпела немаловажные изменения.

Китай: диверсификация экономической политики

С 1980-х по 2010-й год страна прошла через три этапа экономических реформ. Каждый из них имел свой центральный стержень. 1980-е годы: реформирование аграрного сектора с упором на семейный подряд. 1990-е годы: реформирование государственного сектора и усиление поддержки частного предпринимательства. Первые 2000-е годы: вступление в ВТО и активная экспансия на внешние рынки. С 2013 г., в соответствии с решениями XVIII Съезда КПК, активизировался поиск новой модели экономического роста, сбалансированной в большей степени, чем та, что была ориентирована в первую очередь на экспортные отрасли экономики. Китайская экономика росла очень быстрыми, хотя и несколько снижавшимися темпами и в начале второго десятилетия 2000-х годов (%): 2010 г. – 10,4; 2011 г. – 9,2; 2012 г. – 8,7% на фоне 4-5% среднемирового роста. В дальнейшем на них стал оказывать депрессивное влияние продолжавшийся мировой финансовый кризис. Но главное, темпы роста поддерживались за счет аномально высокой нормы накопления и искусственно заниженного уровня конечного потребления (80) при расточительном использовании хозяйственных ресурсов. Энергоемкость ВВП была в 2,6 раза выше среднемировой, а производительность общественного труда (соотношение занятости и ВВП) составляла лишь немногим более 20% от уровня США⁵¹. Ускорился рост задолженности китайских компаний и региональных властей: более 250% ВВП против 147% в 2008 г. Правда, у ряда стран она выше: США 260% ВВП, Великобритания – 277%, Япония – 415%. Но долги у них растут медленнее китайских, а крупнейшие должники, в отличие от КНР, относятся к числу развитых стран. К тому же, долги региональных администраций в Китае гарантируются центральным правительством, а значит, страна располагает весьма значительным «скрытым внешним долгом»⁵². В конечном счете, инвестиционная накачка экономики пере-

⁵¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2012-2013. М. ИД «ФОРУМ», 2013. С. 211-212; Портяков В. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. М., 2014, № 4. С. 57; Бергер Я. Новый этап экономического развития Китая (к итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока, 2014, № 2. С. 50

⁵² Калюков Е. Долг Китая превысил 250% ВВП страны // РБК. Экономика. 22.07.2014. URL: <http://top.rbc.ru/economics/22/07/2014/938100.shtml> (дата обращения: 14.10.2014).

стала давать ожидаемые результаты. Ускорились обострение экономических и социальных противоречий. Происходило уменьшение доли населения трудоспособных возрастов и повышение нагрузки иждивенцев на работающее население, ухудшение качества сельских трудовых ресурсов и рост стоимости рабочей силы в городской экономике. С 2012 г. наблюдается абсолютное сокращение трудоспособных (15-59 лет): 2012 - -3,45 млн. чел., 2013 - - 2,44 млн. чел. Проводимая с 1980 г. политика «Одна семья – один ребенок» создает как экономические, так и социальные проблемы. В стране получился существенный перекося демографического баланса: в 2012 г. 51,3% мужчин против 48,7% женщин. Это имеет ряд тяжелых социальных и психологических последствий для населения: рост проституции, торговли детьми, гомосексуализма, СПИДа, ущерб психологическому здоровью молодых мужчин. По прогнозам, для сохранения баланса требуется поддерживать рождаемость на уровне 1,8%. А это будет увеличивать население на 1-2 млн. чел. в год, что в свою очередь, чревато рядом экономических и социальных проблем, но иного рода. К их числу, помимо прочего, относится углубление пропасти между богатыми и бедными. По данным исследования Пекинского университета за 2012 г., 1% семей с высшим уровнем доходов контролирует более 1/3 богатства страны, в то время как на 25% семей, принадлежащих к самой малообеспеченной страте, приходится лишь 1%. Главной причиной этого авторы доклада называют разрыв между городом и деревней и между различными регионами⁵³. В то же время удорожание рабочей силы и постепенное повышение технологического уровня промышленности становятся одной из причин снижения конкурентоспособности китайского экспорта и, как следствие, - уменьшения доли страны в мировой торговле трудоемкой продукцией. Это ведет к недогрузке производственных мощностей в ряде отраслей промышленности. Опережающий рост денежной массы по отношению к ВВП способствует надуванию «пузырей» в сферах недвижимости и инфраструк-

⁵³ Почагина О. Изменение политики «одна семья – один ребенок» в Китае – причины и ожидаемые результаты //Проблемы Дальнего Востока. ИДВ РАН, № 3 2014. С. 94-104.

туры. Внутри страны продолжала обостряться проблема изъятия и продажи местными властями крестьянских земель коллективного пользования под промышленные предприятия и застройку⁵⁴.

Анализируя тенденции экономики Китая, экономист С. Алексашенко обратил внимание на прогноз МВФ о снижении темпов роста в нем до 5-5,5% к 2025 г. Это может говорить об исчерпании движущих сил «китайского чуда». Анализ быстрого экономического роста на протяжении длительных периодов времени, - утверждает он, - говорит, что это может достигаться только за счет ориентации экономики на внешний спрос. Но после глобального кризиса 2007-2009 гг. вклад чистого экспорта в рост китайского ВВП обнулится и, даже в отдельные кварталы, стал отрицательным. Либо китайская экономика стала слишком большой, - предполагает он, - либо во многих секторах по соотношению цена/качество рабочая сила стала слишком дорогой. Если это так, то замедление роста экономики Китая будет неизбежно продолжаться, а главными источниками роста должны внутреннее потребление и инвестиции. Но совокупное потребление не может расти слишком быстро. «Если, китайский мотор действительно требует капитального ремонта и, неизбежно, будет работать с меньшей мощностью в дальнейшем, - резюмирует он, - то может так случиться, что первой экономикой мира Китай через 10 лет (как недавно думали многие аналитики) не станет, и что на это потребуется лет 20-25»⁵⁵.

В ответ на возникшие проблемы с 2013 г., в соответствии с решениями XVIII съезда КПК, активизировался поиск новой модели экономического роста, сбалансированной в большей степени, чем та, что выдвигала на первый план экспортные отрасли экономики. Изменения в стратегии ориентируют страну на расширение внутреннего спроса, ускорение научно-

⁵⁴ Бергер Я. Новый этап экономического развития Китая, с.49-53; Скосырев В. Пропасть между богатыми и бедными китайцами растет //Независимая газета 31.07.2014. URL: http://www.ng.ru/world/2014-07-31/7_china.html

⁵⁵ Алексашенко С. Что происходит в Китае? //Эхо Москвы, 02.10.2014. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/aleksashenko/1410700-echo/> (дата обращения: 03.2014).

технологической модернизации экономики, поддержку малого и среднего бизнеса. По сведениям В. Портякова (ИДВ РАН), в китайских СМИ с середины 2013 г. активно заговорили о «прощании страны с эпохой восьмипроцентного экономического роста», о необходимости обеспечения «рационального роста», «баланса темпов и качества», избегания темпов, «от которых болят кости». Большое значение придается преодолению «двух разрывов» в уровнях душевых доходов: между регионами и между городом и деревней. Вместе с тем, в государственном руководстве считают необходимым сохранять благоприятные условия для экспортного сектора, в котором непосредственно заняты 30 млн. работников, а вместе со смежными производствами - до 100 миллионов⁵⁶. Модернизация промышленности должна, по-прежнему, опираться на государственный сектор. Его доля в экономике страны – около 30%, а по капитализации – 70%. Но при этом с середины 1980-х годов активизируется разделение собственности и управления предприятиями. В начале 2000-х годов подавляющее число государственных предприятий стали независимыми субъектами рыночной экономики, и в настоящее время продолжается совершенствование правил и механизмов управления государственными активами.⁵⁷ В то же время не полностью решенной проблемой остается привилегированный доступ к хозяйственным ресурсам крупных государственных предприятий по сравнению с малым и средним частным бизнесом. Между тем, последние составляют более 99% общей численности предприятий в стране, на них приходится до двух третей экспорта и не близко к половине всех налоговых поступлений.

Реформирование экономики Китая с 1980-х годов по настоящее время имеет немало общего с другими переходными обществами, но, вместе с тем, и некоторые уникальные черты. Это делает его опыт пригодным для постсоциалистических обществ лишь в ограниченной степени. Даже, скорее, нет, чем да. С Россией и Казахстаном общим у Китая оказалось то, что во всех

⁵⁶Портяков В. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике, с. 57-64.

⁵⁷ Муромцева З. А. КНР: 4-й этап реформирования государственных предприятий //Проблемы Дальнего Востока, 2014, № 4. С.69-76.

них объектами реформирования стали централизованные экономики – денежные, но не рыночные, основанные на индустриальных, но устаревших машинных технологиях с применением дешевого квазинаемного труда и сильным перекосом в сторону тяжелой промышленности. С глубокими диспропорциями между отраслями хозяйства, городом и деревней. Капитальной проблемой при этом оказалось то, что эти системы практически исчерпали свой потенциал экстенсивной мобилизации ограниченных ресурсов и в то же время не породили внутри себя механизмов самоподдерживающегося роста. При таких обстоятельствах принципиальное значение приобрел поиск средств, которые могли бы амортизировать, облегчить болезненный процесс реформирования государственных хозяйственных структур и вместе с тем дать экономикам новые импульсы развития.

В этом пункте выявилась существенная разница между Китаем, с одной стороны, и Россией с Казахстаном, с другой. Эти два государства имели возможность опереться на свои природные ресурсы, быстро восстановив и развив экспортный сектор ТЭК как потенциальную базу инвестиций в экономику. Китай с его ограниченными природными хозяйственными ресурсами сделал ставку на человеческий фактор: повышение мобильности экономически активного населения и соединение его с современными трудоинтенсивными промышленными технологиями. Решению такой задачи послужила сначала аграрная реформа, возвратившая землю многомиллионному крестьянству. Затем, и опираясь на ее результаты, – быстрое формирование экспортного сектора обрабатывающей промышленности путем соединения прямых иностранных инвестиций в «специальные экономические зоны» с изобильной и дешевой рабочей силой сельско-городских трудовых мигрантов⁵⁸. В последующем, используя экспортный сектор и как «локомотив роста», и как амортизатор экономических и социальных противоречий периода реформ, китай-

⁵⁸ См. подробно: Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М. Восточная литература, 1998. Глава 5.

ское руководство приступило к постепенной и последовательной рыночной трансформации государственного сектора экономики.

Именно таким способом Китай, сочетая развитие экспортного сектора трудоинтенсивной промышленности с постепенным повышением общественной производительности труда, поддерживал высокие темпы роста на протяжении тридцати лет. Особенность экономической политики того времени заключалась в выборочном применении неолиберальных установок «Вашингтонского консенсуса»⁵⁹, необходимых для экономической интеграции страны в мировое хозяйство, с принципом «градуализма». К числу исключений из требований МВФ относится, в первую очередь, сохранение государственного контроля над валютным курсом юаня в интересах стимулирования экспорта.

Поэтому нет никакого резона противопоставлять китайский опыт (как это делают некоторые китаисты⁶⁰) теории и практике неолиберализма эпохи экономической глобализации. Наоборот, ряд требований этой теории оказался ценным не только для Китая, но и для других стран, которые приступили к преодолению противоречий, созданных надолго затянувшейся социалистической индустриализацией. А теперь Китай, накопив определенный промышленный потенциал, начал поворачивать инвестиционные потоки в сторону внутреннего экономического пространства и интенсификации общественного производства, продолжая при этом экспансию в мировую экономику. Взаимодействие экспортного сектора, организованного на либеральных принципах, и постепенно выпускаемой из-под государственного управления крупной промышленности позволяет сочетать экспортную ориентацию с импортозамещением для потенциально огромного внутреннего рынка. Китай активизирует инвестиции в реальный сектор с поворотом к капиталоемким технологиям, тесня, помимо прочего, в избытке существующий на мировом рынке спекулятивный капитал.

⁵⁹ Бюджетная дисциплина, снижение налогов, либерализация внешней торговли и финансовых рынков, свободный обменный курс национальных валют, дерегулирование экономики, защита прав собственности.

⁶⁰ См., например: А.И. Салицкий и В.В. Таций. Мировая экономика: время переоценок? – Восток, 2011, № 5.

Казахстан: первый опыт модернизации

После распада СССР только часть из тех элементов экономики страны, которые прежде были включены в вертикальные и межреспубликанские связи, сохранила шансы восстановить или найти новый спрос на свою продукцию. Местные предприятия оказались неспособными выдержать наплыв дешевых импортных товаров. В итоге почти все отрасли промышленности (металлургия, машиностроение, пищевпром и другие) и крупные сельскохозяйственные предприятия либо с трудом выживали, либо (прежде всего, как и в России, промышленность товаров потребления) оказались на грани исчезновения. Изменилась структура валового продукта: на первый план вместо производства товаров вышло производство услуг. Но такая тенденция, характерная для современного мира, в Казахстане проявилась не вследствие роста общественной производительности труда, а как результат спада в большинстве отраслей производства товаров; перехода от системы госзаказа и административного распределения к рыночным отношениям; сокращения государственных расходов на экономику. Падение экономики вело к архаизации социальной структуры общества. Численность наемного труда и его доля в общей занятости сократилась более чем в два раза, в строительстве более чем втрое. В то же время самостоятельно занятое население увеличилось с 5% до 45% - в основном, за счет разбухания сектора крестьянских и семейных хозяйств⁶¹.

Но Казахстан воспользовался тем, что подобно России, Азербайджану, Узбекистану и Туркмении получил в наследство от советского прошлого неопенимый дар в виде нефтяной и газодобывающей промышленности. А также крупный сектор тяжелой промышленности, пусть переживающей непростые времена. По ее весу в республиканской экономике он занял место где-то посередине между Россией и другими государствами Центральной Азии. К началу 2000-х годов, по исчерпанию ресурсов восстановительного роста и на фоне успехов в освоении нефтегазовых залежей, государственное руководство республики оказалось перед выбором между двумя путями. Один из

⁶¹ Александров Ю. Г. Казахстан перед барьером модернизации. М., ИВ РАН, 2013, с.170-173.

них: двинуться путем ближневосточных «нефтяных монархий». Второй: используя углеводородное сырье как экспортный ресурс, «дойную корову», перейти к стратегии создания внутренне целостной многоотраслевой экономики на базе современных индустриальных и постиндустриальных технологий. Руководство страны, понимая жизненную важность второго варианта развития экономики для политической интеграции и упрочения безопасности страны, выбрало именно его. При этом оно опиралось на созданные за 1990-е годы динамичный казахстанско-иностранный сектор добычи и экспорта нефти и газа с привлечением крупнейших мировых нефтяных компаний. К началу кризиса 2008 г. добыча нефти увеличилась почти в 3 раза (около 80 млн. т), газа более чем в 4 раза. На топливно-энергетические ресурсы пришлось 70% экспорта и более 20% ВВП. В таких условиях президент РК Н. Назарбаев еще в 1997 г. выдвинул амбициозную «Стратегию – 2030» с задачей поднять Казахстан до уровня «азиатских тигров» - только как «Центральноазиатского барса»⁶². Но попытки начать ее реализацию прерывались экономическими кризисами 1998 г. и 2008 г. Все же, на выходе из последнего кризиса был принят конкретный пятилетний «Государственный план форсированного индустриально-инновационного развития на 2010-2014 гг., ГПФИИР» - составная часть «Стратегии “Казахстан – 2050”»⁶³.

Авторы плана исходили из того, что частный капитал пока еще не смог проявить способность и готовность ориентироваться на приоритеты задач экономического строительства – прежде всего, на развитие современной обрабатывающей промышленности. Кредиты частных банков направлялись, главным образом, в торговлю и строительство. Из более 100 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций в экономику за первые два десятилетия независимого развития 85% пришлось на сырьевые отрасли. Поэтому особое зна-

⁶² Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Октябрь 1997 г. 16.10.1997. URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-oktyabr-1997-g_1343986436/ (дата обращения: 13.12.2014).

⁶³ Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010– 2014 годы. Астана, 19.03.2010. URL: http://acorda.ru/category/site_guide (дата обращения: 11.10.2014).

чение было придано активной роли государства в реализации плана. Государственные финансовые ресурсы должны были направляться через государственных и частных операторов. Центральное положение в этой структуре было отведено Фонду национального благосостояния «Самрук-Казына», формируемому за счет поступлений от нефтяного экспорта. Объем прямых инвестиций в плановые проекты был установлен в 6,5 трлн. тенге, или 43 млрд. долл. по курсу на то время (для ориентировки: 30% годового ВВП 2010 г.). Центральной частью плана стал нефтегазовый комплекс. Была поставлена задача в 2014 г. довести добычу нефти до 85,0 млн. т (120% к 2008 г.), природного газа до 54 млрд. куб. м (164%); экспорт нефти – до 75 млн. т (119%); переработку нефти на казахстанских НПЗ – до 15,0 млн. т (122%). Но при этом продукция несырьевых секторов хозяйства должна была достичь 40 % объема экспорта. Требовалось также обеспечить опережающее развитие энергетической, транспортной и инфокоммуникационной инфраструктуры, добиться перелома в росте отечественного предпринимательства⁶⁴

Ко времени завершения планового периода (2014 г.) большая часть его целей не была достигнута полностью, хотя определенные положительные изменения и общий экономический рост (пусть невысокий), все же, происходили. Не оправдалось ожидание высоких темпов добычи нефти и газа: в первую очередь, из-за задержек в освоении ключевых месторождений. А в 2014г. использование экспортных доходов для реализации планов форсированной индустриализации стало осложняться лопнувшим «пузырем» мировых цен на нефть. Негативную роль сыграли и существенные дефекты самой казахстанской экономики, переходной от административной модели к рыночной. Прежде всего, упомянутая выше слабость национального частного капитала. Другой проблемой стала тоже заранее существенная дезинтеграция национального хозяйства по территориальным и воспроизводственным линиям –

⁶⁴ Государственная программа по индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан. 19.03.2010. URL: http://www.akorda.kz/ru/category/gos_programmi_razvitiya (дата обращения 24.02.2016).

вертикальным и горизонтальным. Выявились серьезные недостатки и самой системы управления, основанной на однонаправленных (сверху вниз) командах без обратных (снизу вверх) связей при обсуждении и реализации проектов.

Все же, и при том для наблюдателей стало неожиданностью, когда президент Н. Назарбаев в своем очередном Послании народу в ноябре 2014 г. объявил об изменениях в приоритетах модернизации на следующую пятилетку – 2015-2019 гг. Речь шла о «Новой Экономической Политике Казахстана “Нұрлы Жол” (“Светлый путь”))»⁶⁵. Им был сделан поворот от форсированной модернизации промышленности к развитию транспортной, энергетической, индустриальной и социальной инфраструктуры, а также к поддержке малого и среднего бизнеса как массовой базы экономического роста. При этом и занятости. Н. Назарбаев особо подчеркнул, что именно развитие инфраструктуры будет стержнем новой политики. Общий инвестиционный портфель был определен в 6 трлн. тенге (33 млрд. долл., или 15,5% ВВП на 2014 г.); доля государства в нем - 15%. Главные проекты программы:

1. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры в рамках формирования макрорегионов по принципу *хабов*. Инфраструктурный каркас свяжет с Астаной и между собой макрорегионы магистральными автомобильными, железнодорожными и авиалиниями по лучевому принципу. Основные автодорожные проекты: Западный Китай - Западная Европа; Астана-Алматы; Астана-Усть-Каменогорск; Астана-Актобе-Атырау; Алматы - Усть-Каменогорск; Караганда - Жезказган - Кызылорда; Атырау-Астрахань. Также продолжится создание логистического хаба на востоке и морской инфраструктуры на западе страны. Повышению экспортного потенциала в западном направлении через порты на Каспии должны способствовать паромная переправа из порта Курык и железнодорожная линия Боржакты - Ерсай. Предполагается также строительство или аренда терминальных мощностей в «сухих» и морских портах Китая, Ирана, России и странах ЕС.

2. Развитие индустриальной инфраструктуры в существующих и создаваемых специальных экономических зонах. Отдельное направление - инфраструктура для туризма.

3. Развитие энергетической инфраструктуры. Усилия должны быть сосредоточены на строительстве высоковольтных линий «Экибастуз-Семей-Усть-Каменогорск» и «Семей-Актогай-Талдыкорган-Алматы». Это позволит создать сбалансированное обеспечение казахстанскими электростанциями всех регионов страны.

4. Модернизация инфраструктуры ЖКХ и сетей водо- и теплоснабжения. Общая потребность в инвестициях составляет не менее 2 триллионов тенге (11 млрд. долл.)

⁶⁵ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 11.11.2014. Нурлы Жол – путь в будущее. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/PresidentPage/PresidentPage11_adf.ctrl-state=y2s6jahdd_37&_afLoop=41639683119918 (дата обращения: 07.12.2014).

5. Улучшение жилищной инфраструктуры, поскольку формирование агломераций в ходе реализации стратегии развития вызывает повышение мобильности населения и его давление на рынок труда и инфраструктуру городов. Государство будет строить социальное жилье для долгосрочной аренды с правом выкупа без посредников и под максимально низкие проценты за кредит.

6. Развитие социальной инфраструктуры в системе дошкольного, школьного и вузовского образования

7. Поддержка малого и среднего бизнеса и деловой активности. К началу второй пятилетки, помимо прочего, созданы беспрецедентные условия кредитования бизнеса - всего под 6% на 10 лет. «Таких условий у нас в стране, - подчеркнул президент, - ранее не было». Для поддержки МСБ «как драйвера экономического роста» и увеличения его доли до 50% ВВП к 2050 г. государство будет стремиться использовать кредитные линии АБР, ЕБРР и ВБ на общую сумму более 851 млн. долл. в 2015-2017 гг. По 3 млрд. долл. будет ежегодно выделяться из Национального фонда.

Но среди всех этих задач Н. Назарбаев выделил особое, объединительное для страны значение инфраструктурных проектов: «Дороги - это линии жизни для Казахстана. В наших необъятных просторах вокруг дорог всегда возникала и развивалась жизнь. Мы обязаны создать такую транспортную сеть, чтобы от Астаны во все стороны расходились автомобильные, железнодорожные и авиационные магистрали. Как от сердца - артерии. Как от солнца - лучи. Новые магистрали, которые построят казахстанцы, обновят нашу экономику и общество. Они накрепко свяжут все уголки нашей страны с центром. Ускорятся и увеличатся грузопотоки. Возрастут объемы транзита через страну.(...) Улучшится социальная инфраструктура, новые и современные школы и больницы будут оказывать высококачественные услуги. В итоге это отразится на благосостоянии и качестве жизни каждого казахстанца. А самое главное - все это останется на нашей земле как богатство наших будущих поколений»⁶⁶.

Подводя итоги первого (2010-2014 гг.) пятилетия стратегии «Нұрлы Жол» можно заключить, что ни сама экономика Казахстана, ни аппарат управления оказались еще не вполне готовыми к решению такой масштабной задачи, как фронтальная и форсированная по срокам модернизация индустриальной экономики. Можно предположить, что именно это стало главной причиной поворота Н. Назарбаева к новой стратегии – интеграционным ме-

⁶⁶ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 11.11 2014. Нұрлы Жол – путь в будущее.

гапроектам национального и международного масштаба. Как будет показано ниже, на десять лет раньше путем стратегических мегапроектов, пошло государственное руководство России, поставив во главу угла международную экспансию нефтегазового сектора ТЭК. Но если в этом случае такая стратегия фактически оказалась альтернативой модернизации и широкой диверсификации экономики, то в Казахстане она вписывается в общий тренд интереса основных игроков евроазиатской экономики и политики к интеграции в единое экономическое пространство – от Западной Европы с Ближним Востоком до Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Тем более, что в последние годы здесь наблюдается быстрый рост активности Китая. Казахстан уже и сейчас связан с ним трубопроводными системами собственной поставки и транзита из Узбекистана и Туркменистана нефти и газа, а также участием в автодорожном проекте Западный Китай - Западная Европа. Но еще более интересные для Казахстана перспективы открывает китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21-го века». С его инициативой в 2013 г. выступил председатель КНР Си Цзиньпин, а затем началась стадия его активной разработки. Для фонда проекта Китай уже выделил 40 млрд. долл. С точки зрения китайского руководства, создание экономических коридоров «Китай-Монголия-Россия», «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма», «Экономический пояс и Морской Шелковый Путь 21-го века» придаст региональной и мировой экономике мощную динамику. Общая идеология проекта («один пояс, один путь») заключается в стремлении создать систему партнеров по сотрудничеству на море и на суше и продемонстрировать решимость Китая продвигать реформы глобальной структуры и порядка⁶⁷.

⁶⁷ Комментарий: Экономический пояс и Морской Шелковый путь 21-го века -- новые мотивы 2015 года.
URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0203/c31518-8844875.html> (дата обращения: 06.02.2015).

Россия: концепции экономической стратегии

В России в течение постсоветских лет, но особенно последние пятнадцать из них в центре споров ученых и политиков находятся две концепции экономической стратегии - «либеральная» и «промышленная». В основе первой - макроэкономическая стабильность как необходимая предпосылка структурной перестройки экономики. Самыми важными ее условиями считаются устойчивая валюта, затем неприкосновенность частной собственности и стимулирование инвестиций. В основе второй - «локомотивы роста»: отрасли хозяйства, которые, быстро развиваясь сами, способны потянуть за собой всю хозяйственную систему и придать ей динамизм. В том числе, как считают некоторые, безотносительно к наличию или отсутствию макроэкономической стабильности. Однако на практике выбор государственного руководства в пользу макроэкономической стабильности вовсе не рассматривался им сначала как альтернатива промышленной политике.

Все 1990-е годы ушли на предотвращение экономической катастрофы и восстановительный рост в ходе почти стихийной перестройки экономической системы. Но уже в самом начале 2000-х годов настало время определяться в стратегии и тактике движения к устойчивому росту и технологической модернизации экономики. В 2003 г. новый президент РФ В. Путин выдвинул задачу: к концу первого десятилетия довести ВВП страны на душу населения до уровня Португалии⁶⁸. Политическим стимулом к ускорению роста стало осознание обществом и государственной властью технологического отставания не только от передовых, но и от успешных развивающихся стран, а также слабой освоенности территории страны со всем ее экономическим потенциалом.

Однако последующие несколько лет не привели к существенным успехам в решении этой задачи. Более того, выявились тревожные тенденции. Прежде всего, замедление самого роста без положительных изменений в его

⁶⁸ К концу XX в. (1999 г.) Португалия занимала 24-е место в мире из расчета ВВП на душу населения по ППС (17 тыс. долл.), Россия – 40-е (6 тыс. долл.) – Россия и страны мира. Стат. сборник. М., Росстат. С. 86.

структуре. Он продолжал зависеть от динамики мировых цен на нефть и в значительной мере определяться расширением торговли при замедлении роста в промышленности. В результате этого в 2005 г. темп роста в импортной торговле был почти в 4 раза выше, чем в обрабатывающих производствах. Увеличение доли инвестиционных товаров в импорте вело к ухудшению положения отечественных производителей и к вытеснению их с внутреннего рынка. Рост доходов населения и массового потребления за счет нефтяной ренты опережал повышение производительности труда. Инвестиции концентрировались в ограниченном кругу отраслей и предприятий: прежде всего, на транспорте, в добыче ТЭР, операциях с недвижимостью. На машиностроение пришлось всего 2 процента. В то же время отставание предложения отечественной продукции от доходов населения и повышение тарифов ЖКХ поддерживали рост инфляции за счет немонетарных (то есть не связанных с печатным станком) факторов⁶⁹.

В таком свете возможности обеспечения требуемых темпов экономического роста, по мнению Г. Грефа (тогда министра экономического развития и торговли), должны были заключаться в сочетании антиинфляционных мер со стимулированием технологической модернизации промышленности и развития конкуренции⁷⁰. Но при этом среди предлагаемых тогда мер, как факт, не фигурировало активное привлечение прямых иностранных инвестиций в промышленность. Вместо этого упорно повторялся лозунг об экономической интеграции государств СНГ. Этот аспект проблемы будет специально рассмотрен в данной работе отдельно. Но для начала нельзя не задать некоторые вопросы:

- В какой мере интеграция экономик этих стран может проходить по линиям разделения труда советского времени?
- Какие преимущества новое объединение было бы в состоянии предъявить окружающему миру? Например, каковы перспективы соединения промышленного и энергетического потенциала России с изобильными трудовыми ресурсами государств Центральной Азии?

⁶⁹ Александров Ю.Г. Может ли Россия стать «Евразийским тигром», с. 302-304.

⁷⁰ Греф Г. Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2005 году и задачах на 2006 год. Доклад на заседании правительства РФ 2 03 2006 г. URL: <http://www.economy.gov.ru>. 03.03.2006 (дата обращения: 12.06.2016)

- Насколько экономики России и других членов СНГ взаимно дополнительные по своей отраслевой и производственной структуре?
- В какой мере хозяйственные ресурсы России и других стран СНГ предстают как избыточные в экономическом плане?⁷¹

Однако, так или иначе, вопрос о догоняющем движении хотя бы вслед за экономически среднеразвитыми государствами Европы вроде Португалии фактически снялся, как бы, сам собой, когда государственное руководство России в 2000-е годы совершило стратегический поворот в сторону экономической геополитики, или геоэкономики с политическим прицелом. Правда, в официальных документах сохранились положения об экономическом росте и высоких технологиях. Особенно в тех областях, в которых Россия уже продемонстрировала определенные успехи. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. назвал их: энергетика, коммуникации, космос, авиастроение, экспорт интеллектуальных услуг⁷². Но фактически ставка была сделана на двух «китов». Первый - зарубежная экспансия отечественного нефтегазового сектора. Вместо «евроазиатского тигра» Россию направили по пути превращения в «евроазиатского спрута»⁷³. Второй - формирование системы государственных корпораций с задачей поддержки и развития отечественного машиностроения, большую часть которого составили предприятия ОПК. И первое, и второе решения означали поворот в сторону усиления роли государства в экономике.

Россия: энергетическая экспансия

В том же президентском послании 2006 г. были впервые указаны задачи новой энергетической стратегии России: играть позитивную роль в формировании единой европейской энергетической стратегии и обеспечивать

⁷¹ Например, в России пригодные для ведения хозяйства земли вовсе не свободны, а заняты местным населением, сколь бы низкоэффективным ни было его экономическое поведение. Трудовые ресурсы Средней Азии, со своей стороны, отличаются низким уровнем готовности к современным требованиям. Соединение их с «огромными просторами» России может осуществляться только как специальная программа, требующая гигантских капиталовложений.

⁷² Послание Президента РФ В. Путина Федеральному собранию 10.05.2006 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> (дата обращения: 25.02. 2015).

⁷³ Подробнее см.: Александров Ю.Г. Может ли Россия стать «Евроазиатским тигром». М. ИВ РАН, 2007. Разделы 4 и 5.

для себя ведущие позиции на энергетических рынках на долгосрочную перспективу. Суть замысла заключалась в гарантиях стабильности для потребителей в обмен на стабильность для производителей, поскольку Россия представляет одновременно и как производитель, и как потребитель энергоресурсов, а также транзитное государство. Поэтому российское руководство сочло неприемлемой ту часть Энергетической хартии, в которой в интересах развития конкуренции содержится требование не допускать контроля производителей и поставщиков энергоносителей (прежде всего, природного газа) над распределительными системами и, наоборот, обеспечивать доступ других поставщиков к их магистральным системам. Это вступило в противоречие с многолетней практикой поставок российского газа в европейские страны по магистральным трубопроводам на основе долгосрочных контрактов. Был сделан вывод, что такое требование способствует концентрации рисков на стороне поставщиков энергоресурсов вместо того, чтобы разделять их между разными видами энергетического бизнеса, а в ряде случаев между бизнесом и государством. При этом одним из важных способов такого разделения было предложено взаимное участие энергетических компаний в активах друг друга. Но в последнем случае речь не шла об иностранном контроле над стратегическими месторождениями России⁷⁴.

Флагманами реализации нового курса были определены государственные компании «Газпром», «Роснефть» и «Транснефть»⁷⁵. В 2000-е годы обе производственные компании стали активно наращивать активы и собирать под свой контроль предприятия, которые, так или иначе, влияют (особенно производители электроэнергии) на условия их воспроизводства. Они также получили приоритетное право на освоение стратегически важных месторождений углеводородов и возглавили зарубежную экспансию российских энергетических компаний. При этом деятельность «Роснефть» была направлена

⁷⁴ Кокшаров А., Власова О. Забыть о Рамбуйе // Эксперт. М., 2006, № 28, с. 20.

⁷⁵ «Газпром» как почти монопольный производитель и полностью монопольный транспортер и экспортер газа; «Роснефть» как крупнейшая российская нефтяная компания после передачи ей активов компании ЮКОС; «Транснефть» как монопольный транспортер нефти по магистральным трубопроводам.

по двум основным путям. Первый: обеспечение сырьем нового (ответственность «Транснефти») нефтепровода «Восточная Сибирь - Дальний Восток» (ВСТО) с ответвлением в Китай и выходом к морю в районе Владивостока. Второй: внедрение в разведку и освоение нефтяных месторождений за рубежом, как правило – в дружественных в то время государствах. На «Газпром» выпала задача географической диверсификации экспорта российского газа по магистральным трубопроводам.

К тому моменту обозначились основные черты новой нефтегазовой геоэкономики и связанной с ней геополитики. Начальной точкой отсчета следует считать 2005 год. Именно тогда было принято, можно утверждать, историческое решение о строительстве нефтепровода из Восточной Сибири к Тихому океану с ответвлением в Китай (ВСТО), началась реорганизация потоков экспорта углеводородов в Европу и активизировалась политика в отношении государств СНГ по вопросам нефтегазового экспорта и транзита.

Предыдущие действия в этой области, казалось, были разрозненными и несистемными. Как, например, введение в эксплуатацию в 2001 г., с последующим поэтапным расширением, Балтийской трубопроводной системы (БТС-1 и БТС-2). В 2003 г. началось наступление налоговых и правоохранительных органов на НК ЮКОС с последующим ее полным разгромом, в чем тогда многие усмотрели только политическую подоплеку. Но позже выяснилось, что это также элемент новой государственной геоэкономической стратегии в нефтегазовой отрасли. Ее основные черты:

- Отказ от предложенного крупнейшими российскими частными нефтяными компаниями проекта экспорта нефти в США и Северную Европу через порт Мурманск.
- Улучшение российских позиций в конкуренции за потоки нефти и газа из Каспийского региона и Центральной Азии.
- Диверсификация газового экспорта в страны Западной Европы путем добавления к уже существующим маршрутам Североевропейского газопровода (СЕГ, или «Северный поток»): по дну Балтийского моря в Германию, оттуда, в перспективе, в государства Северной Европы и на Британские острова.
- Выход «Газпрома» непосредственно на розничные рынки газа в странах Европы, опираясь на сотрудничество и обмен активами с их газораспределительными компаниями⁷⁶.

⁷⁶ Этот проект сразу встретил резкое противодействие ЕС как нарушающий принципы Энергетической хартии. Затем возникла новая угроза ему в виде проекта Европейского энергетического союза.

- Переориентация российского и транзитного (в основном, казахстанского) нефтяного экспорта в Европу с морских портов государств Балтии на вновь построенную Балтийскую трубопроводную систему (БТС).

- Противопоставление намерениям Турции и Азербайджана увеличивать экспорт из Каспийского региона к Средиземному морю нефти (по трубопроводу Баку – Тбилиси – Джейхан, БТД) и газа (по трубопроводу Баку – Тбилиси – Эрзерум) двух российских проектов. Первый: экспорт нефти по маршруту Новороссийск - Бургас (Болгария) – Александруполис (Греция). Второй – проект «Южный поток»: для газа России и Центральной Азии из Краснодарского края по дну Черного моря в Болгарию, а оттуда двумя ветками в Грецию, Сербию, Словению, Хорватию, Венгрию, Австрию⁷⁷.

- Экспорт нефти и газа в государства Северо-Восточной Азии и АТР. Среди них центральное место заняли следующие проекты: 1) экспорт нефти к Тихоокеанскому побережью с ответвлением в Китай по уже начавшей действовать системе ВСТО; 2) строительство двух газопроводов в Китай: «Алтай» для газа Уренгоя и «Сила Сибири» для газа Восточной Сибири и Сахалина⁷⁸.

Успехам российской экспансии в течение ряда лет способствовал необыкновенно быстрый в то время рост мировых цен на нефть. Так, цена североευропейской марки Brent, на которую ориентирована российская Urals («уральская»)⁷⁹, до 2000 г. не превышала 30 долларов за баррель при минимуме в 9 долларов в конце 1998 г. Но за 2000-2008 гг. она выросла почти в пять раз - с 30 долларов до 145 и более долларов, достигнув пика 148.4 долларов в июле 2008 г. Правда, через полгода, в декабре 2008 г., цена вернулась к уровню 36.6 долл./баррель, но ненадолго. В марте 2012 г. Brent опять торговалась уже по цене выше 120 долларов, а позже установилась примерно на уровне 110 долл./ баррель. И такой курс продержался до середины 2014 г. (110,9 долл./баррель на конец июня - начало июля), когда он с ускорением пошел вниз⁸⁰.

Упор на экспортный нефтегазовый сектор как на «локомотив роста» потребовал мер к сохранению макроэкономической стабильности под «нефтедолларовым дождем». Для сдерживания рублевой инфляции было предло-

⁷⁷ Первый проект натолкнулся на конкуренцию турецкого проекта нефтепровода по собственной территории Самсун – Джейхан. Второй – сторонников трубопровода «Набукко» для газа Каспийского региона и Центральной Азии в тот же регион. В 2014 г. после введения антироссийских экономических санкций проект был отозван самим российским правительством из-за противодействия ЕС с использованием Энергетической хартии.

⁷⁸ Эти проекты подробно рассмотрены в монографиях автора: Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «Евразийским тигром». М. ИВ РАН, 2007. Разделы 4 и 5; В отношении региона Каспия и Центральной Азии: Александров Ю.Г. Казахстан перед барьером модернизации. М. ИВ РАН, 2013. Глава 4.

⁷⁹ Цена нефти Urals рассчитывается на базе образцовой марки Brent за минусом определенного дисконта,

т.к. структура российского ресурса несколько хуже Brent.

⁸⁰ <http://stock-list.ru/oil.html#ixzz3T1pRkk4t>

жено использовать механизм регулирования тарифов естественных и других государственных монополий. Но она отличается внутренней противоречивостью. Сдерживание роста тарифов на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки, услуги ЖКХ и т. п. затрудняет движение в сторону рыночного ценообразования и одновременно оказывается дополнительным бременем при внутриотраслевом «перекрестном» субсидировании. Например, при субсидировании тарифов пассажирских железнодорожных перевозок за счет доходов от грузовых перевозок или при снабжении газом промышленных предприятий и населения за счет экспортных доходов «Газпрома». Поэтому главным антиинфляционным инструментом в руках правительства стал «фонд будущих поколений» - Стабилизационный фонд, который должен одновременно выполнять функцию стерилизации избыточной денежной массы. Он начал формироваться с 1 января 2004 г. после вступления в силу соответствующих положений (гл. 13.1) Бюджетного кодекса РФ. В Фонд зачисляются неизрасходованные остатки средств бюджета предыдущего года, а также дополнительные доходы от таможенных пошлин и НДПИ (налога на добычу полезных ископаемых), получаемые при повышении цен на нефть. Средства Фонда сберегаются вложением их в наиболее устойчивые ценные бумаги. Прежде всего – в государственные облигации таких стран, как США, Германия, Япония. Они предназначаются для покрытия дефицита бюджета в случае падения цен на нефть. Могут быть и другие цели. Например, погашение государственного долга. Вместе с тем угрозы макроэкономической стабильности усматриваются не только со стороны активного притока нефтедолларов. Все большую озабоченность от года к году стало вызывать увеличение государственных расходов.

Россия: государство в промышленности.

В первом десятилетии 2000-х годов в России активно расширяется государственный сектор в промышленности. Все началось с восстановления

контроля государства над концерном «Газпром». Затем ему была передана выкупленная у Р. Абрамовича за 13,6 млрд. долларов доля (72,6%) в нефтяной компании «Сибнефть», после чего та целиком стала его нефтяным подразделением «Газпромнефть». В соответствии с федеральным законом «Об экспорте газа», концерн имеет исключительное право на экспорт газа как собственник Единой системы газоснабжения (ЕСГ) России. Другая государственная компания - «Роснефть» получила производственные активы, конфискованные у ЮКОСа М. Ходорковского, а также право на выкуп доли британской ВР в компании ТНК-ВР. Обеим компаниям были предоставлены исключительные права на лучшие месторождения в восточных регионах страны и на морском шельфе.

В конечном итоге доля госсектора в ВВП достигла половины. В стране действуют примерно 70 тыс. организаций, так или иначе относящихся к госсектору: федеральных государственных унитарных предприятий (ФГУП), акционерных обществ с государственным участием, федеральных государственных учреждений (ФГУ). Более 90% доходов правительства от госсектора обеспечивают дивиденды по акциям и прочие формы участия в капитале госпредприятий. Численность работников госсектора в 2012 г. составляла 25,7% экономически активного населения. Но правительство не отказалось при этом от приватизации государственных активов как от политики, а также источника бюджетных поступлений. За 2014-2016 гг., согласно планам Минэкономразвития, должны составить 1,7 трлн. руб. По сравнению с концом 1990-х годов доля подконтрольных государству компаний существенно увеличилась. Так, в ключевой отрасли - нефтедобыче в 1998-1999 гг. государство контролировало 10% активов, а в 2013г. - 40-45%; в банковском секторе - 49%, в транспортном - 73%. В 2006 г. процесс расширения госсектора был ускорен кризисом: его доля в ВВП увеличилась до 50%⁸¹.

⁸¹ Токарева А. Госсектор в экономике России //Коммерсант. Ру. Власть. 15.07.2013.URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2233355> (дата обращения: 17.07.2013).

При этом становилась все более расплывчатой грань между финансовыми ресурсами государства и государственных компаний. Вошло в практику создание в них «параллельных» бюджетов для финансирования амбициозных государственных или патронируемых государственным руководством проектов, которые редко соответствуют их профильной деятельности. По сведениям г. «Ведомости», «Газпром» стал крупнейшим после федерального бюджета инвестором Олимпиады-2014: более 100 млрд. руб. Из них только 31,5 млрд. руб. на газопровод Джубга - Сочи можно отнести к прямой деятельности компании. Концерн также потратил 300 млрд. руб. на саммит АТЭС, в то время как госбюджет только 202 млрд. руб. Официально деньги пошли на газификацию, но трубопровод Сахалин - Хабаровск - Владивосток используется менее чем на 20%. Государственная компания «Роснефть» ежегодно расходует 0,7-1,0 млрд. долл. на социальные проекты в регионах добычи. ВТБ реконструирует московский стадион «Динамо». Непрофильные инвестиции Сбербанка стравляли до 1 млрд. долл. в год. РЖД получила от государства в 2011 г. 119 млрд. руб., из них 90 млрд. руб. пошли на Олимпиаду в Сочи. Госкомпаниям также принадлежат крупные непрофильные активы: «Газпрому» - медиахолдинг; ВТБ - компания «Галс-девелопмент» (реконструкция здания «Детского мира» на Лубянке, строительство жилья); РЖД в кризис спасала банк «КИТ-финанс»; «Роснефть» в 2011 г. приобрела хоккейный клуб ЦСКА. Авторы считают: «Кооперация» госкомпаний и правительства сокращает стимулы к приватизации, поскольку доходы от нее не превышают их вложений в правительственные проекты. Например, по оценке экономиста С. Гуриева, в 2013-2015 гг. приватизация могла принести 1,24 трлн. руб. (примерно 40 млрд. долл.) – но это было бы меньше, чем сделка «Роснефти» с ТНК-ВР (около 60 млрд. долл.)⁸².

⁸² Кувшинова О., Письменная Е. Половину экономики России уже составляет госсектор // Vedomosti.ru, 06.11.2012. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/5739621/esche_odin_byudzheth_ixzz3bowl737v (дата обращения: 14.10.2014).

Вовлеченность крупнейших российских государственных компаний в планы государства полезно сравнить с историей южнокорейских финансово-промышленных групп – *чеболь*, которые внесли огромный вклад в послевоенное «корейское чудо». Правда, между первыми и вторыми существует большая разница – прежде всего, в том, что чеболь относятся к частному сектору, а также характеризуются высокой степенью диверсификации деятельности в самых разных отраслях бизнеса – от легкой промышленности до компьютерной и аэрокосмической. Но есть и важное общее – активное участие в реализации государственных экономических программ.

В 1960-е годы XX в. правительство широко субсидировало ФПГ и способствовало их монополистической концентрации. В 1970-е годы им также оказывалась государственная поддержка крупными кредитами под низкие проценты для переориентации на развитие тяжелой и химической промышленности, а в 1980-е годы на завоевание экспортных рынков. Используя преимущества вертикальной и горизонтальной интеграции, а также поддержку со стороны государства, чеболь утвердились как «частные империи» с широко диверсифицированным производством и сбытом. Они начали играть ключевую роль в промышленности и доминировать в национальной экономике. Промышленные группы контролируются семейным капиталом. Семейные основатели владеют 60% акций в 30 крупнейших чеболь, 75% входящих в них фирм не числятся на фондовой бирже. Следовательно, отношения внутри групп выстраивались на нерыночных принципах. Не только права на владение компанией принадлежали одной семье, но и, как правило, контроль над компанией в целом осуществлялся одним лицом. Еще одна специфическая черта чеболь в отличие от ФПГ других стран - их автономность⁸³

Пользуясь политической и финансовой поддержкой правительств, главы конгломератов, вместе с тем, несли личную ответственность перед ними за выполнение принятых программ и должны были компенсировать потери в

⁸³ Ким Г.Н. Республика Корея. Алматы, «Дайк-Пресс», 2010. Глава 9. Экономическая система, с. 31. URL: <http://gendocs.ru/v24112/?download2=file> (дата обращения: 16.08.2014).

случае неудач. Среди ведущих чеболь появились лидеры, выделившиеся финансово мощью и концентрацией бизнеса в наукоемких отраслях промышленности. «Самсунг», «Хенде», «Дэу» и «Голдстар» установили контроль над 90% производства в электронике, судостроении, легковом автомобилестроении, вторглись в биотехнологии, производство волоконной оптики. Государство обеспечивало им дешевые кредиты, лицензии, таможенные и другие льготы, приоритет в распределении выгодных заказов и в то же время устанавливало конкретные задачи в различных областях бизнеса: Это привело к огромному усилению самых крупных чеболь, к тесному сращиванию их с институтами государственной власти, включая и верховную власть и, как следствие, к неограниченным возможностям лоббирования собственных корпоративных интересов. Они стали оказывать все более сильное влияние на экономическую политику правительства. Огромных масштабов достигли коррупция и доминирование на товарных рынках.

Так что, сыграв решающую роль в индустриализации Южной Кореи и интеграции ее в мировую экономику, чеболь в дальнейшем начали оказывать сдерживающее воздействие на динамизм развития страны. К такому результату привела именно государственная политика предыдущего периода, когда правительство в стремлении к быстрому созданию современной промышленности и расширению экспорта сделало ставку на ограниченное число крупных ФПГ, предоставляя им односторонние преимущества. Это отрицательно сказалось на конкурентной среде, ограничивая свободу предпринимательства. Поэтому ближе к 1990-м годам правительство начало переходить к политике разукрупнения чеболь и придания им более узкой специализации. Десять крупнейших из них (в том числе «Хенде», «Самсунг», «Лаки Голдстар» и «Дэу») были обязаны определить для себя по три основные отрасли специализации, а двадцать следующих – по две. Реформирование чеболь сильно подтолкнул начавшийся в 1997 г. валютно-финансовый кризис в ЮВА, поскольку восьмидесятые и девяностые годы характеризовались быстрым ростом их задолженности. К активным заимствованиям стимулировала агрес-

сивная политика развития и экспансии с одновременным расчетом на поддержку правительства⁸⁴. Специфическую роль сыграло также стремление хозяев чеболь удерживать семейный контроль над бизнесом, ограничивая тем самым возможности заимствований через выпуск дополнительных акций. В результате в 1990-е годы отношение задолженности к капиталу у корейских средних и крупных компаний составило 3,1 (для сравнения, аналогичный показатель в США равнялся 1,67, на Тайване – 0,87). А у чеболь этот показатель был еще выше: в среднем в 1997 г. у 30 ведущих компаний отношение задолженности к капиталу равнялось 5,2. 1997 г. стал годом банкротства чеболь: Ханбо, Киа, Чинро, потом Тэу. За этим последовал крах многочисленных средних и мелких фирм. Соответственно, в основу реформирования чеболь была заложена задача их приближения к международным образцам организации компаний. Сомнению была подвергнута также эффективность неограниченной многопрофильности их бизнеса. Руководству чеболь было императивно предложено ограничить спектр деятельности приоритетными направлениями, отказываться от непрофильных производств и давать больше самостоятельности дочерним компаниям. Начались также попытки разделения владения и управления компаниями введением в них профессиональных менеджеров⁸⁵.

Сравнение исторического опыта южнокорейских чеболь с современной российской промышленной политикой интересно тем, что мы наблюдаем две разные стратегии. В основу южнокорейской модели с самого начала было заложено стремление к выходу на мировой рынок, опираясь на крупные многопрофильные промышленные компании и государственную поддержку. Таким путем удалось эффективно реализовать главный ресурс национальной экономики – изобилие дешевой рабочей силы, которой придала высокую мобильность аграрная реформа 1940-1950-х годов. С внедрением в промышлен-

⁸⁴ Схожее случилось в России, где государственная компания «Роснефть» набрала ко времени нынешнего экономического кризиса огромные кредиты.

⁸⁵ Ланьков А. Корейский чеболь: блестящее прошлое и неопределенное будущее // «Вестник Центра корейского языка и культуры», январь 2001 г. URL: <http://gendocs.ru/v24112/?download2=file> (дата обращения: 16.08.2014).

ность новых видов продукции и технологий НТР этот фактор превратился (как позже у других «тигров» ЮВА-ДВ и в Китае) в ценное конкурентное преимущество на внешних рынках. Россия, со своей стороны, столкнулась с проблемой иного рода. А именно, с грузом ранее созданной технологически отсталой и неконкурентной тяжелой промышленности, с нарушенными производственными связями и ограниченными резервами индустриальной рабочей силы. Положение усугублялось тем, что сердцевину промышленности составлял огромный военно-промышленный комплекс - самый большой осколок прошлой всесоюзной военной экономики. Соответственно, стратегический выбор в промышленной политике оказался ограниченным именно такими условиями. Хотя и при том он все же существовал. Так или иначе, оба случая сближает активное участие государства в промышленной политике. Но только в России оно зашло намного дальше, чем в Южной Корее, благодаря как расширению государственного сектора в крупной промышленности в целом, так и (особая специфика) созданию государственных корпораций.

Единственным важным исключением из общего российского курса 2000-х годов на расширение государственного сектора оказалась реформа «по Чубайсу» основы электроэнергетики – РАО «Единая энергетическая система России» (ЕЭСР), до того полностью контролируемой государством. Ее объектом стала специфическая отрасль хозяйства – наследница постсоветской единой и управляемой из одного центра электроэнергетической системы. Как и во всех других отраслях, распределение ее продукции и услуг при советской власти осуществлялось нерыночным путем: в виде натурального продукта, но за советские квазиденьги. Для электроэнергетики характерен упор на крупные и очень крупные предприятия с ориентацией на близость каждой к его топливной базе. Примерно 20% мощностей пришлось на гигантские ГЭС, 10% на АЭС. Реформа была завершена в 2008 г. путем приватизации основных территориальных генерирующих систем. Но крупные ГЭС остались в системе контролируемой государством единой оптовой генерирующей компании - «ГидроОГК». Также в государственной собственности

сохранилась атомная энергетика. Кроме того, в 2005 г. у компании «Интеррос» государством был приобретен блокирующий (25%+1 акция) пакет акций ОАО «Силовые машины», которая считается основной базой российского энергомашиностроения⁸⁶.

В *машиностроительной промышленности* основной структурной реорганизации стали государственные корпорации⁸⁷: Первой ГК оказалось в 1999 г. «Агентство по реструктуризации кредитных организаций» (АРКО), однако в 2004 г. оно было ликвидировано. В 2003 г. появилось «Агентство по страхованию вкладов». Но подлинный бум начался в 2007 г. В итоге появились следующие структуры:

1. Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк, ВЭБ).

2. Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта («Олимпстрой»). После проведения Олимпийских игр 2014 г. в Сочи была ликвидирована.

3. Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» («Роснано»).

4. Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» (ФСР ЖКХ).

5. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» («Росатом»).

6. Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии» («Ростехнологии»).

7. Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», АСВ).

8. Государственная компания «Российские автомобильные дороги» («ГК Автодор»): компания, которой Федеральным дорожным агентством «Росавтодор» могут передаваться государственные автодороги в целях выполнения функций заказчика при их проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, ремонте и содержании⁸⁸.

9. ОАО «Объединенная судостроительная корпорация». Объединяет все государственные судостроительные активы - ФГУП после акционирования и госпакеты крупных частных судостроительных предприятий. Владелец 100 % акций компании - Российская Федерация. Задача корпорации - строительство военных кораблей и гражданских судов⁸⁹

⁸⁶ См.: Реформа электроэнергетики в России. URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php> (дата обращения 06.06.202).

⁸⁷ Государственные корпорации в современной России. Доклад Экспертного совета при комитете СФ РФ по промышленной политике. URL: http://prompolit.ru/files/289856/public_corporation.doc (дата обращения: 16.08.2014).

⁸⁸ М1 «Беларусь» (Москва — государственная граница с Республикой Беларусь); М3 «Украина» (Москва — государственная граница с Украиной); М4 «Дон» (Москва — Новороссийск); Проектируемые и строящиеся: М11 Скоростная автомагистраль Москва — Санкт-Петербург; А113 Центральная кольцевая автомобильная дорога

⁸⁹ Включает региональные субхолдинги: Северный центр судостроения и судоремонта (Северодвинск), Западный центр судостроения (Санкт-Петербург и Калининград), Дальневосточный центр судостроения и судоремонта (Владивосток). Южный центр судостроения и судоремонта (Астрахань)

10. ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (ОАК), 84 % акций у государства. В состав ОАК входят ОАО «Компания „Сухой“», ОАО «Корпорация „Иркут“», ОАО «ОАК-Транспортные самолеты», ОАО «Ил», ОАО «Нижегородский авиастроительный завод „Сокол“», ОАО «Туполев», ЗАО «Авиастар-СП», ОАО «ВАСО», ОАО «РСК „МИГ“». Общество учреждено путем внесения в его уставный капитал государственных пакетов акций авиационных предприятий, а также частными акционерами ОАО «Корпорация „Иркут».

Все эти государственные корпорации стоят особняком от других предприятий и организаций, находящихся в той или иной организационно-правовой форме государственной собственности: акционерных обществ, государственных унитарных предприятий, бюджетных учреждений, автономных учреждений. Они представляют собой юридические лица, имеющие организационно-правовую форму «государственная корпорация» в соответствии с федеральным законом «О некоммерческих организациях». Закон об НКО определяет государственные корпорации следующим образом (статья 7.1):

Государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона. Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации. Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, если законом, предусматривающим создание государственной корпорации, не предусмотрено иное. В случаях и порядке, которые установлены федеральным законом, предусматривающим создание государственной корпорации, за счет части ее имущества может быть сформирован уставный капитал. Уставный капитал определяет минимальный размер имущества государственной корпорации, гарантирующего интересы ее кредиторов.

Цели государственных корпораций объяснил их «отец» В. Путин: «Мы прошли через деиндустриализацию, структура экономики сильно деформирована. Крупный частный капитал добровольно не идет в новые отрасли - не хочет нести повышенных рисков⁹⁰. <...> Именно приоритетами промышленной политики были продиктованы наши действия по созданию крупных госкорпораций и вертикально-интегрированных холдингов — от «Ростехнологий» и «Росатома» до Объединенной авиастроительной корпорации и Объединенной судостроительной корпорации. Цель была - остановить развал интеллектуальных отраслей нашей промышленности, сохранить научный и производственный потенциал за счет консолидации ресурсов и централизации управления. <...> Мы должны были собрать формально принадлежавшие государству разрозненно управляемые активы, зачастую потерявшие связь с научными и конструкторскими центрами. Итогом реализации стратегий отраслевых холдингов должно стать создание глобально конкурентоспособных корпораций, высококапитализированных, нашедших и расширяющих свое место на мировом рынке. <...> Именно такие корпорации, сочетающие деятельность от перспективных исследований и разработки продукции до производства, поставки и обслуживания высокотехнологичного продукта, владеют сегодня мировым рынком авиастроения, судостроения, компьютерных технологий, фармацевтики, медицинской техники. Они же дают заказы малым инновационным компаниям, скупают удачные стартапы». <...> Ни о каком подавлении частной инициативы речь не шла - ее в этих секторах просто не было». Вместе с тем, «ошибочно на основании нашей работы по собиранию, реструктуризации и предпродажной подготовке активов делать выводы о разрастании госкапитализма. По каждой компании у нас сегодня есть план по их реорганизации, выводу на рынок. Часть их будет превращена в публичные компании с последующей продажей пакетов акций. Это затронет «Ростехнологии» в его гражданской части и ряд других госкорпораций. <...> Считаю возможным до 2016 г. снизить долю участия государства в некото-

⁹⁰ Такая же, трудность, на которую натолкнулась программа индустриализации Н. Назарбаева в Казахстане.

рых сырьевых и завершить процесс выхода из капитала крупных несырьевых компаний, которые не относятся к естественным монополиям и оборонному комплексу»⁹¹.

Из всех государственных корпораций связаны с промышленным производством (непосредственно либо через прямое распределение государственных средств, консалтинг и финансовое посредничество) «Росатом», «Ростехнологии», «Объединенная судостроительная корпорация» и «Объединенная авиастроительная корпорация». В каждой из них в разных соотношениях сочетается выпуск гражданской и военной продукции. Одна из них - машиностроительная корпорация «Ростехнологии» имеет многоотраслевую структуру. В соответствии с законом о «Ростехнологиях» она выполняет следующие задачи: «Содействие разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции путем обеспечения поддержки на внутреннем и внешнем рынках российских организаций - разработчиков и производителей высокотехнологичной промышленной продукции, привлечения инвестиций в организации различных отраслей промышленности, включая оборонно-промышленный комплекс». При этом (п. 3.2.) она «вправе осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению цели деятельности, указанной в части 1 настоящей статьи, и соответствует этой цели»⁹².

Корпорация имеет многоотраслевую структуру, включает научные и промышленные организации. В ее состав ходит более 700 организаций, из которых сформировано 9 холдинговых компаний в оборонно-промышленном комплексе и 5 в гражданских отраслях промышленности, а также выделено 22 организации прямого управления. Головные компании холдинговых структур: «Оборонпром», «Объединенная приборостроительная корпорация», «НПО «Высокоточные комплексы», «Авиационное оборудование»,

⁹¹ В. Путин. Нам нужна новая экономика (на основе ст. «О наших экономических задачах» - «Ведомости» 30.01.2012). URL:<<http://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 30.01.2012).

⁹² ФЗ РФ от 23. 11. 2007 г. N 270-ФЗ "О Государственной корпорации «Ростехнологии». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166033/ (дата обращения: 28.02.2012).

«Радиоэлектронные технологии», «Российская электроника», «РТ-Биотехпром», «РТ-Химкомпозит», ОАО «РТ-Станкоинструмент», «НПК «Технологии машиностроения», «РТ-Авто», «РТ-Технологии Безопасности», «РТ-Глобальные ресурсы», «Проминвест», «НПК „Оптические системы и технологии“», Концерн «Калашников», Новикомбанк, «Рособоронэкспорт»

Из гражданских подразделений «Ростехнологий» надо особо выделить холдинг «РТ-Авто», который объединяет крупнейшие организации отечественного автопрома. Холдинг был создан «Ростехом» в 2010 г. для консолидации усилий по поддержке российского автопрома, предприятия которого оказались в критическом положении. В настоящее время основной задачей холдинга стала модернизация входящих в него организаций, разработка и выпуск новой, отвечающей самым высоким стандартам, конкурентоспособной продукции. В холдинг входят 9 ОАО: «РТ-Авто», Москва; АВТОВАЗ, Самарская обл.; «КАМАЗ», Респ. Татарстан; «Автодизель», Ярославская обл.; «Тутаевский моторный завод», Ярославская обл.; «ПХ «Автокомпоненты», Москва; «НПО «Электромашина», Челябинская обл. – субхолдинг, включающий: ОАО «Электромашина», Челябинская обл.; ОАО «Специальное конструкторское бюро «Турбина», Челябинская обл.⁹³

* * *

В итоге к середине 2-го десятилетия 2000-х годов в России определился в общих чертах стратегический курс на формирование многосекторной экономики с ведущей ролью государственного капитализма. Она включает следующие секторы:

- унитарные государственные предприятия (ГУП) с бюджетным финансированием;
- государственно-капиталистические предприятия, действующие по рыночным правилам, но при сохранении государственной собственности и рычагов государственного контроля и регулирования;
- государственно-частные предприятия с участием российского и иностранного капитала.
- частные предприятия.

⁹³ РТ-Авто. Холдинг в области автомобилестроения и производства автокомплекующих //Rostex. URL: <http://rostec.ru/about/company/343> (дата обращения: 03.03.2015).

В общем виде границы прямого участия государства можно обозначить следующими стратегическими секторами: оборонно-промышленный комплекс, трубопроводный транспорт, электрические сети, атомная энергетика. А также отрасли, которые теряют или могут потерять позиции из-за сильной зарубежной конкуренции, но необходимы стране по стратегическим соображениям. Например, авиакосмический сектор. На нынешней стадии переходной экономики это также специализированные государственные финансовые институты развития и поддержки внешнеторговой деятельности.

В газовой и нефтяной промышленности к числу самых эффективных инструментов регулирования государством условий воспроизводства относится государственная собственность на магистральные газо- и нефтепроводы, которыми управляют, соответственно, «Газпром» и АК «Транснефть». Специфика государственной собственности на магистральную трубопроводную инфраструктуру в России в том, что она оформляет два разных типа монополии – государственную и естественную. Первая – инструмент административного контроля над распределением нефтяных и газовых потоков и тарифами на их услуги. Контроля, необходимого до тех пор, пока между внутренними российскими и мировыми ценами на эти продукты отсутствует полноценная органическая связь, характерная для рыночной экономики. Вторая – феномен естественной монополии, которая находится в согласии с законами рыночной экономики. Естественная монополия возникает в тех конкретных случаях, когда конкуренция ведет к снижению уровня прибыли. Воспрепятствование конкуренции государством в таких случаях предполагает, вместе с тем, недопущение манипулирования ценами со стороны субъектов хозяйствования – в этом случае, «Газпрома» и «Транснефти». В российской трубопроводной системе оба типа монополии оказались переплетенными между собой. Это наследие советских времен, когда нефть и газ из двух основных районов ее добычи в Западной Сибири гнались на сверхдальние расстояния по определенным внутренним и экспортным маршрутам, а потому конкуренция не только не допускалась советскими порядками, но и

была бы нерациональной по законам рыночной экономики. Такое положение сохранялось и на протяжении 1990-х годов. Но по мере появления новых регионов добычи углеводородного сырья, диверсификации географических маршрутов и зарождения конкуренции между крупными компаниями (как, например, между нефтедобывающим подразделением «Газпрома» «Газпром-нефть» и компанией «Роснефть») положение начинает постепенно, не без внутренней борьбы, меняться.

В целом, в течение полутора десятилетий 2000-х годов Россия испытала положительное воздействие на экономический рост со стороны высоких нефтяных цен и стимулирующей роли потребительского спроса. В годы самых высоких мировых цен на нефть Россия, не будучи членом ОПЕК и потому формально не ограниченная никакими квотами на ее экспорт, сумела максимизировать свою добычу. При этом государственный бюджет формировался из расчета нефтяных цен ниже прогнозируемых. Одновременно положительная динамика цен на нефть стала базой для роста привязанных к ней экспортных цен на российский газ. Поток нефтедолларов, в свою очередь, через укрепление рубля стимулировал потребительский импорт и массовое потребление. Все эти годы продолжался относительно быстрый экономический рост. По оценке А. Кудрина, был получен прирост ВВП близкий к поставленной ранее на 2010 г. цели его удвоения⁹⁴. Проблема, однако, заключается не только в количественных показателях роста, но и в его источниках и (как следствие) его качестве. В данном случае набор основных источников обеспечивал, главным образом, экстенсивный рост экономики за счет тех ее составляющих, которые не стимулировали технологическую модернизацию и ослабление зависимости от «нефтяной иглы». Как теперь уже хорошо известно, это стало главной причиной резкого ухудшения положения дел с 2014 г. вследствие быстрого снижения нефтяных цен.

⁹⁴ Кудрин: России почти удалось удвоить ВВП, правда, за 15 лет //РИА Новости. М., 14.02.2015. URL: <http://ria.ru/economy/20150331/1055665404.html> (дата обращения: 14.02.2015).

Государственный сектор, укрепив свои позиции в нефтяной и газовой отраслях, начал собирать под свое крыло предприятия из смежных отраслей промышленности, которые, так или иначе, влияют (особенно электроэнергетика) на условия его воспроизводства. По отношению к ним, он в свою очередь, выступает в роли заказчика. В этом важная особенность России. Ее ТЭК в значительной мере воспроизводит свои материальные фонды на национальной основе, а потому им создаются определенные стимулы роста для других отраслей. Равным образом, через государственные корпорации консолидировались активы промышленности, составляющие основы оборонно-промышленного комплекса. На таком фоне, однако, бросается в глаза отставание всех высокотехнологичных производств, обрабатывающей промышленности гражданского назначения, а также сельского хозяйства за частичным исключением зерновой отрасли.

Проблемы от прошлого: ОПК и сырьевой экспорт

Как показано выше на примере промышленной политики России, пути и способы реорганизации обрабатывающей промышленности в ее переходной экономике во многом определяются местом и ролью в ней оборонно-промышленного комплекса. То же можно сказать о других странах – объектах исследования. Это наследие внешнеполитической стратегии СССР для России и Казахстана, и эпохи председателя Мао в Китае. В России и Казахстане основы ОПК были заложены в годы советской форсированной индустриализации, а потом его судьба определялась уже последствиями распада СССР. В Китае ОПК быстро формировался экстенсивным путем после утверждения КНР, а с переходом к стратегическим экономическим реформам вышел на новый, современный курс модернизации.

ОПК в СССР

После распада СССР именно Россия оказалась главной наследницей советской военной промышленности. Приблизительно, в советские времена на ОПК приходилась четверть промышленной продукции Союза. По одной из оценок, это было около 2 тыс. предприятий, как правило, крупнейших, в 9 отраслях промышленности. 95% из них, в 1991г., имели численность персонала более 1 тыс. чел. (1-5 тыс. - 49,8%, 5-10 тыс. - 29,3%, свыше 10 тыс. - 16,1%). Для сравнения: в гражданском секторе предприятия с численностью занятых более 1 тыс. чел. составляли всего 9,4% (соответственно, по группам: 7,7%, 1,1%, 0,6%) , а предприятия с 200 занятых и менее - 66,2%. В 1985г. на долю ОПК приходилось 45,7% всех занятых в машиностроении и металлообработке, по 41% в химической промышленности и цветной металлургии. Всего же около 25% занятых в промышленности. Попытки определить реальный вес военной экономики в СССР наталкиваются на трудность в

виде специфики советской системы ценообразования. Одна из ее особенностей заключалась в искусственной подстройке системы цен под стратегические задачи государства. В данном случае, под стратегию развития ОПК. А значит, при искусственном занижении цен первичных хозяйственных ресурсов, начиная с энергетических и сырьевых. Поэтому оценка масштабов советской военной промышленности, приводимая во внутренних ценах, значительно приуменьшает степень ее давления на экономику в целом. По разным оценкам, доля ОПК в продукции машиностроения и металлообработки, выраженная в советских ценах, равнялась 30% (50% составляли инвестиционные товары и всего 20% потребительские), а в мировых ценах, соответственно, 62-63%, 32% и 5-6%. Разница огромная - более чем в два раза ¹⁵⁷.

Обстоятельный анализ советского ОПК и его постсоветской российской части содержится в монографии В. А. Барабанова «Российский ВПК: история и современность» ⁹⁶. По его данным, в СССР на военную промышленность приходилось 20-25% ВВП. С ней в той или иной мере было связано 80% процентов промышленности. Расходы собственно на оборону с учетом фактических затрат на производство вооружений достигали 15% ВВП (с.64) ⁹⁷. Но оборонные предприятия помимо вооружения выпускали также большой список товаров длительного пользования, гражданской техники и промышленной продукции. Например, 92 % оборудования для легкой промышленности, 83% медицинской техники, 76% оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции, 100% телевизоров, швейных машин, фотоаппаратов, видеомагнитофонов, 92% холодильников, 95% вычислительной техники, 72% пылесосов, 66% стиральных машин, 33% грузовых вагонов, 28% буровых установок нефти и газа и многое другое (с.40).

⁹⁵ См.: Александров Ю.Г. Переходная экономика: российская версия. М., ИВ РАН, 1999, с. 195-196.

⁹⁶ Барабанов В.А. Российский ВПК: история и современность. Монография. М., РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. - 257 с. URL: http://eknigi.org/voennaja_istorija/67196-rossijskij-vpk-istoriya-i-sovremennost-monografiya.html (дата обращения: 14.03.2015).

⁹⁷ Н.Н. Назарбаев в своей книге «На пороге XXI века» (с. 16-17) приводит большой список государственных ведомств, которые полностью или частично работали на ВПК.

ОПК - Россия

после распада СССР в России осталось более 60% предприятий и 70% научных организаций прежнего советского ВПК. На Россию приходилось 73% основных фондов ВПК, 80% военной продукции, 72% занятых, 89% объема НИОКР по оборонной тематике. Эти показатели - свидетельство того, что основная тяжесть по размещению оборонного заказа на начало 90-х гг. ложилась на предприятия и НИИ России. Однако суверенизация республик привела к разрыву множества кооперационных связей, к разрушению технологической системы, утрате технологий, сбоям в поставках сырья, материалов и т.п. (Барабанов, с.79-80). К середине 90-х гг. из 2 тыс. предприятий оборонного комплекса России в государственной собственности находилось лишь 400; с контрольным пакетом акций у государства - около 500 и примерно столько же с «золотой акцией»⁹⁸. Почти 800 бывших советских оборонных предприятий оказались в негосударственной собственности. 16% вышли из государственного подчинения и перешли на выпуск гражданской продукции. 26% были преобразованы в акционерные общества, но продолжали координировать свою деятельность с органами государственного управления (Барабанов, с.83). Темпы сокращения кадров превысили средние показатели промышленности: за годы экономических реформ уволилось около 1 млн. человек. Наиболее сильно сократилась численность занятых в НИИ и КБ. При том, что в последние годы СССР НИОКР для военного комплекса достигали 80% их общего объема, в том числе около более половины непосредственно для военных нужд (там же, с. 86-87, 100-101, 156).

В конце своего существования СССР поставлял вооружения в 58 стран мира. Советскому ВПК удалось сформировать целую группу стран, полу-

⁹⁸ «Золотая акция» - специальное право на участие государства в принятии решений по имущественным вопросам в предприятиях, преобразованных из государственных в АО, при условии, что РФ или его субъект имеют в нем пакет акций.

чавших от него большую часть военной техники и вооружений. Это социалистические страны Восточной Европы, Куба, Вьетнам, Северная Корея и (на начальном этапе) КНР. Кроме того импортерами оружия были Индия, Бирма, Египет, Ливия, Алжир, Сирия, Южный Йемен, Ирак, Эфиопия, Мозамбик, Ангола, Афганистан, Лаос, Кампучия, Гренада и Никарагуа. Закупая вооружения в СССР в 50-80-е годы, все эти страны привязывались к советскому ВПК, так как технике требовалось сервисное обслуживание. Таким образом, часть рынка сбыта досталась нынешней российской оборонной промышленности в наследство от СССР⁹⁹. Во всяком случае, на это рассчитывали. Но жизнь повернулась по-другому. После распада СССР началось активное списание безнадежных долгов бывшим соратникам и союзникам. А также тем политически лояльным режимам из числа развивающихся стран, в которых надеялись получить те или иные экономические преимущества. Так, были прямо списаны 30 млрд. долл. из 35-миллиардного долга Кубы, 10 млрд. долл. (90%) долга КНДР, 4,6 млрд. долл. долга Ливии при Каддафи. Большинство самых бедных должников перед Россией – это страны Африки, которым за 2005-2012 гг. был прощен долг на общую сумму в 11,3 млрд. долларов. Основная часть этой задолженности сформировалась именно в результате поставок советской военной техники и оружия¹⁰⁰

Включенность ВПК в гражданское производство породила в годы «перестройки» большие надежды на высокий потенциал его мирной конверсии при переходе к рыночной экономике. В. Барабанов тоже пишет об «атаке на ВПК», «развернутой демократами на рубеже 80-х – 90-х годов», и о «мифическом властном ВПК» (с. 80-81). Правда, при этом он забывает, что немного выше утверждал сам: «Милитаризация экономики СССР происходила за счет отвлечения ресурсов из других отраслей народного хозяйства, в первую очередь за счет социальной сферы (медицина, культура, образование) и сниже-

⁹⁹ Россия: экспорт оружия // URL: infogun.ru. http://index.php?mod=art&art_id=48 (дата обращения: 22.02.2015).

¹⁰⁰ Раскина А. Дружба за деньги // Новые Известия. 31.07.2014. URL: <http://www.newizv.ru/economics/2014-07-31/205576-druzhiba-za-dengi.html> (дата обращения 31.07.2014).

ния внимания к повседневной жизни человека. Забегая вперед, можно со значительной долей уверенности сказать, что это была одна из основных причин развала СССР» (с. 59-60). Но дело не только в этом. Реформаторы, среди которых было немало экономистов-рыночников, не питали иллюзий относительно мирной конверсии ОПК. Ведь элементы гражданского производства внутри него функционировали по законам социалистической экономики. То есть на основе планового распределения ресурсов (естественно, худших), производственных заданий и плановых цен. А значит, в противоречии с требованиями рыночной экономики: без конкуренции на основе прямых и обратных связей между спросом и предложением, без свободного перелива капиталов между отдельными производствами и отраслями. Это, в первую очередь, касалось именно потребительских товаров, которые, вполне понятно, могут распределяться волевым путем только при карточной системе.

Вне планового распределения появляется спрос на продукты труда как на товары по критериям «цена – качество – наличие к предложению». Под них и подстраивается производство. В советском ОПК (как и в других секторах экономики) такие критерии, естественно, не могли «работать»¹⁰¹. Не было условий ни для перераспределения производственных ресурсов в пользу (как их тогда официально называли) «товаров повышенного спроса», ни, тем более, для технологического прогресса¹⁰². А после развала распределительной системы включение рыночных механизмов дало старт конкуренции по всем ее параметрам. При этом после либерализации внешней торговли производители гражданской продукции столкнулись с конкуренцией импортеров¹⁰³. Последнее, в свою очередь, оказалось необходимым по нескольким

¹⁰¹ Те, кто жил в советские времена, помнят, как одновременно с огромными очередями за «дефицитом» (например, легковыми автомобилями, холодильниками «ЗИЛ», импортной мебелью) магазины были забиты «неликвидами». В том числе и товарами длительного пользования производства ВПК.

¹⁰² Стоит ли удивляться, что при колоссальном спросе населения на легковые автомобили «АвтоВаз» к концу советской власти он так и не вышел за пределы купленной у итальянцев базовой модели «Фиат» начала 1960-х годов.

¹⁰³ В Казахстане, например, индекс промышленного производства (1990 г. = 100) в нижней точке спада (1995г.) равнялся: обрабатывающая промышленность – 39,3; пищевая – 35,7; текстильная и швейная – 12,7; коженно-обувная – 3,2 (По данным казахстанской статистики: Александров Ю.Г. Казахстан перед барьером модернизации. С. 145.

причинам. Во-первых, стихийная реструктуризация экономики с закрытием многих производств потребовала быстрого расширения потребительского рынка для обеспечения межотраслевой и территориальной мобильности рабочей силы. Во-вторых, свободный потребительский рынок – это одно из необходимых условий повышения качества жизни как стимула к труду. В-третьих, страна в то время располагала лишь крайне ограниченными возможностями перераспределения инвестиций в любом направлении, включая и производство товаров потребления. Тем более, в условиях конкуренции с растущим импортом¹⁰⁴.

Поэтому у государственного руководства России созрела убежденность в необходимости создать компактное ядро оборонно-промышленного потенциала (*Барабанов, с.190-191*). Реализация этого плана оказалась связанной с общим поворотом внешней политики государства в сторону активной геополитики в СНГ и противодействия стратегии «однополярного мира» США¹⁰⁵. В Указе № 603 от 7 мая 2012 г. В. Путин предписал правительству РФ обеспечить оснащение Вооружённых Сил РФ современными образцами вооружения, военной и специальной техники, доведя к 2020 г. их долю до 70 процентов. Общая стоимость государственной программы вооружений Министерства обороны до 2020 г. была определена им тогда в 20,7 трлн. рублей¹⁰⁶. Затем, в 2014 г. конфликт с Украиной и экономические санкции стран Запада усилили стремление высшего государственного руководства к импортозамещению, включая, в первую очередь, военную промышленность. По сообщению г. «Ведомости» (29.07.2014) со ссылками на осведомленные источники, на совещании 28 июля у В. Путина была поставлена задача максимально уско-

¹⁰⁴ В связи с этим стоит напомнить, с одной стороны, приведенную выше (параграф «Патриотическая экономика») оценку экономистом М. Хазиным потребительского импорта как «выкидывания денег». С другой стороны, мнение известного критика социалистической экономики Бориса Бруцкуса: «Только народ, чьи нужды разумно удовлетворяются, способен напряженно работать». (Бруцкус Б.Д. Экономическое планирование в советской России // Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб: АОЗТ «журнал “Звезда”, 1995, с. 177.

¹⁰⁵ Основы этой стратегии были сформулированы в известной «мюнхенской речи» В. Путина в 2007 г.

¹⁰⁶ Указ «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и модернизации ОПК» от 07.05.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15242> (дата обращения: 09.03.2015); Никольский А., Глинкин.М., Товкайло М. В. Путин раскрыл военные расходы //»Ведомости». 04.07.2012. URL: <http://www.severgroup.su/2012/07/04/vladimir-putin-raskryl-voennye-rasxody/>(дата обращения: 09.03.2015).

рить этот процесс, сократив в ряде случаев с 3-4 до 2-3 лет¹⁰⁷. Одновременно был введен в действие государственный план на 2013-2020 гг. по подготовке для ОПК кадров со средним профессиональным и высшим образованием. Задания должны формироваться на основе предложений Минпромторга, «Роскосмоса» и госкорпорации «Росатом». Этим ведомствам было также поручено обеспечить трудоустройство граждан по окончании учебы. Министерство образования и науки совместно с заинтересованными организациями должно разрабатывать и утверждать перечни необходимых специальностей и образовательных организаций. Расходы плана финансируются за счет средств федерального бюджета на реализацию государственной программы "Развитие образования" на 2013-2020 гг.¹⁰⁸.

ОПК - Казахстан

Республика во многом разделила судьбу России после распада СССР. Президент РК Н. Назарбаев, характеризуя советскую экономику, высказал мнение, что одной из первопричин ее катастрофы оказалась постоянная нацеленность государства на гонку вооружений. «Структура экономического комплекса бывшего Советского Союза, кстати, во многом доставшаяся в наследство и нам в Казахстане, — писал он в своей книге “На пороге XXI века”, — была крайне деформирована и нацелена на удовлетворение запросов добывающих отраслей и ВПК. Естественнo, что она никоим образом не могла способствовать повышению уровня конкурентности экономики». Предприятия, работавшие на ВПК, создавали огромную часть валового продукта, которая тяжелым бременем лежала на экономике, но учитывалась в статистических показателях как продукция народного хозяйства. В СССР только

¹⁰⁷ Кремль рассмотрел программу импортозамещения в оборонной промышленности //»Ведомости». 29.07.2014. URL: <http://www.km.ru/economics/2014/04/28/ekonomika-i-finansy/738614-putin-prizval-opk-k-zameshcheniyu-ukrainskogo-import> (дата обращения: 29.07.2014).

¹⁰⁸ Правительство утвердило план подготовки кадров для организаций ОПК на 2016-2012 гг. //ТАСС. 09.03.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1815925> (дата обращения: 09.03.2015).

непосредственно ВПК обслуживали девять министерств. Но туда же шла и лучшая продукция Минчермета, Минцветмета и ряда других ведомств¹⁰⁹.

Насколько можно судить по существующим представлениям, казахстанский вклад в союзный ОПК вносили, в основном, его добывающая промышленность (в первую очередь, урановая) и металлургия (особенно, цветная). Поэтому распад единого оборонного комплекса и обрыв многих его производственных связей тяжело сказались на положении целых отраслей промышленности. В настоящее время ее оборонными предприятиями выпускаются, по большей части, комплектующие детали. Ограничено государственное финансирование и отсутствует эффективное взаимодействие с Вооруженными силами. Низка доля казахстанского содержания в государственном оборонном заказе. Но на практике руководство республики делает главный упор в стратегии национальной безопасности не столько на укрепление военной обороноспособности, сколько на создание и поддержание системы международных гарантий своего суверенитета в многополярном мире.

ОПК - Китай

В отличие от России, где упор в развитии ОПК был сделан на форсированное повышение его потенциала именно как военной отрасли, китайское руководство выбрало иной стратегический курс. Это объясняется разными условиями становления рыночной экономики в обеих странах. В России радикальные экономические реформы первой половины 1990-х годов стали главным способом быстро создать новые механизмы и институты функционирования экономики, способные после развала СССР остановить ее падение, дать новые критерии эффективности и цели. Поэтому ОПК как совокупность централизованно управляемых предприятий начали собирать из оставшихся на территории страны обломков советской военной промышленности. В Китае, наоборот, его реформирование оказалось вписанным в общую стра-

¹⁰⁹ Назарбаев Н. На пороге XXI века. Алматы. ОНЕР, 1996. С. 17.

тегию рыночной трансформации государственной социалистической экономики.

По материалам исследования П.Б. Каменнова (ИДВ РАН)¹¹⁰, активное реформирование китайского ОПК началось на рубеже XX и XXI веков. В ее основу была заложена сформулированная Дэн Сяопином стратегическая установка – «курс 16 иероглифов»: «сочетание военного и гражданского, мирного и немирного, приоритет военного производства и его развитие с опорой на выпуск гражданской продукции» В процессе реформы был осуществлен переход от прежней высокоцентрализованной отраслевой системы организации ОПК к корпоративной системе. Она включает 11 военно-промышленных корпораций в нескольких основных сферах: ядерной, аэрокосмической, авиационной, судостроительной, в производстве вооружений, снаряжения и боеприпасов, электронных технологиях. Каждая корпорация включает подразделения, позволяющие вести научные исследования и разработки, производство и реализацию гражданской и военной продукции, в том числе высокотехнологической.

На такой основе Китай приступил к программе модернизации национальной обороны до середины XXI века с целью строительства вооруженных сил на инновационной основе. ВПК модернизируется по системе, интегрирующей военные и гражданские ресурсы. Тем самым создается возможность свободно использовать высокие технологии в интересах и военного, и гражданского секторов отрасли. ВПК включает более 1 тысячи государственных предприятий, 3 млн. занятых, в том числе 300 тыс. ИТР. В настоящее время его реформирование находится на начальной стадии преобразования в новую систему оборонной науки, технологий и промышленности, в центре которой находится сравнительно небольшое ядро, имеющее тесные связи с частью гражданского сектора, обладающей военным потенциалом. При этом осуществляется преобразование государственных оборонных предприятий и учре-

¹¹⁰ Каменнов П.Б. Военно-промышленный комплекс //Основные отрасли и сферы экономики современного Китая. В 2 книгах. Книга 1. М., ИДВ РАН, 2012, с. 313-338.

ждений в предприятия, основанные на смешанном капитале различных форм собственности, а также интеграция научно-исследовательского и производственного потенциала предприятий, НИИ и ВУЗов (Каменнов, с. 313-317).

Военный бюджет Китая почти в 2 раза больше российского¹¹¹. Но, как в свое время в СССР, растущие военные расходы в Китае, по некоторым оценкам, значительно (на 40-50%) выше расходов официального оборонного бюджета. Они включают субсидирование убыточных отраслей и предприятий ВПК, а также дополнительное финансирование военных НИОКР в гражданских ведомствах¹¹².

В 2000-е на основе накопленного технологического и экономического потенциала китайский ОПК вступил в полосу быстрого прогресса. Началась масштабная модернизация производственной базы. По оценке авторов исследования «Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР»¹¹³, ее станочный парк сегодня один из самых современных в мире. Создаются предпосылки для перехода страны из положения одного из крупнейших импортеров вооружений в число лидеров их экспорта. При этом Китаем предлагается продукция среднего технологического и ценового уровня. Но, как считают авторы (Барабанов, Кашин, Макиенко с. 8), рано или поздно в мире возникнет группа развивающихся стран, политически и экономически ориентированных главным образом на Пекин.

В соответствии с установками 18-го съезда КПК на повышение потенциала выпуска высокотехнологичных вооружений, формирование системы, опирающейся одновременно на оборонный и гражданский секторы, ускоряется. По китайскому обычаю этот принцип выражен лозунгом: «Военное производство дает положение (то есть государственную поддержку), гражданское производство дает бизнес». Часть корпораций имеют в своем составе внешнеторговые объединения с лицензиями на экспорт товаров военного на-

¹¹¹ Тренин Д. Россия и подъем Азии. Московский центра Карнеги. М., 2013. С.5.

¹¹² Каменнов П., Клименко А. О военной политике и доктрине Китая – ПДВ, № 5/2014, с. 141.

¹¹³ Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. Центр анализа стратегий и технологий Российский институт стратегических исследований. М., 2013. – 272 С.

значения, а также пользуются услугами компаний-посредников. Те, в свою очередь, превратились в диверсифицированные структуры, занимающиеся помимо экспорта продукции военного назначения также инжиниринговыми проектами за рубежом, прямыми инвестициями и, в отдельных случаях, даже добычей полезных ископаемых и торговлей сырьем. В настоящее время это особенно сильно контрастирует с российской ориентацией на импортозамещение в ОПК. Тенденция последнего времени - создание дочерних холдинговых компаний с попытками вывести их на фондовые рынки материкового Китая и Гонконга. При этом деление акций на несколько типов, доступных либо китайцам, либо иностранцам, исключает переход предприятий под контроль иностранцев. Власти также поощряют участие частных компаний в оборонном заказе как субподрядчиков, но второстепенных и только материкового Китая. Демонополизация ВПК предусматривает также выкуп дочерними компаниями военных подрядчиков части активов государственных материнских компаний *(Там же, с. 13)*.

Вместе с тем китайское руководство стремится к уменьшению зависимости ВПК от импорта важных компонентов вооружений. При этом Китай исходит из мировой тенденции к сближению и слиянию военных и гражданских производств, учитывая универсальность большинства высоких технологий, допускающих их двойное применение. Это, в свою очередь, используется для активизации участия в международных проектах. В первую очередь, в мирном освоении космоса наряду с развитием собственной космической отрасли гражданской и военной ориентации. По материалам Т. А. Тутновой, внешняя ракетно-космическая деятельность Китая разворачивается по линиям двустороннего и многостороннего сотрудничества. Прежде всего, в Южной и Юго-Восточной Азии, но даже и с США. При этом китайскому руководству приходится искать решения, способствующие повышению уровня доверия к его внешнеполитическим целям. Например, пересматривать поставки

ракетных технологий таким странам, как Ливия (раньше), Иран, Северная Корея, Пакистан¹¹⁴.

Сырьевой экспорт: «голландская болезнь»

Одну из главных проблем переходных экономик с сырьевым экспортом принято усматривать в так называемой «голландской болезни»¹¹⁵. То есть в депрессивном воздействии на макроэкономические показатели таких стран притока твердой валюты в результате увеличения объема экспорта и/или повышения мировых цен. Как показал еще раньше пример Нидерландов, высокие доходы от регулярного экспорта больших объемов природного газа привели там к укреплению реального курса местной валюты. И, в виде следствия, - к росту издержек производства и ослаблению конкурентоспособности национальной экономики. Но голландцы «удостоились чести» дать свое имя этому явлению потому, что они явили собой специфический случай страны, которая начала массированный экспорт сырья, уже имея к тому времени вполне развитую индустриальную экономику, открытую мировому рынку. Экономику с крупнейшими транснациональными компаниями («Ройал Датч-Шелл», «Юнилевер», «Филипс» и другие), с высокоразвитым машиностроением (электротехника и электроника, судостроение, авиастроение), химией и нефтехимией. А потому экономику, тонко настроенную на международную конкуренцию и, следовательно, весьма чувствительную к изменениям своих показателей на макроуровне.

Положение Россия во многом иное. Правда, ее экономика в целом опирается на промышленные технологии и воспроизводится как система тотального общественного разделения труда. Поэтому, с точки зрения многих экономистов, при опоре на экспорт углеводородов и промышленного сырья, при кризисе обрабатывающей промышленности и длительном сохранении высо-

¹¹⁴ См.: Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: роль в формировании международных военно-политических отношений (1960-2011 гг.) // Кандидатская диссертация по специальности 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики (ист. науки), М., 2014. С. 118. URL: http://www.ivran.ru/attachments/708_28101_%20Dissertaciya_Tutnowa_RKD.pdf

¹¹⁵ См. подробнее: Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «Евроазиатским тигром», С. 250-255.

ких мировых цен на нефть, она тоже подвержена «голландской болезни». Неуправляемый приток в Россию нефтедолларов ведет к укреплению реального курса рубля и, как следствие, к автоматическому снижению конкурентоспособности основной части ее экономики. Поэтому необходимо добиваться уменьшения «долларового навеса» – той части поступления нефтедолларов, которую экономика не может эффективно освоить. В целом, это справедливо. Например, хотя бы, потому, что укрепление рубля как дефицитного ресурса при наплыве нефтедолларов стимулирует скорее потребительский импорт, чем технологический прогресс при очевидной отсталости отечественной обрабатывающей промышленности.

Но все же, в рассуждениях об опасности для российской экономики «голландской болезни» есть уязвимый пункт. Конкурентоспособность как феномен рассматривается в данном случае только в одном ракурсе – высоких или низких издержек производства в зависимости от состояния рубля. В жизни, однако, конкуренция происходит не только по издержкам производства, но и по ассортименту и качеству продукции. Одно не менее значимо, чем другое или третье. Те, кто не учитывает это, не принимают во внимание сравнительно низкий технологический уровень нашей обрабатывающей промышленности. Голландцы, повторим, оказались подверженными болезни, названной в их честь, потому, что ко времени создания мощного экспортно-сырьевого сектора их промышленность была уже полноценно конкурентоспособной по всем трем названным критериям. Повышение производственных издержек обрабатывающей промышленности снизило уровень ее конкурентоспособности только по одному из них, что оказалось в принципе возможным компенсировать по другим линиям. Российская обрабатывающая промышленность, в отличие от голландской, конкурентоспособна лишь в ограниченных пределах.

Таким образом, парадокс заключается в том, что «голландской болезнью» могут страдать в ярко выраженной форме только высокоразвитые индустриальные системы. Нашей промышленной экономике до этого надо еще

дорости. Поднять свой технологический уровень до международных стандартов. Однако - еще один парадокс - выполнить такую задачу невозможно без масштабного переноса на отечественную почву передовых иностранных технологий, а это требует достаточно сильного рубля. Такая проблема перед Голландией вряд ли вставала. Тем более, что рынок товаров и услуг в российской экономике разделен на отдельные, хотя, конечно, пересекающиеся, круги, в которых обращаются разные и по цене, и по качеству товары. Поэтому конкуренция с прицелом только на цену не позволит российским товарам подняться вверх из нижних кругов - оттуда, где идет борьба за спрос бедных покупателей на дешевые товары. В ходе нее чаще всего гибнут слабейшие, но победители остаются «при своих» и не более. Это, в свою очередь, требует для технологического переоснащения экономики сбалансированной политики валютного регулирования с учетом интересов как экспортного сектора, так и производителей, работающих на внутренний рынок

Разумеется, незапланированные ранее нефтяные сверхдоходы не могут не оказывать влияния на макроэкономическую и бюджетную политику правительства. Они затрудняют сохранение плановых параметров прироста денежной массы, а это, в свою очередь, отражается на других макроэкономических показателях. Часть дополнительных доходов от высоких цен на нефть может, минуя стабилизационный фонд, сразу попадать в бюджет – например, на пополнение Пенсионного фонда. Тем самым нарушаются параметры кредитно-денежной политики, растет инфляция. Отчасти она подогревается и спецификой экономического поведения частного банковского сектора и населения. Значительная доля растущей денежной массы оседает у них, минуя государственный бюджет, поскольку Центральный банк не в состоянии стерилизовать весь нарастающий поток нефтедолларов. Как уже было отмечено выше на примере Голландии, в годы быстрого роста доходов от экспорта центр механизма экономического роста перемещается в сферу потребительского спроса населения. Определенные черты этого явления мы наблюдаем и в нашей стране. Реальные денежные доходы населения и отрасли хозяйства,

ориентированные на его спрос, продемонстрировали опережающий рост по сравнению с ВВП и с обрабатывающей промышленностью. Соответственно, увеличивались торговый оборот, объем платных услуг населению, импорт товаров и их доля в структуре товарных ресурсов розничной торговли. В эту сферу устремлялась и растущая часть иностранных инвестиций. В результате этого на уровне макроэкономики обнаруживается явление, известное как «надувание пузыря», когда потребительский спрос и ориентированные на него кредитные учреждения и отрасли хозяйства взаимно подхлестывают друг друга, дестабилизируя макроэкономическую ситуацию. Один из примеров «надувания пузыря» – ажиотаж в сфере банковского потребительского кредитования населения с одновременным увеличением доли просроченных и невозвращенных кредитов.

Поэтому российская общественность еще до антироссийских экономических санкций 2014 г. горячо обсуждала вопрос: как вернуть контроль над той частью собственного внутреннего рынка, которая оказалась занятой зарубежными производителями через импорт? Само собой, речь при этом может идти не только о потребительском, но обо всем внутреннем рынке, включая технологии и другую продукцию производственного назначения. Приведенная выше позиция «академиков» и другой «патриотически мыслящей» общественности исходит из необходимости сконцентрировать силы и средства народа через государство на построении «нового технологического уклада». И в первую очередь, при помощи мобилизации всех поступлений от экспорта для приобретения за рубежом передовых технологий. Главным образом, фактически, в интересах ВПК.

С проблемами, аналогичными российским, столкнулся в годы потока «нефтедолларов» и *Казахстан* с ведущей ролью нефтяного экспорта в национальной экономике.

В отличие от этого, в *Китае* импорт промышленных технологий первоначально был нацелен на завоевание внешних рынков потребительских товаров, а потом – все больше – на внутренний рынок. Один из самых ярких

примеров этого – китайский автопром. Выпуск автомобилей, который в 1980 г. всего равнялся всего 222 тысяч, в 2000-е годы начал стремительно расти (тыс. шт.): 2000 г. – 2069, 2010 г. – 18264, 2012 г. – 19270. Импорт автомобилей при этом не превышал 3% их общего количества. Более половины выпуска приходится на национальных производителей, менее половины на локализованных иностранцев, хотя при этом большая часть национальных производителей использует, в основном, зарубежные разработки¹¹⁶.

Но как будет решаться в дальнейшем вопрос о реиндустриализации и модернизации экономики в России и Казахстане? Поиски ответа на него - и без того трудные – в 2014 г. оказались резко осложненными резким изменением ситуации на мировом нефтяном рынке.

¹¹⁶ Афанасьев С., Кондратьев В. Автопром стран БРИК //Мировая экономика и международные отношения. М., 2014, № 9. С. 56-58.

Кризис 2014 года

В 2014 г. проблемой для всех рассматриваемых здесь переходных экономик оказалось стремительное, начиная с середины года, снижение мировых цен на нефть. Вполне понятно, что это привело к разным последствиям для России с Казахстаном как одних из ее крупнейших экспортеров и для Китая – как, наоборот, одного из крупнейших импортеров.

Кризис: Китай, Казахстан

Китаю, по мнению экспертов, низкие цены на нефть могут приносить существенные выгоды и одновременно создавать определенные трудности. По данным Статистического бюро Китая, внешнеторговый оборот страны за январь – декабрь 2014 г. дал прирост по стоимости в долларах в 3,4% к предыдущему году. При этом экспорт вырос на 6,1%, а импорт только на 0,4%; торговый баланс в результате этого резко улучшился - на +47,7%. В декабре 2014 г. (при цене на нефть 75 долл.) экспорт вырос на 9,7% к декабрю 2013 г., импорт, наоборот, уменьшился на 2,4%, а торговый баланс вырос на 96,7%. Низкие цены на нефть в среднесрочной перспективе, конечно, могут придать новый динамизм китайской экономике, рост которой на протяжении последних лет постепенно замедлялся, и в то же время сохранить низкий уровень инфляции. Правда, увеличение профицита торгового баланса было вызвано также внутренними процессами в экономике. Прежде всего, сокращением импорта из-за снижения темпов роста экономики за счет трудоемких производств экспортного сектора, а также развития импортозамещения в промышленности. Но в любом случае низкие нефтяные цены могут привести к новому ускорению темпов роста. В то же время увеличение профицита торгового

баланса способствует укреплению юаня относительно доллара и, как следствие, ухудшению условий китайского экспорта. Это явление схоже с феноменом «голландской болезни», но с той разницей, что возникает оно не в результате наплыва «нефтедолларов» от экспорта, а из-за сокращения расходов на импорт топливно-энергетических ресурсов и других сырьевых товаров. Даже при том, что снижение мировых цен на нефть побуждает Китай активизировать пополнение ее запасов¹¹⁷.

В Казахстане воспроизводство экономики в национальном масштабе практически полностью зависит от импорта товаров как производственного и промежуточного, так и потребительского назначения. Тем самым устанавливается ее жесткая зависимость от условий экспортной торговли¹¹⁸. Снижение в 2014 г. на 7,6% экспортных поступлений из-за быстрого падения мировых цен на нефть автоматически привело к еще большему (на 15,6%) уменьшению импорта и (на 10,5%) всего внешнеторгового оборота. Но сокращение оказалось разным по географическим направлениям. Оно в наименьшей степени затронуло торговлю с государствами «дальнего зарубежья», а в наибольшей – государства Таможенного союза. При этом парадоксальные изменения произошли в торговле Казахстана с членом ЕАЭС Белоруссией. Казахстанский экспорт в эту страну снизился наполовину (на 49,9%), в то время как импорт из нее (единственный пример из всех), наоборот увеличился на 4,2%. Это заставляет вспомнить упреки российского правительства в адрес Белоруссии относительно скрытого реэкспорта запрещенной продукции: в нашу страну и через нее в Казахстан в обход российских «антисанкций». И, соответственно, обращает к вопросу о специфике экономической интеграции в СНГ, который будет рассмотрен немного ниже.

Зависимость казахстанской экономики от условий внешней торговли сырьевыми товарами четко прослеживается также по динамике ВВП. Ее об-

¹¹⁷ Чуриков А. Падение цен на нефть принесет Китаю двойную выгоду //Российская газета rg.ru. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/08/kitay-site.html> (дата обращения: 22.03.2015).

¹¹⁸ Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. URL: [http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_afzLoop=229415604055127#%40%3F_afzLoop%3D229415604055127%26_adf.ctrl-state%](http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_afzLoop=229415604055127#%40%3F_afzLoop%3D229415604055127%26_adf.ctrl-state%20) (дата обращения: 22.03. 2015).

ший положительный тренд на протяжении 2000-х годов прерывался дважды именно в годы сильного снижения цен на нефть и другие сырьевые товары. Первый раз - в 2009 г как реакция на мировой экономический кризис 2008 г. Тогда в долларовом выражении ВВП уменьшился сразу на 13,6%. Но с положительным изменением ценовой конъюнктуры мирового рынка он опять пошел в рост, превысив на 11% исторически лучший показатель 2008 г. В 2014 г экономическая активность в Казахстане опять замедлилась. По предварительной официальной оценке, прирост ВВП составил 4,3%. Одним из главных факторов экономической динамики стал рост внутреннего потребления. Производство товаров увеличилось на 1,0%, услуг – на 6,0%. Изменение конъюнктуры внешних рынков отразилось также на кредитовании и сбережениях в экономике. Усилились девальвационные ожидания, что негативно повлияло на деловую активность. Поэтому было принято решение выделить из активов Национального фонда РК средства на поддержание экономики, а также принять меры по ограничению потребительского кредитования.. Основной целью Национального Банка с 2014 г. стало обеспечение стабильности цен и удержание инфляции в пределах 6-8%.. В феврале 2014 г. была проведена корректировка обменного курса тенге с установлением коридора колебаний на уровне 185 тенге за доллар США ± 3 тенге¹¹⁹.

Следующий сценарий Национального банка показал, что правительство ожидает замедления экономики в 2015 г., но не предвидит драматического обострения кризисных явлений. По мнению многих экспертов, серьезные проблемы в экономике Казахстана могут возникать при падении цены на нефть ниже 60 долл. за баррель. Так посчитал, например, советник председателя Национального банка О. Худайбергенов. Но при этом многое зависит от степени волатильности рынка – от того, как быстро и насколько сильно понижательный тренд будет сменяться повышательным. Но, если при критической цене в 60 долл. правительство не станет реализовывать антикризисные

¹¹⁹ Там же.

меры или меры по стимулированию роста экономики, она будет показывать нулевой рост¹²⁰.

Одобрены в начале февраля 2015 г. правлением Национального банка основные направления денежно-кредитной политики РК в целом подтвердили справедливость таких прогнозов. Констатируя усложнение положения Казахстана как страны-экспортера нефти, документ вместе с тем отмечает, что еще одной из причин ухудшения ситуации стала геополитическая неопределенность в окружающем мире. Этот факт приобрел особое звучание в свете новой ситуации, которая возникла в СНГ в 2014 г. и начала специфическим образом влиять на экономические процессы в государствах, вовлеченных в особые отношения между собой через ЕАЭС. В таких условиях имеется в виду ориентировать денежно-кредитную политику на обеспечение стабильности цен. Банк запланировал также создание новых инструментов денежно-кредитной политики по предоставлению и изъятию краткосрочной ликвидности и увеличение своего участия на внутреннем денежном рынке. Валютная политика должна обеспечивать баланс между внутренней и внешней конкурентоспособностью национальной экономики¹²¹.

Кризис: Россия

В России обострение кризиса экономики в 2014 г. было подготовлено взаимодействием нескольких факторов: внутренних и внешних, экономических и политических. Но запалом к его ускорению оказалось совпадение по времени двух событий: падения мировых цен на нефть и антироссийских зарубежных санкций. Еще в конце июня 2014 г. нефть Brent стоила около 115 (114,3) долл. за баррель, а к началу 2015 г. она опустилась до 56,2 долл. а по-

¹²⁰ Серьезные проблемы в экономике Казахстана возникнут при цене на нефть ниже 60 долларов за баррель. //Новости – Казахстан. Экономика. 23.10.2014. URL: <http://www.newskaz.ru/economy/20141023/7114518.html> (Дата обращения: 22.03.2015).

¹²¹ Основные направления денежно-кредитной политики Республики Казахстан на 2015 год //Zakon.KZ. 02.06.2015. URL: <http://fin.zakon.kz/4693795-osnovnye-napravlenija-denezhno.html> (дата обращения: 02.06.2015).

сле, в основном, колебалась между 45 и 50 долл.¹²² Антироссийские санкции, со своей стороны, распространились на большой список политиков, государственных чиновников, близких к Кремлю предпринимателей, государственных банков, компаний, предприятий и организаций, а также на поставки России ряда передовых технологий. И - что сразу оказалось весьма болезненным – на возможности получения долгосрочных иностранных кредитов под низкие проценты. Все это наложилось на уже набиравшие тогда силу неблагоприятные процессы в экономике и в системе государственного управления, которые вели к оттоку за рубеж капиталов и снижению темпов роста. Поэтому падение нефтяных цен ударило по России сильнее, чем по другим взятым для примера переходным экономикам.

По данным Банка России, внешнеторговый оборот страны, который до середины 2014 г. находился примерно на уровне показателей аналогичного периода предыдущего года (98,7% за 1-е полугодие), с падением нефтяных цен двинулся на уменьшение: 94,4% в 3-м квартале; 81,8% в 4-м; 93,1% по итогам года. Схожим образом реагировала внешняя торговля. 1-е полугодие: экспорт – 101,2%, 3-й квартал – 96,0, 4-й квартал – 82,6%, за год – 94,9%; импорт: соответственно, 94,8%, 92,1%, 80,6%, 90,2%. Большее сокращение объема импорта по сравнению с экспортом объясняется не только снижением экспортных поступлений. Свою роль сыграл и запрет российского руководства на импорт продовольственной продукции в отношении стран - участниц антироссийских санкций. Та же тенденция сохранилась в 2015 г.¹²³

Кризисные явления распространились и на социальную сферу. В 2015 г. темпы сокращения кредитования физических лиц достигли уровня кризисного 2009 г., в то время как просроченная задолженность росла. По данным компании «Секвойя кредит консолидейшн», на 1 мая 2015 г. объем кредитования уменьшился с начала года почти на 4,5%., а спрос на кредиты - на 60%. При этом почти 60% заемщиков имели больше 1 кредита, что свидетельству-

¹²² maed.ru/stock/oil/2014 (дата обращения: 22.04.2015).

¹²³ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade (дата обращения: 23.04.2015).

ет о высокой закредитованности населения. За последние 5 лет кредитная нагрузка на граждан выросла в 3 раза. Но при этом, несмотря на замедление темпов кредитования, показала существенный рост просроченная задолженность. С начала 2014 г она выросла на 78%. По итогам 2015 г. ожидался ее прирост на 55-60%¹²⁴.

Одним из худших проявлений кризиса в сфере производства оказалось сильное сокращение продаж и выпуска автомобилей. Итоги 2014 г. подвела Ассоциация европейского бизнеса (АЕБ). За год было продано 2 491, 4 тыс. легковых и легких коммерческих автомобилей - на 10,3% меньше, чем в 2013 г. (2 777,5 тыс.). Рынок плавно снижался с февраля, иначе последующее падение могло быть и большим, причем значительно. Но в ситуацию вмешалось резкое ослабление рубля по отношению к доллару и евро, которое подхлестнуло продажи машин в декабре¹²⁵. По базовому сценарию PwC¹²⁶, российский рынок легковых автомобилей может только в 2020 г. выйти на уровень 2012 г., когда были проданы рекордные 2,8 млн. машин. Но пока что сокращение продаж начало подталкивать к прекращению либо ограничению деятельности в России и временным остановкам производства такие зарубежные автомобильные концерны, как, например, General Motors, Opel, Renault («Рено Россия») ¹²⁷. «АвтоВАЗ» в 2015 г. продолжил снижать численность персонала: его штат уменьшится на 1100 человек¹²⁸.

Пессимистическая картина рисуется в докладе консалтинговой компании BGG, оценки которого привели российские «Ведомости» (06.05.2016) Серьезного роста спроса на российском автомобильном рынке не стоит ожи-

¹²⁴ Темпы падения кредитования физлиц достигли уровня кризиса 2009 года //ИА «Финмаркет». URL:<http://www.finmarket.ru/news/4007150> (дата обращения: 05.05.2015).

¹²⁵ Российский авторынок: итоги 2014 года (подробная статистика) //. Drom.ru. 19.01.2015. URL: <http://drom.ru/info/misc/31188> (дата обращения: 19.01.2015).

¹²⁶ PricewaterhouseCoopers (PwC) — международная сеть компаний, предлагающих профессиональные услуги в области консалтинга и аудита. Входят в глобальную сеть компаний Pricewaterhouse Coopers International Limited, каждая из которых является самостоятельным юридическим лицом.

¹²⁷ Концерн окончен. GM закрывает свои заводы в России // Коммерсант. ru. URL: [/http://ru.doc/2689311](http://ru.doc/2689311) (дата обращения: 19.03.2015).

¹²⁸ Штанов В. Renault остановит завод в Москве//Ведомости. 11.02.2015.

URL:<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/842051/renault-ostanovit-zavod-v-moskve> (дата обращения: 11.02.2015).

дать. Если несколько лет назад прогнозировалось, что к 2020 г. рынок достигнет отметки в 3,5–4 млн. шт. в год по сравнению с 1,5 млн. в 2015 г., то сейчас – 1,9 млн. машин по базовому сценарию. Основные причины – прогнозируемая низкая стоимость нефти, слабая национальная валюта и т. п. Похожий прогноз дает и PwC – 2,2 млн автомобилей в 2020 г. «Соллерс» прогнозирует, что к этому сроку в России будет продаваться менее 2 млн автомобилей¹²⁹.

Обесценение рубля в сочетании с зарубежными санкциями в сфере кредита серьезно затруднили также положение государственных нефтегазовых компаний, которые в предыдущие годы занимались масштабным приращением активов, освоением новых месторождений и осуществляли зарубежную экспансию при высоком уровне закредитованности. Поэтому именно крупнейшая государственная компания «Роснефть» начала требовать от правительства финансовой поддержки из Фонда национального благосостояния под угрозой отодвигания сроков освоения Русского, Юрубчано-Тахомского и других месторождений, а также реализации газового проекта «Роспан». По мнению министра энергетики А. Новака, до 15% нефтегазовых проектов, начало которых было запланировано на 2015 г., могут быть отложены, если сохранятся низкие цены на нефть. Но, как полагают в СМИ со ссылками на чиновников, «Роснефть» просит деньги не на конкретные проекты, а на погашение долгов. Так, в декабре 2014 г. она выплатила около 7 млрд. долл. по кредитам, привлеченным для финансирования покупки ТНК-ВР, а уже в январе 2015 г. направила повторную заявку на средства ФНБ. В ней список проектов, претендующих на «пенсионные» деньги, вырос с 12 до 28¹³⁰.

В предвидении обострения кризиса правительство РФ стало готовиться к поддержке государственного сектора и частного бизнеса. При этом оно столкнулось с противоположными вызовами. Подавление монетарной ин-

¹²⁹ Стулов М. Российский автопром еще не скоро увидит свет в конце тоннеля // Ведомости 06.05.2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/auto/articles/2016/05/06/640172-rossiiskii-avtoprom-nahoditsya-opasnosti> (дата обращения 06.05.2016).

¹³⁰ «Роснефть поставила правительству условие // News.ru.com. 21.4.15. URL: <http://www.newsru.com/finance/21apr2015/rosneftdvork.html> (дата обращения: 22.04.2015).

фляции чревато ухудшением доступа к денежным ресурсам, инфляция – угрозой стагфляции. Исходя из доминирования в производственном секторе экономики крупных предприятий, Министерство экономического развития подготовило список из 199 системообразующих российских предприятий. В перечень вошли в числе первых «Газпром», «Башнефть», «АвтоВАЗ» и ряд других корпораций. При его подготовке учитывались следующие показатели: годовая выручка компании; налоговые отчисления в бюджеты всех уровней; численность персонала; влияние на социально-экономическую стабильность в субъектах РФ. Впрочем, включение организации в перечень не считается гарантией предоставления государственной поддержки. Равно как и отсутствие организации в нем не исключает оказания ей государственной поддержки¹³¹.

Но самым первым из «пожарных» антикризисных действий правительства стала реакция Центрального банка на быстрое падение курса рубля в тот момент, когда он, по словам бывшего вице-премьера правительства РФ Е. Ясина, 16-17 декабря 2014 г. «упал ниже всех психологических отметок». До того, пояснил он, регулирование на валютном рынке шло, в основном, за счет интервенций ЦБ, и по мере ухудшения экономической ситуации их приходилось все время наращивать. А на таком фоне раздавалось все больше требований дешевых кредитов со стороны предпринимателей и политиков. «Но это как раз неправильный путь, - комментировал Е. Ясин, - дешевые кредиты в нашем случае не улучшат ситуацию, а загонят ее в тупик»». ЦБ в такой обстановке пошел на восстановление равновесия путем перехода к свободному курсу валют и к ориентированной на инфляцию учетной ставке процента¹³².

* * *

В начале февраля 2016 г. правительством РФ был представлен *прогноз социально-экономического развития РФ на 2016 г. и на плановый период*

¹³¹ МЭР опубликовало список системообразующих российских предприятий //Новая газета.02.04.2015. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1691485.html> (дата обращения: 03.04.2015).

¹³² Ясин Е. Увидеть небо в алмазах. Новая фаза кризиса //Российская газета rg.ru.URL: <http://pda.rg.ru/2015/04/06/yasin.html> (дата обращения 06.04.2015).

2017-2018 гг. В нем были учтены итоги социально-экономического развития за январь - август 2015 г., а также прогнозные показатели органов исполнительной власти и Банка России¹³³.

Экономическая ситуация в 2015 году складывалась под влиянием ухудшения внешних условий. Прежде всего, снижения цен на нефть, экономических санкций ЕС и США, тенденции к ослаблению инвестиционной активности, а также масштабного оттока капитала. Высокая стоимость заемных ресурсов, удорожание импортируемых инвестиционных товаров, рост долговой нагрузки и общая экономическая неуверенность инвесторов способствовали сокращению инвестиций по итогам восьми месяцев на 6% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Ожидалось, что сокращение инвестиционной активности продолжится, и за год объем инвестиций в основной капитал может сократиться почти на 10%. В первом полугодии 2015 г. отрицательные темпы показала и динамика ВВП. В наибольшей степени она была связана с аналогичной динамикой инвестиций в основной капитал.

Прогноз социально-экономического развития на 2016 - 2018 годы исходил из условий сохраняющейся геополитической нестабильности, применения в течение всего прогнозного периода к России экономических санкций со стороны ЕС и США и ответных контрсанкций. А также из негативного влияния на инвестиционную активность ограничения доступа российских компаний на мировые рынки капитала и высокого уровня чистого оттока капитала частного сектора

Прогноз был разработан в виде базового, целевого и консервативного вариантов на основе гипотезы роста мировой экономики среднегодовыми темпами в 2016 - 2018 годах на уровне 3,4 - 3,6%.

Базовый вариант характеризует основные макроэкономические параметры развития экономики при сохранении консервативных тенденций изменения внешних факторов и консервативной бюджетной политики, в том

¹³³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 г. и на плановый период 2017-2018 гг. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e/1> (дата обращения – 12.04.2016).

числе в части социальных обязательств государства. Вариант опирается на рыночные ожидания в отношении рынка энергоносителей, отраженные в консенсус-прогнозе мировых агентств, и разработан исходя из среднегодовой цены на нефть Urals в 2016 г. 50 долл. за баррель, в 2017 г. - 52 долл., в 2018 г. - 55 долл. Ожидалось также снижение стоимости экспортируемого газа в страны дальнего зарубежья, в том числе в связи с усилением конкуренции на европейских газовых рынках. Рост ВВП в 2016 г. спрогнозирован на уровне 0,7%. В дальнейшем, по мере ожидаемого восстановления инвестиционного и потребительского спроса, темпы роста должны повыситься до 1,9% в 2017 г. и 2,4% в 2018 г.

Целевой вариант предполагает выход экономики на траекторию устойчивого роста с темпами не ниже среднемировых, снижение инфляции до 4% и рост производительности труда не менее чем на 5% при обеспечении макроэкономической сбалансированности. Целевой сценарий отражает переход к новой модели экономического роста. Для достижения целевых параметров считается необходимым проведение значительных структурных преобразований расходной части федерального бюджета, предполагающих оптимизацию и повышение эффективности бюджетных расходов, а также радикальный пересмотр государственных федеральных программ.

Консервативный вариант прогноза рассматривает развитие экономики в условиях более низкой динамики цен на сырьевые товары, прежде всего на нефть и природный газ. Ожидается, что в 2016 - 2018 гг. среднегодовая цена на нефть Urals снизится до 40 долл. за баррель и стабилизируется на этом уровне на протяжении всего прогнозного периода. В таких условиях на фоне сложившихся в последние два года инерционных трендов в 2016 г. макроэкономические показатели будут иметь резко негативную динамику: снижение ВВП может составить до 1%, продолжится углубление инвестиционного спада, усилится негативная динамика в промышленности и розничной торговле, произойдет дальнейшее снижение уровня жизни населения. В меньшей степени снижение затронет добычу нефти и газа, а также сельскохозяй-

ственное производство и производство пищевых продуктов, в наибольшей степени – весь инвестиционный комплекс и сферу услуг. Данный сценарий характеризуется повышенным инфляционным фоном: в 2016 году инфляция может составить 8 – 9%. В 2017 году, как считают, ситуация несколько стабилизируется. В 2018 г. наметится переход к положительной динамике (рост ВВП на уровне 2,3%), но это не позволит вернуться на докризисный уровень. Для обеспечения сбалансированности федерального бюджета в прогнозный период будет соблюдаться бюджетное правило: оптимизация бюджетных расходов при выделении защищенных и незащищенных статей, что исключает секвестр производительных статей по формальному признаку. Для разработки параметров федерального бюджета на 2016 г. был использован базовый вариант прогноза при ценах на нефть Urals между 50-55 долл. за баррель.

Этому прогнозу предшествовали, начиная с 2014 г., и публиковались параллельно с ним аналогичные разработки правительственных ведомств, российских аналитических учреждений, авторитетных исследователей, а также международных организаций – таких как Всемирный банк, Европейский банк и МВФ. Расхождения в их выводах первоначально объяснялись, в основном, степенью оптимизма в отношении перспектив «отскока вверх» мировых цен на нефть. Особенно это касалось отечественных официальных и официозных прогнозистов. Но, чем дальше, тем теснее они группировались в районе показателей, близких к базовому и консервативному вариантам приведенного выше правительственно прогноза – 40-50 долларов за баррель. Предполагаемая экономическая динамика по большей части находится у них в диапазоне между стагнацией, ростом в пределах статистической погрешности и депрессией. В качестве примеров можно указать уточненный (декабрь 2014 г.) прогноз Всемирного банка на 2015-2016 гг., который первоначально предполагал сильную волатильность нефтяных цен из-за появления на рынке иранской нефти и неопределенной обстановки на Ближнем Востоке¹³⁴. Пес-

¹³⁴ ВБ понизил прогноз российской экономики в 2014 г. // FINMARKET.RU. 24.09.2014. URL: <http://www.finmarket.ru/news/3821006> (дата обращения: 24.09.2014).

сими́стичнее в отношении России, чем до того, оказался МВФ с докладом «Перспективы развития мировой экономики (январь 2015 г.): спад в 2015 году на 3%¹³⁵. Для обоснования своих оценок авторы прогнозов, как правило, указывают, помимо цен на нефть, усиление геополитической напряженности, снижение потребительского спроса (прежде одного из двигателей роста), сокращение инвестиций в экономику. При этом уже отошли на задний план надежды на скорый обратный «отскок» нефтяных цен, и все больше внимания стало уделяться проблеме инвестиций.

Падение реальных инвестиций наблюдается уже далеко не первый год. По оценке аналитиков Института Гайдара, инвестиционный голод станет главным ограничителем роста экономики: спад инвестиций до 19% в 2015 г. Правда, это один из самых пессимистичных прогнозов. Например, специалисты ФБК¹³⁶ оценивают снижение инвестиций в 10%, Центр развития Высшей школы экономики (ВШЭ) - в пределах 15%, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) - примерно 16%. Минэкономразвития, со своей стороны, в феврале 2015 г. заложило в свой прогноз спад инвестиций по итогам года на 13,7%. По оценке специалистов Института Гайдара, инвестиционное затухание повлечет за собой падение ВВП на 7%. Ими предсказывается также сильнейшее за последние 15 лет снижение реальных доходов населения – на 8,5%. Это тоже худший прогноз из опубликованных. Например, в Центре макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)¹³⁷ в январе 2015 г. оценили возможное сокращение реальных доходов граждан в 2015 г. примерно на 6%, в Центре развития ВШЭ - на 8%. ФБК обнародовал прогноз на 6,5%. Но, по мнению директора Института стратегического анализа компании И. Николаева, это самый оптимистичный вариант. С его точки зрения, спад может составить до 10%. При этом спад реальной зарплаты оценивается примерно в 8%,

¹³⁵ МВФ ухудшил прогноз по динамике ВВП России на 2015 год // РИА НОВОСТИ. 20.01.2015. URL: <http://ria.ru/economy/20150120/1043329718.html> (дата обращения 20.01.2015).

¹³⁶ ФБК (Финансовые и бухгалтерские консультанты) — российская аудиторско-консалтинговая компания.

¹³⁷ ЦМАКП – некоммерческое партнерство на базе лаборатории ИНХП РАН.

в то время как Минэкономразвития прогнозировал сокращение доходов в 2015 г. на 6,3%, зарплат – на 9,6%. Такие изменения чреваты трудно предсказуемыми последствиями. Ведь, начиная с 2000 г., официальная статистика фиксировала их ежегодный рост. С середины «нулевых», в так называемые «тучные» годы, он превышал 10% в год. И даже во время глобального финансового кризиса лишь в 2011 г. темп их роста снизился до 0,5%. Между тем, улучшение материального положения граждан было одновременно и двигателем экономического роста, и одним из главных политических достижений В. Путина. Но в 2014 г. доходы населения сократились на 0,8%. И, по мнению аналитиков Института Гайдара, россиянам предстоит вернуться на 15 лет назад¹³⁸.

В любом случае все сходятся на том, что дефицит инвестиций на фоне сокращения импорта чреват серьезными опасностями в виде остановок производств, увольнений трудящихся и ограничения массового потребления. Так, по мнению, например, Е. Ясина, подъем экономики может быть обеспечен только ростом частных инвестиций с целью повышения производительности труда при дефиците рабочей силы и отрицательном отношении большинства населения России к трудовой миграции. Но для этого помимо инвестиций требуются серьезные институциональные реформы, «которые в значительной степени лежат за пределами экономики и вообще касаются скорее верховенства права и политической конкуренции». «Ясно, – с сожалением констатирует он, – что такие изменения не всегда в интересах правящих элит. Одни виды элит в них заинтересованы, другие – не заинтересованы. Но никто особенно на эту тему не хочет думать. Обсуждаются, на мой взгляд, наименее эффективные методы решения наших проблем»¹³⁹.

Вообще говоря, мнение Е. Ясина не стало большим откровением. Схожие мысли высказываются и другими из тех, кто обдумывает способы пре-

¹³⁸ России снова пророчат катастрофу // Независимая газета, 06.03.2015. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-03-06/4_catastrophe.html (дата обращения: 06.03.2015).

¹³⁹ Бибков А. Экономисты допустили обвал инвестиций в Россию на четверть в 2015 году // РБК. 15.01.2015. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/01/2015/54b7f2379a794711daacc12a> (Дата обращения: 15.01.2015).

одоления спада и перехода к новому росту без нарушения макроэкономической стабильности. Например, глава правительства Дмитрий Медведев, выступая в январе 2015 г. на Гайдаровском форуме в Москве¹⁴⁰, подтвердил, что внешние факторы лишь обострили ситуацию в экономике. Она «начала притормаживать еще при высоких нефтяных ценах». Причина в том, что «старая энергосырьевая модель исчерпана, <...> она не может дать ни устойчивого роста, ни стимулов для инвестиций в реальное производство. Все слабее она воспринимает технологические инновации и, главное, не обеспечивает стабильного повышения уровня жизни». Поэтому «речь идет о том, чтобы изменить саму модель нашего развития». А именно, «заниматься решением структурных проблем не меньше, чем поддержанием макроэкономической стабильности». Это, по сути, можно считать ответом Д. Медведева тем, кто выступает за грубое нарушение макроэкономического равновесия ради массированных инвестиций в технологическое перевооружение крупной промышленности. Вместе с тем он подчеркнул, что «Россия даже в нынешних условиях не собирается закрываться от мира, менять курс в сторону создания мобилизационной модели экономического развития». Власть также не пойдет на отказ от свободной конвертации рубля. «Все это означает лишь одно – последовательное разрушение рынка»¹⁴¹.

О необходимости реформировать экономику регулярно говорит и Алексей Кудрин (с конца апреля 2016 г. заместитель председателя Экономического Совета при президенте РФ, до того министр финансов, затем глава независимого Комитета гражданских инициатив). По его мнению, Россия переживает полномасштабный кризис, пик которого еще не пройден. При этом цену на нефть и ситуацию на Украине он назвал лишь в числе «осложняющих» факторов. Сильнее всего тревожит А. Кудрина, что «на всех уровнях власти, в том числе на уровне первого лица, нет объективной оценки вызо-

¹⁴⁰ В точке кризис, но без страха //Российская газета rg.ru.15.01.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/14/medvedev-stenogramma.html> (дата обращения: 16.03.2015).

¹⁴¹ «Мы просто обязаны снять внутренние ограничения, которые угнетают бизнес. Это абсолютный императив». Но по установившейся в официальной среде традиции Д. Медведев не упомянул о внутривластной составляющей этой проблемы. (Там же).

вов, которые встают перед Россией. Там есть ощущение, что 2–3 года поможет продержаться Резервный фонд, а потом экономика пойдет вверх в рамках некого цикла». В результате «структура государственных финансов ухудшится: будут сокращаться те направления, которые связаны с подъемом экономики, с инфраструктурой, с качеством образования и подготовки рабочей силы, с качеством лечения и здравоохранения. В числе антикризисных мер могут быть даже приняты решения, которые продлят стагнацию». Поэтому, - считает он, - «мы должны перейти к более современной структуре бюджета, которая работала бы на рост» Но, по его мнению, пока не сделан определенный выбор в пользу одной из стратегий, «побеждают элементы реакции, реагирования и постепенно создается более изолированная экономика». Отдельно касаясь роли импортозамещения в развитии экономики, А. Кудрин негативно оценил также политику импортозамещения. Во-первых, она осуществляется за счет девальвации, то есть «за счет высоких цен и снижения жизненного уровня». Во-вторых, «похожие страны, такие как Китай, Бразилия, Индия, будут пользоваться всем спектром возможностей глобальной экономики – технологических и финансовых, – а Россия будет в них ограничена. Это означает деградацию ряда отраслей»¹⁴². В ближайшие годы, пояснил он, «мы сможем добиться впечатляющих успехов только в некоторых локальных сферах, прежде всего в оборонном комплексе»¹⁴³.

Глава Сбербанка Герман Греф на форуме «Россия зовет» (2 октября 2014 г.) так сформулировал свою позицию: «Нужно перестать говорить о структурных реформах как о некой абстракции. Без исправления фундамента: качества управления и государственного, и корпоративного в стране ничего не произойдет». Идеологии «мобилизационной экономики» он противопоставил следующий курс: «Поддерживается жесткая экономическая политика, сокращаются госрасходы, резко улучшаются бизнес-климат и качество

¹⁴² Кудрин предупреждает о грядущем пике кризиса //Lenta.ru. URL: - <http://lenta.ru/news/2015/06/01/kudrin/> (дата обращения: 01.06.2015).

¹⁴³ Но, добавим от себя, как показал опыт, при экономической самоизоляции и в этой области неизбежно очередное технологическое отставание. Если бы это было не так, СССР с его огромной военной промышленностью оказался бы во главе мировой НТР.

управления». При этом он указал, в частности, на неэффективность федеральных целевых программ и особых экономических зон, на высокий уровень монополизации экономики и неблагоприятный инвестиционный климат¹⁴⁴.

Несколько дальше других «системных» критиков экономической политики пошел пользовавшегося до конца жизни уважением власти и истеблишмента бывший глава правительства Евгений Примаков. Среди его предложений заслуживает особого внимания структурный маневр в ТЭК. А именно, сделать паузу в освоении арктического шельфа и, поощряя рост добычи на старых месторождениях, направлять значительную часть доходов на развитие экономики, «естественно, не забывая о социальных и других потребностях страны». Еще одно предложение – «эффективная экономическая децентрализация», поскольку централизация политической жизни страны стала базой чрезмерных федеральных расходов во время бума нефтяных цен. Обосновывая необходимость «оптимизации» отношений центра с субъектами РФ, Е. Примаков продемонстрировал свое известное умение объяснять вещи, неприятные Власти, в приемлемой для нее стилистике, вполне прозрачно намекнув на потенциальную опасность массовых социальных недовольств в регионах: «Наши СМИ часто грешат перепечатками из западной прессы, где предсказывается "цветная революция" в России. Ее заготовителями и исполнителями называется оппозиция режиму Путина. Абсолютно не верю, что верх во внутриполитической обстановке в нашей стране способна взять кучка несистемных оппозиционеров, не пользующаяся поддержкой в массах населения. Но турбулентность в обстановку может внести ухудшение социального положения большинства населения и отсутствие радикальных перспектив повышения роли субъектов Федерации»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Герман Греф на форуме «Россия зовет» призвал всех к эффективности. URL: <http://bosfera.ru/bo/urok-istorii-ot-germana-grefa> (дата обращения: 03.06.2015).

¹⁴⁵ Примаков Е. О России сегодня//Российская газета. 13.01.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/13/primakov-site.html> (дата обращения: 15.01.2015).

И действительно, как показало, например, исследование Н. Зубаревич и Е. Гориной (Центр анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ), в 2014 г. в 47 регионах страны долг превысил половину доходов, дефицит бюджета почти у половины превысил среднерегиональные 5%. Из-за роста социальной нагрузки при нехватке доходов регионам пришлось утроить долг и сокращать другие расходные статьи. Возможности оптимизации несоциальных расходов близки к исчерпанию, неизбежно сокращение социальных расходов. Такой процесс уже затрагивает как регионы, обремененные долгами или высокодотационные, так и инвестиционно активные, пытающиеся сохранить расходы на поддержку экономики¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Приведено по: Кувшинова О. Принятые меры поддержания занятости в России только усугубят безработицу. // Ведомости. 20.02.2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/02/20/rossiya-podderzhivaet-nenuzhnyu-zanyatost> (дата обращения: 19.05.2015).

Практическая стратегия

На фоне потока предложений о способах преодоления кризиса и перехода к новому росту практика экономической политики российского государства задержалась на уровне текущих антикризисных мер и прежнего стратегического курса в отношениях с окружающим миром. Последнее относится к *иностранным инвестициям, импортозамещению и международной интеграции*. Это отличает Россию от Казахстана и Китая, которые с усилением кризисных явлений в экономике стали вносить существенные коррективы в свои стратегии.

Иностранные инвестиции.

Отношение к иностранным инвестициям - один из важнейших критериев ориентации государственной стратегии на перспективу. Исходя из обычной для развивающихся и переходных экономик драматической нехватки собственных капитальных ресурсов, особое значение приобретает вопрос о *прямых иностранных инвестициях (ПИИ)*.

В *Китае* создание для иностранных капиталовложений благоприятных условий в виде «особых экономических зон» дало энергичный толчок развитию всей экономики от «опоры на собственные силы» времен председателя Мао к экспортной ориентации в промышленности как локомотиву всей экономики на первом этапе ее модернизации. А в последующем взаимосвязь с мировым хозяйством приобрела уже характер естественного взаимодействия. В результате в 2014 г. Китай по объему ПИИ в какой-то момент обошел США на фоне снижения инвестиционной активности в мире. Объем прямых иностранных инвестиций в мире в 2014 г. уменьшился на 8% - до 1,260 трлн. долл. Это самый низкий уровень с 2009 г., когда мировая экономика находилась в рецессии во время финансового кризиса. В ЮНКТАД объяснили та-

кое снижение хрупким состоянием мировой экономики и геополитическими рисками. Тем не менее, иностранные компании в 2014 г. увеличили инвестиции в Китае до 127,6 млрд. долл. против 123,9 млрд. долл. в 2013 г. Успех Китая – отмечает автор цитируемого материала А. Невельский, - это часть долгосрочного тренда по смещению ПИИ из развитых стран в развивающиеся. На рынки последних пришлось более половины прямых иностранных инвестиций в 2013 г. В том числе в Азии они увеличились на 15% - до рекордных 492 млрд. долларов¹⁴⁷.

В Казахстане также придают особое значение благоприятным условиям для иностранных капиталовложений. По результатам исследования Коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» (конец 2013 г.), Казахстан предстал бесспорным лидером в Центральной Азии по иностранным инвестициям. Согласно данным ООН, он привлек в три раза больше ПИИ, чем все прочие государства региона вместе взятые. Занимающий второе место Туркменистан отстает от Казахстана более чем в 5 раз, а занимающий третье место Узбекистан – более чем в 13 раз. Причем, оценка ООН для Казахстана уступает данным национальной статистики. Основными критериями условий для инвестиций взяты такие показатели, как уровень коррупции; потенциальный риск несостоятельности государств, не контролирующих свою территорию; степень либеральности формальных «правил игры» для иностранных инвесторов. По всем позициям Казахстан занимает лидирующие позиции в ведущих международных рейтингах. Авторы исследования особо отметили, что из всех стран Центральной Азии только Казахстан остался в стороне от крупных международных скандалов вокруг иностранного бизнеса.

И вообще, из всех стран региона деятельность иностранного бизнеса в Казахстане сопряжена с наименьшими рисками. Хотя, вместе с тем, «Астана могла бы еще несколько улучшить ситуацию за счет более прозрачной административной системы и более предсказуемой правоприменительной практики». Но главное, успехи Казахстана связаны «как с его либеральной внутри-

¹⁴⁷ Невельский А. Китай обошел США по объему иностранных инвестиций // Ведомости, 30.01.2015

экономической политикой, так и с внешней политикой, ищущей взаимовыгодные балансы между всеми вовлеченными в центральноазиатские проблемы внешними игроками». «Казахстан, - заключают авторы исследования, - эффективно проводит многовекторную политику, балансируя между интересами великих держав, с которыми связаны ключевые коммерческие инвестиции. В отличие от ряда других государств региона, многовекторность в казахстанской внешней политике представляет собой способ согласовать интересы влиятельных в регионе внешних игроков, находя между ними точки пересечения, а не использовать в своих интересах их конфликты. В этом плане либеральные “правила игры” в инвестиционной сфере представляют собой естественное дополнение многовекторной внешней политики»¹⁴⁸.

В итоге, в 2013 г. иностранные инвестиции составили около 18 (17,6)% общих капиталовложений в стране – примерно столько же, сколько государственные (17,8%), остальное дал частный национальный бизнес¹⁴⁹. Среднегодовой темп роста ПИИ за 2005-2013 гг. - 17,3%, общий объем привлеченных инвестиций – более 196 млрд. долл. Сумма за 2012 г. – почти 30 млрд. долл.; 2013 г. – 24 млрд. долл.; первое полугодие 2014 г. – 12,4 млрд. долл. Главными инвесторами в эти годы стали Нидерланды, США, Китай, Швейцария, Франция и Великобритания. Капиталовложения распределились следующим образом (млрд. долл.): профессиональная, научная и техническая деятельность - 74; горнодобывающая промышленность и разработка карьеров – 52; обрабатывающая промышленность – 21, торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов - 16,5. Среднегодовой темп роста прямых инвестиций в обрабатывающую промышленность за 2005-2013 гг. составил 43,3%. Он оказался почти в 2 раза больше, чем в горнодобывающую промышленность. Особенный

¹⁴⁸ Оценка политических рисков для зарубежных инвесторов в странах Центральной Азии. Сравнительный анализ. (Е. Минченко, К. Петров, А. Казанцев). Декабрь 2013. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Political%20risk%20for%20foreign%20investors%20in%20Central%20Asia.pdf (дата обращения: 04.06.2015).

¹⁴⁹ Инвестиционная и строительная деятельность в Республике Казахстан. 2009-2013, Астана, 2014. С. 9. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations?_afLoop=5276721535152958#%40%3F_afLoop%3D5276721535152958%26_adf.ctrl-state%3D9ts3nmydg_54 (дата обращения: 04.06.2014).

рост наблюдался в последние годы при реализации задач первой пятилетки на 2010-2014 гг.¹⁵⁰ Благодаря открытию нефтегазового ТЭК для иностранного капитала Казахстан оказался вполне сопоставимым по объемам ПИИ с Россией. В то же время зарубежный бизнес пока не увидел хороших перспектив инвестирования в большинство других отраслей производственной сферы. Решение этой проблемы государственное руководство страны видит в создании благоприятных условий в ходе реализации последовательных пятилетних планов модернизации экономики¹⁵¹.

Кризис, связанный с падением мировых цен на нефть, как уже отмечалось, отрицательно повлиял и на Казахстан. Ухудшилось сальдо финансового счета. Ввоз частного капитала, пусть незначительный еще в 2014 г., в 2015 г. сменился на чистый вывоз в 7 млрд. долл. По предварительным оценкам, сектор добычи нефтегазового сырья должен был столкнуться с более чем 2,5-кратным сокращением валового притока ПИИ в годовом выражении - с 7,29 млрд до 2,77 млрд. долл. Но и при том, в 2015 г. по-прежнему отмечался чистый приток ПИИ в экономику - 3,4 млрд. долл. по сравнению с 4,77 млрд. долл. в 2014 г.¹⁵²

Россия в 2014 г. поднялась на две строки вверх - с 64-го на 62-е место в рейтинге Doing Business. Авторы данного исследования ранжировали 189 стран по 10 критериям регулирования предпринимательской деятельности. Это затраты времени и денежных средств на создание бизнеса, получение разрешений на строительство, доступ к электроэнергетической инфраструктуре, регистрация прав собственности, получение кредитов, защита прав миноритарных инвесторов, уплата налогов, осуществление международной торговли, обеспечение исполнения договоров, процедуры банкротства¹⁵³.

¹⁵⁰ Казахстан привлекает прямые иностранные инвестиции // 24 Kz. URL: <http://24.kz/ru/novosti2/ekonomika> (дата обращения: 04.06.2014).

¹⁵¹ Александров Ю. Г. Казахстан перед барьером модернизации. С. 133-134.

¹⁵² Отток частного капитала из страны превысил \$7 млрд. // Kapital.kz 06.06.2016. URL: <https://kapital.kz/finance/50903/ottok-chastnogo-kapitala-iz-strany-prevys> (дата обращения: 06.06.2016).

¹⁵³ Путин: продвижение РФ в рейтинге Doing Business - конкретные результаты работы правительства // Finmarkrt.RU. 29.10.2014. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3850913> (дата обращения: 04.06.2015).

Тем не менее, из страны идет непрерывный отток капиталов. По данным Центрального банка, чистый вывоз капиталов банками и предприятиями в 2014 г. более чем вдвое превысил показатель 2013 г.: 151,5 млрд. долл. против 61 млрд. долл. в 2013 г. Наряду с расходами на отдельные крупные приобретения иностранных активов (как, например, доли ВР в ТНК-ВР «Роснефтью») существенными оказались выплаты по внешним долгам при ограниченных возможностях их рефинансирования из-за санкций¹⁵⁴. Далеко не благополучно и с иностранными инвестициями. Спекулятивный капитал, чуть что, «срывается с мест» при любом ухудшении обстановки, отрицательно влияя тем самым на рынки валют и акций, но чтобы при случае вернуться обратно. Впрочем, портфельные инвестиции для России, при ее сравнительно незначительном фондовом рынке, менее важны, чем прямые капиталовложения. Например, по данным Госкомстата РФ, в 2011 г. и 2013 г. они находились на уровне 4%, в 2012 г. – 9,7%¹⁵⁵. Но и приток ПИИ был ограничен: в 2013 г. из 170,2 млрд. долл. иностранных инвестиций в России на ПИИ приходилось только 26,1 млрд. долл. Основные поступления шли через разные виды кредитования: 14,6 млрд. долл. – кредиты от совладельцев организаций, 27,3 млрд. долл. торговые кредиты, 113,9 млрд. долл. прочие кредиты. В 2014 г. объем ПИИ уменьшился до 19 млрд. долл. Это во многом объясняется тем, что из-за антироссийских санкций крупные нефтегазовые компании из развитых стран отказались или отложили инвестирование в России¹⁵⁶.

Тем не менее, и в такой обстановке правительство продолжило усиливать контроль над иностранными инвестициями. По сообщениям СМИ со ссылкой на правительственные источники, ФАС предложило существенно расширить перечень отраслей, в которых для этого потребуются специальное разрешение федеральных властей, вплоть до распоряжений президента или

¹⁵⁴ // ТАСС. Экономика и финансы. 16.01.2015. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1703163> (дата обращения: 16.01.2015).

¹⁵⁵ Госкомстат РФ. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/foreign/#

¹⁵⁶ Поступление иностранных инвестиций по типам // Госкомстат РФ. 17.03.2014. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/foreign/# (дата обращения: 24.01.2015.4).

премьер-министра. Одобрение ФАС и правительственной комиссии необходимо при совершении сделок, когда иностранный инвестор получает 25% российской компании, работающей в одной из стратегических отраслей. Теперь предлагается также предварительно согласовывать все сделки, которые имеют особое значение для обороны и безопасности страны. Хотя четкого определения таких случаев нет¹⁵⁷.

Одновременно, в противовес санкциям Запада, была сделана попытка ориентации на китайские заимствования. Например, в мае 2015 г. российский ВТБ и Экспортно-импортный банк Китая (China Eximbank) подписали соглашение об открытии кредитной линии на 3 млрд. юаней для финансирования торговых операций между Китаем и Россией. Кроме того, было подписано соглашение о сотрудничестве ВТБ с Китайской корпорацией по страхованию экспортных кредитов (Sinasure) о предоставлении ею страхового покрытия на 2 млрд. долл. Это соглашение предназначено для снижения рисков по совместным проектам и торговым контрактам между Россией и Китаем, а также для привлечения долгосрочного финансирования с помощью страхового покрытия Sinasure. По заявлению ВТБ, это будет способствовать финансированию проектов в инфраструктурном секторе, горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, нефтегазовой и химической отраслях, других сферах взаимодействия между Россией и Китаем. Заключен также договор о сотрудничестве между российским ООО «Юг Энерго» и China Eximbank об открытии последним кредитной линии на 3 млрд. юаней¹⁵⁸. Тогда же Российский фонд прямых инвестиций, Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ) и Народное правительство провинции Хэйлунцзян (КНР) подписали соглашение о специализированном инвестиционном фонде объемом 2 млрд. долл. для финансирования проектов в сельском хозяйстве

¹⁵⁷ Лютова М., Папченкова М. ФАС предлагает усилить контроль за иностранными инвестициями // Ведомости, 05.05.2015. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/06/fas-predlagaet-soglasovivat-lyubie-inostrannie-investitsii-esli-oni-imeyut-znachenie-dlya-oboroni-i-bezopasnosti?google_editors_picks=true (дата обращения: 04.06.2015).

¹⁵⁸ ВТБ и China Eximbank откроют кредитную линию на 3 млрд юаней // Коммерсант.ру. 08.05.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2723946> (дата обращения 08.05.2015).

России и Китая. Доля российской стороны в фонде должна быть миноритарной. В основном это будут деньги китайских институциональных инвесторов¹⁵⁹.

Российское государственное руководство пытается также возмещать дефицит капиталов, с одной стороны, усилением контроля над деятельностью российского бизнеса за рубежом, с другой – обещаниями ослабить давление на него внутри страны. С 1 января 2015 г. вступил в силу «антиофшорный» закон, который ужесточает требования к отчетности российских налоговых резидентов, участвующих в иностранных компаниях. С 2017 г. вводится ответственность за сокрытие имущества и доходов в офшорах¹⁶⁰. В то же время правительство внесло в Госдуму законопроект о порядке легализации капиталов, происхождение которых не может быть подтверждено законным образом. Полагают, что такой закон может способствовать улучшению инвестиционного климата в стране¹⁶¹. Между тем, представители российского частного предпринимательства связывают надежды на преодоление экономического спада, в первую очередь, с отказом правительства от увеличения фискальной нагрузки на бизнес и от ужесточения законодательства о налоговых преступлениях. «Во многих отраслях бизнес в России находится на пороге рентабельности. Любое повышение фискальной нагрузки воспринимается им негативно и ведет к оттоку капиталов, закрытию предприятий, переходу к серым схемам», – объяснил суть проблемы омбудсмен по делам бизнеса Борис Титов¹⁶².

Импортозамещение.

¹⁵⁹ РФ и КНР создали спецфонд объемом \$2 млрд для инвестиций в АПК //РИАНОВОСТИ. 08.05.2015. URL: <http://ria.ru/east/20150508/1063287280.html> (дата обращения 08.05.2015).

¹⁶⁰ Путин подписал антиофшорный закон //РБК. 25.11.2014. URL: <http://top.rbc.ru/society/25/11/2014/54743acfcbb20f84324d17ea> (дата обращения: 04.06.2015).

¹⁶¹ Кузьмин В. Правительство России одобрило законопроект об амнистии капиталов //rg.ru. URL: <http://rg.ru/2015/03/26/shuvalov-site-anons.html> (дата обращения 13.05.2016).

¹⁶² Забава Ю., Штыкина А., Нетреба П. Бизнес предложил Медведеву семь шагов для спасения экономики от спада //РБК. 14.10.2014.. URL: <http://top.rbc.ru/economics/14/10/2014/543cf149cbb20ff74f46856a> (Дата обращения: 15.10. 2014).

Но именно на таком фоне высшее государственное руководство России подготовило парадоксальный ответ на зарубежные экономические санкции – масштабную политику *импортозамещения*. Естественно, это оказалось важным аргументом в пользу высоких военно-промышленных расходов. Его движущим мотивом стала политическая сторона вопроса. Это, в частности, подчеркнул В. Путин на специальном совещании по вопросам замещения импортной продукции в ОПК в Ново-Огарево 28 июля 2014 г., начав с заявления о необходимости «обезопасить себя от рисков невыполнения контрактов нашими иностранными партнерами, в том числе рисков политического характера». Актуальность таким опасениям придало распоряжение президента Украины П. Порошенко прекратить военно-техническое сотрудничество с Россией. Особое беспокойство вызвало импортозамещение в космической отрасли при сильной зависимости России от украинских поставок, особенно сырья и материалов¹⁶³.

То, что в подходе к импортозамещению в ОПК на первом месте находятся политические соображения, особенно в обстановке санкций, вполне объяснимо. Но взгляд на проблему импортозамещения в промышленности в целом показывает ее сложность. С этой точки зрения интересны соображения члена бюро правления ОООР «Союз машиностроителей России» Сергея Недорослева. Прежде всего, он напомнил, что еще в начале 2011 г., задолго до санкций, правительство приняло постановление о запрете российским госкомпаниям ОПК закупать за счет бюджета те импортные товары, аналоги которых выпускаются в России. Но есть товары, которые, как правило, отсутствуют на внутренних рынках, потому что ни один внутренний рынок не велик достаточно, чтобы окупилось производство таких товаров. Например, это некоторые суперпроизводительные станки, которые могут быть только у двух-трех компаний в мире, но при этом обеспечивать продукцией в своей нише всю планету. Равным образом, лишь на глобальном рынке, за счет эффекта

¹⁶³ Сафронов И., Горяшко С. Космос готов к переходу на отечественное //Коммерсантъ 28.07.2014. URL: <http://kommersant.ru/doc/25341> (дата обращения 28.07.2014).

масштаба могут окупиться многие проекты в авиастроении или космосе. Например, российским авиакомпаниям не требуется много дальнемагистральных самолетов, поэтому разрабатывать конкурентоспособный авиалайнер такого класса имеет смысл только с прицелом и на другие рынки. По мнению С. Недорослева, если не считать ОПК, есть две группы товаров, импортозамещение которых имеет смысл. В *первую* входят товары, для производства которых у страны уже сейчас имеется все необходимое: сырье, комплектующие, технологии, трудовые ресурсы. Как правило, эти товары ранее производились в России, но в силу определенных причин были вытеснены импортом. Сюда входит продовольствие, целый ряд товаров машиностроения, некоторые виды научного оборудования. Главное преимущество российских производителей здесь – знание внутреннего спроса. Во *вторую* группу входят те товары, которые пока проигрывают зарубежным аналогам, но в обозримом будущем могут стать конкурентоспособными, если на какое-то время защитить их от конкурентов¹⁶⁴

Но импортозамещение в этих и других отраслях возможно только при наличии свободных производственных мощностей и конкурентоспособных предприятий, которые могут предложить качественную продукцию по рыночным ценам¹⁶⁵. Однако в этом и проблема, если исходить из всех критериев конкурентоспособности: спрос, цена, качество. Поэтому особые надежды возлагаются на производства, которые основываются на государственных закупках. То есть, заранее ограждаются от конкуренции, как и в советские времена.

Ко всему этому обязательно надо добавить перспективы автомобильной промышленности, которая в докризисные годы получила неплохие импульсы к развитию. Эта отрасль имеет специфические достоинства, которые по праву делают ее одним из локомотивов технологической модернизации и

¹⁶⁴ Недорослев С. Три аргумента в пользу импортозамещения // РБКdaily. 06.11.2014. URL: <http://rbcdaily.ru/economy/562949992867541> (дата обращения: 04.01.2015).

¹⁶⁵ Воронина Ю. Лекарство от зависимости // Российская газета rg.ru. URL: 06.04.2015. <http://www.rg.ru/2014/08/05/zameshenie.html> (дата обращения: 06.04.2015).

роста гражданской экономики. А также повышения качества жизни населения, что со своей стороны стимулирует спрос. Поэтому в правительстве с наступлением кризиса активизировался поиск способов поддержки автопрома. В центре обсуждения оказались следующие предложения: выделение средств на программу обновления автопарка, субсидии на закупку газомоторной техники, возобновление льготного автокредитования для отечественных автомобилей. Кроме того - смягчение обязательств иностранных компаний по локализации и перенос на один-два года сроков запуска новых производств автоконцернов в рамках соглашений о промсборке¹⁶⁶.

Но менее всего ясны перспективы и последствия импортозамещения в сельском хозяйстве - задачи, инициированной «антисанкциями» президента В. Путина¹⁶⁷. Правительство РФ, как и полагается, по сути, техническому исполнительному органу, демонстрирует оптимистичные предварительные расчеты. Здесь ключевое слово именно «предварительные», поскольку прогнозы при неопределенных перспективах кризиса и самих «антисанкций». Как разъяснил вице-премьер правительства А. Дворкович, в Доктрине продовольственной безопасности РФ установлено, какую именно долю в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка должна составлять отечественная продукция. По зерну (в идеале, не менее) - 95%, по сахару –80%, по растительному маслу –80%, по мясу и мясопродуктам –85%, по молоку и молокопродуктам – 90%, по рыбной продукции –80%, по картофелю –95%, по соли пищевой –85%. При достижении таких показателей страна перестает зависеть от импортных поставок¹⁶⁸.

Масштабы задач, которые имеется в виду решать в одном только сельском хозяйстве, заставляет взглянуть на проблему импортозамещения в це-

¹⁶⁶ По соглашениям 2011 года, иностранные автопроизводители (Renault-Nissan с АвтоВАЗом, КамАЗ с Daimler, Ford с "Соллерсом", Volkswagen, GM) должны достичь к 2018 году локализации в 60%, запустить производство мощностью 300-350 тыс. автомобилей в год и инвестировать в НИОКР. (Иноева Я., Попов Е., Джумайло А. Как поддержат автопром в 2015 году? // Сибирское информационное агентство (СИА). 19.01.2015. URL: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=294866 (дата обращения:

¹⁶⁷ Подробнее о проблемах, создаваемых «антисанкциями», см., например: Панов В. Россия ввела продовольственные «антисанкции». Что дальше? // КМ.ру. 08.08.2014. URL: (дата обращения 08.08.2014).

¹⁶⁸ Башкатова А. Продовольственная безопасность по Дворковичу // Независимая газета. 30.04.2015. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-04-30/1_dvorkovich.html (дата обращения: 30.04.2015).

лом. По мнению Людмилы Кравченко («Независимая газета»), «необходимость осуществления реальной и комплексной программы развития российской экономики очевидна. Не очевидно, есть ли у правительства РФ представление о необходимых объемах финансовых ресурсов и сроках импортозамещения». Приблизительные расчеты автора подсказывают, что для реализации импортозамещения необходимы огромные финансовые ресурсы, в то время как российская политика направлена на сокращение государственных расходов. При этом отрасли импортозамещения не попали в список неприкосновенных расходов, поэтому в целом их объем может быть сокращен на 10%. К примеру, в сельском хозяйстве, которое считается одним из приоритетов в импортозамещении, финансирование ежегодно только урезается. Принятая в 2012 г. программа на 2013–2020 гг. уже пересматривалась несколько раз, объем ее финансирования каждый раз снижался. В постоянных ценах сокращение расходов на сельское хозяйство оценивается в 14,7%¹⁶⁹.

Реализация программ импортозамещения в настоящее время сильно осложняется тем, что они уже не могут эффективно опираться на сокращение импорта при слабом рубле и на повышение загрузки отечественной промышленности. Например, экономист Deutsche Bank в России Я. Лисоволик выделил в России за последние 15 лет три основных периода импортозамещения: нынешний и еще два, которые следовали за кризисами 1998 г. и 2008 г. В этих случаях важным стимулом было ослабление рубля. Теперь оно, вроде бы, еще усиливается импортными ограничениями на продовольствие. Но, по его мнению, реакция на сокращение импорта и протекционизм постепенно ослабевает. Если в 1998 г. экономика реагировала быстро и масштабно, в 2008–2009 гг. этот эффект был гораздо слабее, а в 2014 г. сдерживающим фактором оказался нараставший дефицит инвестиций. В итоге ресурсы для ускоренного роста производства стали более ограниченными: не хватает людей, мощностей и оборудования. Поэтому, заключает автор: «Что точно Рос-

¹⁶⁹ Кравченко Л. Импортозамещение: цена и сроки // Независимая газета. 20.03.2015. <http://www.finmarket.ru/main/article/3772896> http://www.ng.ru/ideas/2015-03-20/5_import.html (дата обращения: 20.03.2015).

сии не нужно, так это опора на политику слабого рубля как средство стимулирования роста экономики и бюджетных доходов. Такого рода политика чревата подрывом доверия к национальной валюте, ростом инфляции и двойной зависимостью бюджета и экономики – не только от высоких цен на нефть, но и от все более слабого рубля»¹⁷⁰.

Помимо сельского хозяйства потенциалом экономического роста с импортозамещением, в принципе, располагают малый и средний бизнес благодаря своей гибкости и способности мобилизовывать местные хозяйственные ресурсы. Но его самые слабые места - давление чиновников и криминала, а также зависимость от источников кредитных ресурсов. Исследование, проведенное Объединением предпринимательских организаций России («Опора России»), показало, что малый бизнес часто прибегает к неформальным способам решения проблем. В личном участии в коррупции в течение последнего года признались две трети (67%) предпринимателей. Каждый второй (49%) из них придерживается мнения, что это выгодно и чиновникам, и бизнесу. Но чиновники инициируют ситуации, когда предприниматели вынуждены давать взятки, чаще, чем сами предприниматели: «довольно часто» (35%) и «регулярно» (21%) ответили 56% респондентов. Предприниматели инициируют коррупционные ситуации несколько реже: «довольно часто 27% респондентов, «регулярно» — 13%. Основные причины, по которым малый бизнес коррумпирует власть, связаны с намерением получить преимущества по доступу к дефицитным ресурсам и госзаказу. Кроме того, бизнесмены стремятся избегать наказания за правонарушения: 60% респондентов уверены, что соблюдать требования законов в полном объеме невозможно. Сами законы далеки от совершенства и к тому же изменяются очень часто и непредсказуемо. С приближением экономического спада, а затем с наступлением кризиса и введением экономических санкций ухудшилось положение с кредитованием МСБ. Это было вызвано, во-первых, ухудшением финансово-

¹⁷⁰ Лисоволик Я. Почему слабый рубль в этот раз не поможет российским производителям //РБК daily. 23.10.2014. URL: [http://daily.rbc.ru/opinions/economics/23/10/2014/5447d063cbb20f9cd71325c7#xtor=AL-\[internal_traffic\]--\[top.rbc.ru\]-\[546dfd6bcbb20f1076cf6b2c\]-\[related](http://daily.rbc.ru/opinions/economics/23/10/2014/5447d063cbb20f9cd71325c7#xtor=AL-[internal_traffic]--[top.rbc.ru]-[546dfd6bcbb20f1076cf6b2c]-[related) (дата обращения: 17.01.2015).

го состояния и платежной дисциплины самих предпринимателей. Во-вторых, переориентацией ведущих кредитного рынка на финансирование крупных компаний, которым санкции ограничили доступ к западным рынкам капитала. По мнению предпринимателей, приемлемая ставка для развития малого бизнеса в производственном и строительном сегментах — 7–10% годовых. Большинство компаний и проектов в России работают с доходностью на вложенные средства в 10–15%. В то же время кредиты, даже долгосрочные, меньше чем под 20–22% не найти¹⁷¹.

Подводя предварительные итоги теме импортозамещения, можно констатировать, что в центр практических планов импортозамещения была сразу поставлена оборонно-промышленная деятельность. Это не удивительно. Самым сильным побудительным мотивом в данном случае стало взаимное с Украиной движение к разрыву кооперации в производстве вооружений. Но в то же время это оказалось логическим продолжением курса на модернизацию ОПК под флагом укрепления национальной безопасности и противодействия «однополярному миру». В конечном счете, конкретные черты импортозамещения во многом упираются в перспективы стратегии государственного руководства. В какой мере она будет ориентироваться на военно-политические задачи, а в какой на сотрудничество и активную интеграцию в мировое экономическое сообщество¹⁷².

И, наконец, еще одно. Патриоты тотального импортозамещения под флагом создания «современного технологического уклада» явно готовы (в который уже раз!) повторить идейный просчет своих советских предшест-

¹⁷¹ До кризиса 2008–2009 гг. портфель кредитов МСБ в банковской системе рос быстрыми темпами. По данным «Эксперт РА», в 2005 г. его прирост составил около 45%, в 2006-й - 90%, в 2007 г. - 83%. При этом сегмент МСБ значительно опережал в своем развитии кредитование крупного корпоративного сектора и розницы. Но в 2008 г. в связи с кризисом темпы снизились: 46% в 2008 г. и всего 4% в 2009 г.. После кризиса рынок кредитования МСБ снова стал расти, но далеко не так, как раньше. За 2010 г. он увеличился на 22%, за 2013 г. на 15%. (Полякова Ю., Краузова Е. Банки не дают, предприниматели не берут.//РБКdaily. 18.03.2015. <http://rbcdaily.ru/finance/562949994399107> -дата обращения 18.03.2015).

¹⁷² Ремчуков К.: «Сегодня 60% мировой торговли товарами и услугами (12 трлн. долл.) приходится на глобальные цепочки производства стоимости (ГЦПС). 80% этих цепочек контролируется ТНК (транснациональными корпорациями). Это дает основание считать, что более половины готовой продукции в структуре мировой торговли можно пометить ярлыком Made in the world. В этих условиях переход России к стратегии импортозамещения и изоляционизма можно считать исторической ошибкой». (Независимая газета НГ 24.06.2014)

венников. А именно, нежелание признать, что опора в модернизации экономики на мегапроекты, пусть даже самые масштабные, может иметь результатом только временный, разовый эффект. Такая стратегия превращает хозяйство страны в совокупность крупных анклавов, связанных между собой технологическим разделением труда и производственной кооперацией, но не в живой экономический организм. А потому не создает внутренние импульсы и механизмы для самоподдерживающегося роста и технологического прогресса. Динамика такой системы (и это показал опыт бесчисленных мобилизационных попыток советской власти¹⁷³) состоит из повторяющихся рывков и торможений. Из очередного застоя она может быть выведена только специальными волевыми усилиями. Поэтому в свое время я сравнил советскую плановую экономику с ленивой лошастью, которую все время приходится подгонять кнутом в виде концентрированного вливания в нее новых ресурсов как бы извне¹⁷⁴. Но такая история заканчивается с исчерпанием хозяйственных ресурсов, поддающихся принудительной мобилизации. Это и произошло с «советским народным хозяйством». Сейчас, как мы видели, такое предлагается некоторыми экономистами и пропагандистами опять – только уже под патриотическими лозунгами.

Экономическая интеграция

В поиске стратегических решений для переходных экономик видное место отводится международной интеграции. В этом процессе государства делают неодинаковый упор на ее разные виды. Китай все сильнее ориентируется на широкие международные соглашения. Россия и, в меньшей степени, Казахстан - на региональную интеграцию в СНГ.

Китай в XXI в. активизировал деятельность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в Юго-Восточной Азии. Официальные отношения между КНР и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) были уста-

¹⁷³ Начиная от «военного коммунизма», затем сталинской индустриализации с коллективизацией, до горбачевского «ускорения».

¹⁷⁴ Александров Ю. Г. Переходная экономика. Российская версия. М. ИВ РАН, 1999. С.373.

новлены в 1991 г. В 1994 г. он принял участие в региональном форуме АСЕАН (АРФ) на котором получил статус «консультативного партнера», а в 1996 г. стал полноправным «партнером по диалогу». Направлениями сотрудничества со странами АСЕАН стали торговля, финансы, бизнес, инвестиционное взаимодействие, развитие экономической и социальной инфраструктуры, охрана окружающей среды, трудовые ресурсы, туризм и экономическая взаимопомощь. В 2002 г. между КНР и АСЕАН был заключен комплекс международных договоров, регулирующих разные сферы отношений: «Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море», «Совместная декларация о сотрудничестве в сфере безопасности», «Совместная декларация о сотрудничестве»; «Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве»; «Меморандум о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства».

Современное китайское руководство настроено на развитие долгосрочных отношений со странами АСЕАН. К 2020 г. предполагается довести объем двусторонней торговли между КНР с членами АСЕАН до 1 трлн. долл. Особое внимание китайские политики уделяют транспортно-коммуникационным возможностям государств АСЕАН и развивающихся стран региона. Важнейшим событием, которое ускорило интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии, стало создание в 2010 г. зоны свободной торговли. В рамках многостороннего сотрудничества со странами АСЕАН Китай также активизирует двусторонние контакты¹⁷⁵.

На постсоветском пространстве базовая стратегия - создание региональной, в пределах СНГ, экономической организации, выступающей как единое целое по отношению к окружающему миру. К настоящему времени усилия в этом направлении привели к образованию 10 октября 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В него вошли Россия, Белоруссия и

¹⁷⁵ Петрунина Ж.В. Экономическое взаимодействие Китая и стран АСЕАН в XXI в. // Теория и практика общественного развития. Изд. Дом «ХОПС». 2014, № 2. 4 с. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/2/istoriya/petrunina.pdf (дата обращения: 06.06.2015).

Казахстан, сразу вслед за ними Армения, а в мае 2015 г. Киргизия. Тем самым были увенчаны 10-летние усилия, которым в сентябре 1993 г. положил начало Договор об экономическом союзе стран СНГ. Он предусматривал их поэтапное движение по пути: зона свободной торговли – таможенный союз – общий рынок – валютный союз. В 1995 году руководители Казахстана, России, Белоруссии, а позже Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, подписали первый договор о Таможенном союзе, который впоследствии трансформировался в Евразийский экономический союз (ЕвразЭС). Но в дальнейшем заключаемые соглашения либо не выполнялись, либо реализовывались на ограниченной базе. Поэтому постепенно выработалась практика «многоуровневой и разнотемпной» интеграции на основе более узких, чем СНГ, объединений. В итоге образовалось ядро – передовой отряд интеграционного процесса: Россия, Белоруссия и Казахстан. В результате последующих шагов в 2011 г. начал действовать таможенный союз в составе тех же государств. В октябре того же года к нему присоединилась Киргизия.

Учреждение в 2014 г. ЕАЭС как международной организации регионального уровня было призвано углубить интеграцию экономик его членов. В нем должно быть обеспечено свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы; проводиться скоординированная, согласованная или единая политика в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза. Тем самым дело ведется к единому экономическому пространству. В нем должны функционировать сходные или однотипные механизмы регулирования экономики; общий (единый) рынок; единая таможенная территория, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины, меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры. Но действуют Единый таможенный тариф ЕАЭС и единые меры регулирования внешней торговли с третьей стороной.

Население стран-членов ЕАЭС составляло на начало 2014 г. 173,3 млн. чел. (143,7 млн. в России, 17,1 млн. в Казахстане и 9,5 млн. в Белоруссии, 3,0

млн. в Армении), или 61,3% численности населения (282,5 млн. чел.) СНГ. Население Киргизии - 5,7 млн. чел. Три первых члена ЕАЭС произвели вместе 87,2% ВВП всего СНГ: 2 095,8 млрд. долл. Россия, 147 млрд. долл. Казахстан и 71,0 млрд. долл. Белоруссия. Важной чертой нового Союза, которая придает специфику его отношениям с окружающим миром, стало присутствие в его составе двух крупнейших экспортеров углеводородного сырья – России и Казахстана. Доля стран Таможенного союза (ТС) как базы ЕАЭС во внешней торговле СНГ: экспорт - 80%; импорт – 70%. В то же время внешне-торговая деятельности ЕАЭС занимает весьма скромное место в сопоставлении с другими международными объединениями и организациями (ЕАЭС без Армении =1,0). Экспорт: ЕС – 12,7; ОЭСР – 22,5; АСЕАН – 2,6. Импорт (ЕАЭС=1): ЕС – 22,5; ОЭСР – 41,8; АСЕАН – 4,2. В общем объеме внешне-торговых операций стран-членов ЕАЭС основная часть приходится на государства за пределами СНГ (экспорт - импорт, 2013 г., %): Россия: 86,0 – 87,0; Армения: 72,9 – 69,0; Беларусь: 38,2 – 41,4; Казахстан – 86,9 – 54,3¹⁷⁶.

Но еще до официального начала функционирования (1 января 2015 г.) новый экономический союз столкнулся с целым рядом недоделанных дел и недоуясненных отношений. И все эти проблемы приобрели особую остроту в обстановке политической напряженности и взаимных санкций между его фактическим лидером – Россией и широким фронтом экономически высокоразвитых государств: ЕС, США, Канады, Австралии, Японии. Это накладывает отпечаток на попытки прогнозировать его будущие достижения и перспективы расширения за счет других государств СНГ. Но в любом случае – с санкциями или без них - приходится учитывать влияние на ход событий самых разных факторов. Среди них состояние экономики членов союза; их готовность координировать свою внешнеторговую политику; возможности общего маневра ресурсами для преодоления кризисных явлений в национальных экономиках. Это также возможные изменения во внешнеполитических

¹⁷⁶ Казахстан и страны СНГ, 2014, № 1. С. 28. URL:

http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsJournals?_afzLoop=5469435811151595#%40%3F_afzLoop%3D5469435811151595%26_adf.ctrl-state%3Dxve4bjgl4_93 (дата обращения: 12. 09.2014).

стратегиях; экономическая и политическая ситуация в государствах СНГ – потенциальных членах организации. Наконец, особое значение имеют политические устремления и стратегии государственного руководства стран-членов Союза. В первую очередь, конечно, России. Ведь, как показала более чем 20-летняя история постсоветских государств, соображения экономической рациональности – лишь одна из составляющих новой системы отношений между ними.

Что касается экономики как таковой, важный вопрос: в какой мере новым экономическим реалиям отвечают прежние критерии эффективности советской административно-распределительной системы? Ведь распад советского хозяйственного комплекса не был простым механическим разрывом межреспубликанских хозяйственных связей и падения производства. Начавшие формироваться и охватывать экономическое пространство рыночные отношения сразу же низко оценили и выборочно стали выбраковывать различные виды продукции, целые предприятия и даже отрасли, хозяйственные связи. Одновременно на смену межреспубликанскому перераспределению хозяйственных ресурсов, опосредованному союзным центром, пришла внешняя торговля. При этом импорт товаров из-за пределов бывшего Союза («дальнего зарубежья») начал не только восполнять советские «дефициты», но и вытеснять с рынков отечественную продукцию по критериям «количество – цена – качество». Поэтому в основы договора о ЕАЭС заложены, естественно, рыночные принципы отношений между государствами-участниками. Но вместе с тем в нем подчеркивается необходимость создания условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. Ради этого в ходе формирования рыночной экономики, как правило, сохраняются элементы государственной собственности и секторы хозяйства, в которых практикуется административное ценовое регулирование. Общая задача при этом – обеспечение плавного перехода к рыночному ценообразованию в сферах хозяйства,

имеющих особое значение для поддержания экономической и социальной стабильности.

Но при всем этом на ход и перспективы экономической интеграции СНГ особое влияние оказывают идеологические и политические представления государственного руководства России – крупнейшего и самого сильного во всех отношениях государства СНГ. В том числе – о модели будущего этого образования и о способах ее выстраивания. Уже в начале 2000-х годов в России началось активное восстановление политической вертикали и укрепление государственного сектора в экономике. На такой базе начался разворот внешнеполитической стратегии государства в сторону противодействия той линии международной политики, которая оценивается руководством страны как стремление США к доминированию в «однополярном» мире. Это стало оказывать все большее влияние и на российскую стратегию интеграции СНГ. Ее принципы сформулировал В. Путин в статье «Новый интеграционный проект для Евразии», г. «Известия» 4 10. 2011 г.¹⁷⁷

В. Путин очертил «амбициозную» (по его собственному определению) задачу: выйти на более высокий уровень интеграции – к Евразийскому союзу. «Мы предлагаем, пояснил он, - модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом». По его убеждению, именно сложение ресурсов позволит Евразийскому союзу «наряду с другими игроками и региональными структурами – такими как ЕС, США, Китай, АТЭС – обеспечивать устойчивость глобального развития». Следовательно, в таких отношениях члены нового объединения должны выступать как единая, монолитная организация. Например: «Мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества от Лиссабона до Владивостока» Но теперь «участником диалога с ЕС станет Таможенный, а в дальнейшем Евразийский союз» (там

¹⁷⁷ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня//Известия, 04.10.2011. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 06.06.2015).

же). В последующем В. Путин сосредоточил внимание и на цивилизационном аспекте объединительного процесса в СНГ как на проекте «сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире». «Евразийская интеграция – подчеркнул он, - это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии»¹⁷⁸.

При обсуждении новой интеграционной модели, помимо основополагающих идей наднационального объединения, привлек особое внимание вопрос об ориентации нового союза во внешнем географическом и экономическом пространстве. Особенно, что касается огромной России. В частности, была некоторыми аналитиками подвергнута сомнению бесспорность идеи о роли России вместе с другими членами будущего Евразийского союза как эффективной «связки» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. вовсе не выглядит бесспорной. Сильное сомнение на этот счет высказал, например, экономист и политолог Владислав Иноземцев. «Россия, безусловно, должна быть и атлантической, и тихоокеанской державой, - полагает он.- «Но совершенно не очевидно, что ей следует становиться центральноазиатской. “Поворот на Восток” не угрожает европейской исторической идентичности России: четко понимаемый Восток открывает нам выход на просторы океана, на другом берегу которого США, Канада и Мексика, а непосредственным соседом оказывается не Китай, а Япония. Подлинным Востоком России является.<...> Запад, и на самом деле никакой “альтернативы” между первым и вторым, по-моему, попросту нет. “Евразийская” идея порочна, прежде всего, потому, что создаёт иллюзию полезности “контроля” над большими сухопутными территориями»¹⁷⁹. Как видим, в данном случае интеграция России в окружающий мир рисуется более многопланово, чем только как процесс кон-

¹⁷⁸ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 06.06.2015)

¹⁷⁹ Иноземцев В. Не потеряться во времени // Литературная газета. 30.09.2014. URL: <http://lgz.ru/article/-36-6478-17-09-2014/ne-poteryatsya-vo-vremeni> (дата обращения: 25.10.2014).

солидации постсоветского экономического пространства вокруг России при контактах с окружающим миром только в дальнейшем.

Однако на всю дискуссию наложили драматический отпечаток события на Украине и вокруг нее, включая обмен санкциями между Россией и Западом, а затем реакцию на эти действия со стороны окружающего мира. При уже действующем Таможенном союзе, а тем более, с образованием ЕАЭС, вопрос о «восточном партнерстве» Украины, ее ассоциации с ЕС и об отношении к этому России вышел за рамки российской политики. С новыми вызовами столкнулись и другие участники интеграционного процесса. Так, В. Путин 6 августа 2014 г. подписал указ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». Документ («антисанкции») наложил ограничения или запреты на ввоз в Россию отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» из стран, которые ввели санкции против РФ. Но в тексте коллективного договора ЕАЭС еще не разработано положение о проведении общей внешнеторговой политики в отношении «третьей стороны» - тех государств, которые не входят в союз. А значит, договор не обязывает Белоруссию и Казахстан присоединяться к санкциям России против товаров третьих стран. В то же время Украина остается членом зоны свободной торговли СНГ с обнулением пошлин на внутренних границах содружества. Из-за этого у российского руководства возникли опасения, что с ликвидацией таможенного барьера между Украиной и ЕС на территорию РФ хлынет поток дешевых товаров из Европы. И потому оно попыталось заручиться согласием Белоруссии и Казахстана о контроле над импортом товаров с территории Украины. Однако предложение не было поддержано ими в Евразийской экономической комиссии. Более того, партнеры стали пытаться, по возможности, извлекать из этого пользу. Или, хотя бы, пусть частично, компенсировать упущенную выгоду от заключенных ранее соглашений с государствами – объектами рос-

сийских санкций¹⁸⁰. Таким образом, контрсанкции создали России дополнительные проблемы в отношениях с партнерами. Поэтому вопрос о перспективах, масштабах и скорости интеграции стран-членов СНГ оказался в довольно неопределенном состоянии. Прежде всего – в сильной зависимости от развития политического процесса в отношениях России с Украиной и Западным сообществом.

¹⁸⁰ Лютов М., Товкайло М. Партнеры России по Таможенному союзу отказались поддержать ухудшение отношений с Украиной. //Ведомости ru. 30.06.2014. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/28324261/ukraina-razdelila-tamozhennyj-soyuz?full#cut> (дата обращения: 30.06.2014).

Заключение

Россия, Казахстан и Китай (первые два в составе СССР, третий самостоятельно) за несколько десятилетий XX века дальше других стран социалистического выбора зашли по этому пути. Но затем они (Китай с конца 1970-х годов, Россия и Казахстан с начала 1990-х) начали движение от социализма советского и китайского образца с объявленной коммунистической перспективой к капитализму – каждая страна со своей спецификой. В таком переходном состоянии они сталкиваются не только с конкретными трудностями, но и с фундаментальными проблемами. Способы их решения далеко не очевидны. Во всяком случае, для обозримой перспективы. Более того, не всегда понятно, насколько то или иное общество готово к неконфликтному положительному разрешению противоречий переходного периода. Пройдены ли те рубежи, после которых идеи попятного движения к централизованным мобилизационным моделям экономики становятся маргинальными и практически неосуществимы?

На начальных стадиях перехода главным противоречием в постсоциалистических странах оказалось то, что перед этим было предпосылкой деградации их экономик. А именно, исчерпание экономических ресурсов, которыми при медленном технологическом прогрессе поддерживался экономический рост. В России и Казахстане как союзных республиках СССР таким двигателем было вовлечение в общественное производство материальных ресурсов и рабочей силы с низкой производительностью труда. И даже тогда, когда трудовые резервы стали иссякать, сохранялся упор на их концентрацию в стратегических мегапроектах, подчиненных, в конечном счете, гонке вооружений. В Китае времен председателя Мао стратегия индустриализации сводилась к силовому перераспределению общественного продукта в фонд

индустриального накопления путем сжимания до минимума фонда уравнительного потребления населения при массовой мобилизации избыточного ручного труда. То есть во многом аналогично советской форсированной индустриализации 30-х годов, но при значительно меньших размерах общественного продукта на душу населения.

Близость к исчерпанию ресурсов экстенсивного индустриального роста на фоне технологической отсталости толкала социалистические страны к поиску новых источников развития, но теперь уже при углублении хозяйственных диспропорций, разбалансированной денежно-финансовой системе и признаках общей деградации экономического организма. Это предопределило неудачу попыток вновь придать экономике динамизм за счет принудительной мобилизации ограниченных ресурсов в сферу технологического рывка. В СССР стратегии «ускорения» как предшественницы «перестройки» М. Горбачева, а в Китае «большого скачка». Но жизнь быстро доказала: требуются новые резервы роста. Однако из таковых имелось в потенциале лишь те, что отвергались прежде: экономическая инициатива населения, настоящие деньги (в отличие от социалистических «дензнаков одноразового использования») и, наконец, интеграция в мировое хозяйство. Это предполагало движение от централизованных хозяйственных систем к рыночным.

При этом среди всех переходных обществ особо благоприятные предпосылки успеха обнаружились в странах с неизрасходованным потенциалом крупных хозяйственных ресурсов, которые можно было бы активизировать в интересах стабилизации и модернизации экономики через рыночные механизмы. Таковыми оказались именно государства – объекты настоящего исследования. В России и Казахстане это нефтегазовая отрасль на базе огромных запасов углеводородного сырья. В бедном природными ресурсами Китае – долгое время скрытый, но не растраченный экономический и социальный потенциал огромного сельского населения. Мобилизация этих резервов открывала возможности быстро создать новые локомотивы экономического роста и модернизации. Россия, Казахстан и Китай избрали разные стратегии

использования своих преимуществ, исходя из специфики их самих, прочих экономических условий, отношения к импортозамещению и включению в мировую экономику, а также внешнеполитических взглядов государственного руководства.

Первые два государства, Россия и Казахстан, вполне понятно, с самого начала сделали упор на экспортный сектор нефтегазодобывающей промышленности. Но при этом выявились существенные различия в способах его развития и целях использования.

Казахстан, имевший к тому времени лишь анклав нефтедобывающей промышленности Мангышлака, сконцентрировал усилия на доразведке и освоении своих нефтяных и газовых запасов с целью создания мощного экспортного сектора - экономической основы государственного суверенитета и строительства многоотраслевого национального хозяйства. При отсутствии собственной базы инвестиций к решению данной задачи были привлечены консорциумы крупнейших мировых нефтяных компаний. Это решало сразу две задачи: быстрое освоение ресурсов и практическую защиту от возможных агрессивных посягательств с чьей-либо стороны.

Российское государственное руководство, унаследовав от СССР мощный производственный нефтегазовый комплекс и систему экспортной транспортировки его продукции, почти отказалось от привлечения в него зарубежных прямых инвестиций. Вместо этого в начале 1990-х годов была открыта дорога национальной приватизации предприятий отрасли. Только в газовой промышленности была сохранена доминирующая роль концерна «Газпром» как одного из стовых хребтов национальной экономики и государственного «кошелька». В государственной собственности осталась также система экспортных и внутренних магистральных нефте- и газопроводов. Но уже в начале 2000-х годов началось масштабное восстановление позиций и контроля государства в нефтяной отрасли в рамках новой стратегии развития. В ее основы было положено наращивание добывающего и экспортного потенциа-

ла нефтегазового комплекса и его экспансия во всех возможным направлениях зарубежного экономического пространства.

Реализация Китаем его ресурса – потенциала запертых в деревне трудовых резервов потребовала решения ключевой проблемы: как придать им необходимый динамизм. Оно было найдено через земельную реформу, вернувшую крестьянству право пользования землей, и через привлечение иностранных инвестиций для формирования трудоинтенсивных экспортных отраслей обрабатывающей промышленности. Эти «локомотивы» потянули за собой масштабное развитие рыночной экономики частного сектора и дали правительству время для подготовки технологической модернизации и приватизации государственной тяжелой промышленности.

В последние годы, однако, во всех трех странах принятая стратегия начала демонстрировать признаки утраты динамизма. В России и Казахстане по мере переориентации экономической стратегии на «мегапроекты» национального и международного уровня усилилась общая зависимость от «нефтяной иглы» - резких колебаний мировых цен на нефть, газ и другие сырьевые товары. Китай, успешно начавший переход от ориентации на экспортный сектор к модернизации национальной промышленности и экономическому развитию регионов, столкнулся с трудностями иного рода. Прежде всего, с ухудшением конкурентоспособности экспортного сектора из-за удорожания рабочей силы по мере повышения производительности труда. Затем, с нарастанием хозяйственных диспропорций форсированного экономического роста, образованием финансовых «пузырей» и снижением темпов развития экономики.

Одновременно с этим фундаментальной трудностью постсоциалистических государств оказалось противоречие между утверждающейся рациональностью рыночной экономики и коммунистическим наследием социальной политики прошлого. При «реальном социализме» текущее материальное вознаграждение труда осуществлялось по «остаточному» принципу на уровне текущего потребления, в то время как все большая часть индивидуальных

благ, а также коллективные блага должны были предоставляться населению за счет общественных фондов бесплатно либо за символическую плату. При этом предполагалось неуклонное расширение сферы и увеличение объема коммунистических благ при крайне ограниченном использовании материальных стимулов труда. Поэтому социальным итогом нараставшей экономической несостоятельности и последующего крушения данной системы в России и Казахстане оказалось общество малоимущих пролетариев и маргиналов, зависимых от государства. В Китае, где огромная масса сельского населения была почти исключена из системы государственного социального обеспечения, центр противоречия сместился в сторону неравноправности положения сельского и городского населения, а также сельско-городских мигрантов в процессе быстрой урбанизации. Таким образом, одной из центральных задач переходного периода оказался поиск оптимального соотношения темпов экономического роста и распределения общественного продукта между фондами накопления и потребления, коммерческими и административными механизмами предоставления социальных услуг. Особое место в этом ряду заняло пенсионное обеспечение населения с учетом ухудшения во всех трех странах соотношения между его трудоспособными и пенсионными группами.

Поиск новых импульсов и ресурсов стабильного экономического роста требует активизации инвестиционного процесса через отечественные и зарубежные капиталовложения в сферы импортозамещения, а также и включение отечественных производителей в международное разделение труда. Это, в свою очередь, требует постановки в центр государственной политики формирование благоприятной институциональной среды, совершенствования правовых основ и механизмов рыночной экономики и ее государственного регулирования. Следовательно, вся совокупность противоречий, с которыми сталкиваются переходные общества, предполагает активную роль государства в решении его экономических и социальных проблем, включая институциональное строительство и совершенствование систем управления и регу-

лирования общественных процессов. Это усиливает зависимость характера экономических изменений в каждый данный момент от политической и идеологической ориентации государственного руководства.

Такая зависимость стала в очередной раз явной в середине второго десятилетия, когда Россия и Казахстан начали испытать на себе глубокое падение мировых цен на нефть. Китай, в свою очередь, столкнулся с трудностями перехода от экспортоориентированной модели роста к диверсифицированной модели путем развития собственных регионов. Кризис приступил к проверке на прочность и на перспективу действующие стратегии их экономического развития. С этого момента обнаружилась разница между Китаем и Казахстаном, с одной стороны, и Россией, с другой. Первые два столкнулись с необходимостью тем или иным способом корректировать экономическую политику в рамках ранее принятого стратегического курса. Россия оказалась на распутье, к которому ее привело исчерпание потенциала модели, основанной на высоких мировых ценах на нефть и на росте внутреннего потребления за счет природной ренты и импорта. Как прокомментировал такой факт президент Путин, «резервы и ресурсы, которые в начале двухтысячных двигали нашу экономику вперед, не работают так, как прежде. <...> Если мы не найдём новых источников роста, то динамика ВВП будет находиться где-то около нулевой отметки. Тогда наши возможности в социальной сфере, в области национальной обороны и безопасности, в решении других задач будут существенно ниже того, что нам с вами нужно для полноценного развития страны, для движения вперед»¹⁸¹.

Однако к этому моменту у государственного руководства не оказалось готового единого плана динамичного выхода из кризиса и дальнейшего движения вперед. Поэтому на заседание президиума Экономического совета при президенте 25 мая 2016 г. были представлены для обсуждения три разные точки зрения: от правительства РФ и две от представителей общественности.

¹⁸¹ Заседание президиума Экономического совета 25 мая 2016 года, Москва, Кремль. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/51996/> (обращение 26.05.2016).

От правительства участвовал министр экономического развития А. Улюкаев. Одну из оппонирующих позиций изложил глава Комитета гражданских инициатив, (к тому моменту уже заместитель руководителя Совета) А. Кудрин. Другой позицией стал доклад «Среднесрочная программа развития экономики России» Столыпинского клуба организации «Деловая Россия», представленный советником президента РФ С. Глазьевым и уполномоченным при президенте РФ по правам предпринимателей Б. Титовым¹⁸².

С подробностями дискуссии можно ознакомиться по материалам заседания и по многочисленным комментариям его участников и общественности. Но, по сути, на заседании столкнулись две принципиально разные позиции в отношении стратегии. Первая (вариант Столыпинского клуба): заложить в ее основу стимулирование экономики бюджетными и монетарными мерами. Вторая (вариант правительства, поддержанный в этой части А. Кудриным): неуклонно сохранять макроэкономическую стабильность как условие перехода к развитию¹⁸³. При этом позиции правительства (А. Улюкаев), А. Кудрина и Б. Титова более или менее схожи (хотя и не без нюансов) в отношении структурных преобразований и либерализации экономической жизни. Но на их общем фоне сильно выделяется известная концепция члена Столыпинского и одновременно Изборского (см. выше) клубов С. Глазьева, которая подробно рассматривалась в этой работе (см. «Экономисты - “академики” в 2010-е годы»).

Его явно не заинтересовала позиция партнера по Столыпинскому клубу Б. Титова о возможностях малого и среднего российского бизнеса. Если свести предложения С. Глазьева (а с ним и академиков, его соавторов по докла-

¹⁸² URL:<http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2016/05/Kontsepsiya-srednesrochnogo-razvitiya-strany-Ekonomika-Rosta.pdf> (обращение 26.05.2016).

¹⁸³ См., например, Буклемишев О. Выбор без выбора: почему экономический совет поддержит «план Кудрина // РБК.ru. URL: rbc.ru/opinions/economics/23/05/2016/ (обращение 26.05.2016);

Милукова Я., Алешкина Т. Путину на экономическом совете предложили запустить «печатный станок» // РБК.ru. 25.05.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/25/05/2016/5745d9ee9a794722d751e2c8>;

Экономсовет при президенте: Путин послушал Титова и Кудрина и поступил по-своему // БФМ. Ru. URL: 25.05.2016 - <http://www.bfm.ru/news/323875>;

Титов Б. Эмиссия эмиссии рознь. Почему неправы критики Столыпинского клуба /// РБК. ru. 26.05.2016. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/25/05/2016/574482cf9a79471e8507e653> (обращение 26.05.2016).

ду «О стратегии развития экономики России») к основной сути, то фактическим результатом их возможной реализации стало бы утверждение в России *дуалистической* структуры экономики. Такой, в принципе, как в странах Азии и Латинской Америки на стадии их машинной индустриализации до начала научно-технологической революции и глобализации¹⁸⁴. То есть, в российском случае, с динамичным анклавом «нового технологического уклада», созданным за счет опережающего развития ключевых производств и факторов, обновления основного капитала на принципиально новой технологической основе.

На решения этой задачи имеется в виду бросить все лучшие ресурсы, отрезав от них остальную экономику¹⁸⁵, включая и доступ к твердым валютам. То есть (опять же, как в Китае на первом этапе модернизации¹⁸⁶) сегрегировав российскую национальную валюту и превратив ее тем самым в некое подобие китайских «женьминьби» и советского «деревянного» рубля. Поставив таким способом в центр механизма своей стратегии некий аналог «особых экономических зон», с которых китайцы уже довольно давно *начинали* движение к модернизации экономики. Только заменив ключевой тогда в Китае (и очень важный все это время в Казахстане) фактор быстрого перехода к экономическому росту – прямые иностранные инвестиции политикой «опоры на собственные силы». Между тем, именно создание условий для прямых иностранных инвестиций позволило бы «поставить на место» спекулятивный капитал», легко притекающий в страну через биржевые сделки и портфельные инвестиции и так же легко покидающий ее при любом ухудшении конъюнктуры. Но сторонники «академического» и «изборского» вариантов стратегии видят решение проблемы произвольного оттока капиталов в изоляции

¹⁸⁴ Феномен «дуальной» экономики, бывший объектом особенно острых дискуссий среди специалистов по развивающимся странам на рубеже 1970-х – 1980-х годов, рассматривался и автором данной работы. См.: Александров Ю. Г. В погоне за ускоряющимся временем. // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., ИВ РАН, 2011, с. 349-369.

¹⁸⁵ Подобно прошлому делению советской экономики на союзную, республиканскую и местную.

¹⁸⁶ См. выше: «Деньги: Казахстан и Китай». Позже, как известно, в Китае жесткое государственное валютное регулирование стало все очевиднее замедлять движение капиталов.

от глобальной финансовой системы и в мобилизации внутренних ресурсов¹⁸⁷. Так что предлагается нечто вроде «министалинской» индустриализации.

А если, не впадая в такие крайности, выделять деньги только под специальные проекты? Один из соавторов «столыпинского» проекта Б. Титов, отвергая упреки оппонентов в нежелании считаться с опасностью разгона инфляции через «печатный станок», спрашивает (см. здесь. сн. № 183): «Если можно печатать деньги, чтобы прикрыть провалы в регулировании банковской системы, то почему нельзя пустить сопоставимую сумму в виде связанных кредитов на развитие промышленности?» Тем более, добавим, что частный капитал в переходных экономиках далеко не всегда готов отвечать на запросы государства. Например, в Казахстане авторы первого модернизационного плана (см. в тексте) учли, что кредиты частных банков направлялись, главным образом, в торговлю и строительство, а почти все ПИИ – в сырьевые отрасли. Поэтому на ведущие позиции в новой стратегии были выведено целевое вертикальное распределение ресурсов через государственные банки. Однако и на это можно возразить, указав, что ограничение инвестиций целевыми направлениями чревато усилением проблематичности отдачи на вложения и ограничивает процесс самовозрастания общественного капитала.

И так происходит все время на протяжении спора: аргумент против контраргумента, и ни один из них не может быть опровергнут чисто логическим путем, указанием на скрытые в нем внутренние противоречия. Каждый тезис в дискуссии не поддается однозначному доказательству и может быть поставлен под сомнение. Целевые инвестиции будут разгонять экономический рост или инфляцию? Успеют ли они дать кумулятивный эффект так, чтобы не разбалансировать макроэкономику и не подорвать государственный бюджет? Потянут ли они за «новым технологическим укладом», остальную экономику, или она будет, как во многих развивающихся странах, обречена на прозябание вместе с занятым в ней населением? Такие вопросы однознач-

¹⁸⁷ . Это (как было процитировано в разделе «Мобилизационная экономика»), по их мнению, «позволяет перекрыть каналы “отравления” собственной финансовой системы спекулятивными “токсичными” инструментами, переориентировав ее на внутренние источники кредита» (с.34).

но выводят проблему на иной уровень, чем столкновение логически обоснованных сужений, уровень – *антиномии*. В данном случае - на уровень более высокий, чем только логика экономической рациональности. А именно, - уровень государственных политических решений. Это, в свою очередь, проливает яркий свет на уже упомянутую выше проблему отношений в переходных обществах *между экономикой и политикой*.

Особенность именно таких обществ – ключевая роль государственного бюджета в поддержании внутренней стабильности на выходе в рыночную экономику из системы коммунистических гарантий. В социальной сфере это всеобщее бесплатное здравоохранение и образование, низкие коммунальные тарифы и разнообразные льготы при имущественной уравниловке. В экономике – огромное количество рычагов перераспределения ресурсов и монопольных практик. Наконец, в политической сфере - сильная зависимость структуры и объема государственных расходов от внешнеполитических воззрений высшего руководства страны, порой обремененных инерционным грузом прошлого. В таких условиях выбор любого варианта стратегии без стопроцентных гарантий успеха чреват рисками троякого рода. Первый: опасность дестабилизации экономики и общества при сохранении инерционного курса экономической политики. Второй (в любом варианте): риск утратить возможность поддержки стабильности общества через бюджет при динамичных изменениях периода реформ. Третий: активизация политической борьбы в обществе при реформах, связанных с укреплением институтов правового государства.

В случае России (взятой как самый яркий пример) государственное руководство по первым итогам дискуссии вокруг экономической стратегии выбрало выжидательную тактику. Это четко прояснил президент Путин как глава Экономического совета. «Необходимо, - подчеркнул он, - одновременно обеспечить увеличение темпов роста отечественной экономики и провести структурные реформы для повышения её эффективности. Очень важно при этом сохранить макроэкономическую стабильность, не допустить раскачки

бюджетного дефицита и разгона инфляции». То есть было решено продолжить обсуждение в поисках варианта, который одновременно решал бы все перечисленные выше задачи¹⁸⁸, исключая риски. В более общем плане (имея в виду в первую очередь экономику) это указывает на сложные и подверженные неожиданным изменениям отношения между политикой и экономикой в переходных обществах на стадии еще не завершеного формирования государственных и общественных институтов, в системе которых может протекать процесс трансформации централизованных распределительных систем в рыночные.

¹⁸⁸ Новый облик социальной сферы: здравоохранения, образования, системы ЖКХ, технологическое обновление национальной экономики и улучшение делового климата, совершенствование системы государственного управления.

РЕЗЮМЕ

В монографии рассматривается возникшее в конце XX века новое явление мировой истории – переходные экономики. То есть начало возврата бывших социалистических стран от централизованного управления национальным хозяйством и самоизоляции в мировое сообщество и к рыночным принципам организации экономической жизни.

В объектах исследования автора - России, Казахстане и Китае в свое время далеко зашли усилия государственной власти по строительству индустриального социализма и погружению общества в социалистический образ жизни. Поэтому их экономики можно сейчас более определенно, чем в других государствах бывшего мира социализма, отнести именно к «переходным» (transitional), а не к «развивающимся» (emerging) и, тем более, «слаборазвитым» (underdeveloped). К тому же, они получили возможность использовать в строительстве новой экономики важные сравнительные преимущества. В России и Казахстане – огромные разведанные запасы нефти и газа, В Китае – практически неограниченные трудовые ресурсы. Вместе с тем, все они демонстрируют существенные различия в структуре хозяйства и экономической политике. Это создало благоприятные возможности для выявления закономерностей и особенностей их перехода к современным экономикам.

В исследовании вскрыты основные трудности на пути решения данной задачи. Это, во-первых, фундаментальное для постсоциалистических стран противоречие между рациональностью формирующихся рыночных экономических систем и уравнительными принципами социального обеспечения, унаследованными от социализма. Во-вторых, необходимость преодоления структурных перекосов в экономике как следствия форсированной социалистической индустриализации. В-третьих, сложности перехода от экстенсивного роста к моделям быстрого научно-технологического развития. В-четвертых, опасность чрезмерного вмешательства государства в выбор экономического курса.